

О. СЕПРЕ

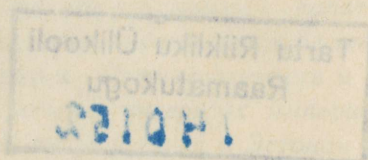
Зависимость
буржуазной
Эстонии
от
империалистических
стран

АКАДЕМИЯ НАУК
ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАЛЛИН · 1960

О. Сепре

ЗАВИСИМОСТЬ
БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ
ОТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ
СТРАН

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАЛЛИН 1960

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

140152

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР
РИСО № 334

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, дав свободу народам царской России, освободила и эстонский народ от старого режима и национального угнетения. Вместе с русским пролетариатом рабочий класс Эстонии также установил советскую власть. Но вследствие немецкой оккупации с февраля 1918 года советская власть в Эстонии была подавлена. Это дало эстонской буржуазии возможность организовать и укрепиться. При помощи англо-американских империалистов и финских наемников эстонской буржуазии удалось захватить власть. Буржуазная Эстония участвовала в военной интервенции против Советской России до начала 1920 года; мирный договор между буржуазной Эстонией и Советской Россией был подписан в Тарту 2 февраля 1920 года.

Буржуазная Эстония возникла и существовала в эпоху империализма, в период общего кризиса капитализма. Это обстоятельство не могло не оказать существенного влияния на развитие ее экономики. Промышленность и сельское хозяйство были перестроены в интересах империалистических стран. Соответственно меняющемуся в Эстонии влиянию империалистических государств, Эстония поставляла то бекон для Англии, то сальных свиней для Германии, то брала курс на аграризацию, то на производство полуфабрикатов, особенно сланцевого масла.

В отношении иностранного влияния весь рассматриваемый период — с 1920 по 1940 год — можно разделить на два этапа: в первой половине периода (двадцатые годы) решающее значение в экономике буржуазной Эстонии имел английский капитал, а в тридцатых годах все более усиливалось влияние Германии. Что же касается направлений развития экономики, то в первые годы существования буржуазной Эстонии (в 1920—1924 гг.) делались попытки оживить крупную промышленность в надежде на свержение советского строя в России

и восстановление прежних обширных рынков сбыта для промышленной продукции Эстонии. С 1925 года в Эстонии преобладал курс на аграризацию страны, особенно на увеличение производства продуктов животноводства для экспорта в империалистические государства, прежде всего в Англию. В начале тридцатых годов в экономике буржуазной Эстонии стало усиливаться влияние Германии, встретившее ожесточенное сопротивление со стороны английского финансового капитала. По заключенному в 1935 году между Англией и гитлеровской Германией морскому пакту Балтийское море считалось входящим в сферу влияния Германии, и в результате этого стало резко усиливаться подчинение Прибалтики интересам Германии. Вместе с тем возрастал экспорт сланцевых продуктов и увеличилась добыча эстонских фосфоритов для экспорта в Германию.

Буржуазная власть в Эстонии возникла не в борьбе эстонской буржуазии против феодализма и монархии, а в борьбе против своего же рабочего класса, против советского строя. В этом самая характерная черта всей политики эстонской буржуазии, основа ее реакционности. Борьба против рабочего класса не прекращалась и во время существования буржуазной Эстонии, а наоборот, принимала все более упорный характер. Трудно найти другое государство, где бы открытый террор так свирепствовал над рабочим классом, как в буржуазной Эстонии. Исключительная реакционность эстонской буржуазии оказывала влияние и на экономику страны. Буржуазная Эстония упорно отказывалась установить нормальные экономические отношения с СССР. Торговый договор был заключен только в 1929 году (и то лишь формально), а отдельные торговые сделки до и после этого имели спекулятивный, случайный характер. Эстонская буржуазия неизменно участвовала в антисоветских блоках в Прибалтике, а иногда являлась и их инициатором. Территория буржуазной Эстонии всегда рассматривалась западными империалистами как плацдарм агрессии против СССР. Все эти факторы усиливали и усугубляли зависимость буржуазной Эстонии от западных империалистических стран.

Борьба за рынки между империалистами Англии и Гер-

мании отразилась и на взаимоотношениях реакционных партий в буржуазной Эстонии. Одни из них ориентировались на Англию, другие на Германию. Особенно ожесточенные формы приняла борьба между буржуазными партиями в начале тридцатых годов, когда началась сильная экспансия германского фашизма. Правительство буржуазной Эстонии (правительство К. Пятса), раньше боровшееся против германского влияния, в середине тридцатых годов начало всячески выслуживаться перед германским фашизмом. Экономика буржуазной Эстонии была в основном подчинена интересам германского империализма. Вместе с тем усилилась и политическая зависимость Эстонии от гитлеровской Германии.

Но трудящиеся Эстонии бдительно следили за махинациями реакционной клики. Трудовой народ, который Октябрьской революцией уже был освобожден от цепей капитализма и почувствовал свое могущество, даже в дни буржуазного террора не прекращал борьбу за советскую власть. Ни оккупация Эстонии Германией в 1918 году, ни поражение в гражданской войне 1919 года, ни подавление восстания 1 декабря 1924 года не сломили его упорства и веры в победу. Трудовой народ боролся и в дни террора реакционной клики, и в годы фашистской диктатуры. Этой борьбой руководила Коммунистическая партия Эстонии, хотя она и была загнана глубоко в подполье. Судебные процессы и расстрелы коммунистов, запрещение рабочих организаций были повседневными явлениями. Но вместо запрещенных организаций возникали новые, вместо арестованных и расстрелянных руководителей рабочих класс и трудящиеся выдвигали новых. Как ни старалась буржуазная власть посредством террора и изменнической деятельности кучки правых социалистов привлечь на свою сторону рабочих и трудящихся, разобить их с коммунистами, ей это сделать не удавалось. Прогрессивные организации трудящихся и, в частности, большинство профсоюзов следовали за Компартией. Даже в самые тяжелые дни разнузданного фашистского террора и идеологического шантажа классовая борьба не утихала, а все более обострялась, и, наконец, в 1940 году пролетариат Эстонии сверг реакционную диктатуру и восстановил советскую власть.

1. Роль Англии и Германии в экономике буржуазной Эстонии

После первой мировой войны, закончившейся поражением германского империализма, основной опорой контрреволюции в Прибалтике были Англия и США. Главным хозяином эстонской буржуазии стал английский империализм. В двадцатых годах экономика буржуазной Эстонии обслуживала в основном интересы Англии. Англичане в первые годы буржуазной власти захватили почти все крупные промышленные предприятия Эстонии. Во всех областях эстонской промышленности усиливалась роль английского капитала, который вытеснял и подчинял германские и французские капиталы. Англичане присвоили фабрики и заводы, скупив за бесценок их акции; новых капиталов для обновления и расширения приобретенных предприятий почти не вкладывалось. Английские предприниматели и эстонская буржуазная верхушка рассчитывали на скорое свержение советской власти в России и мечтали об экономическом порабощении «новой» России. Самые благоприятные условия для деятельности были созданы крупным предприятиям (Русско-Балтийский судостроительный завод, «Двигатель» и др.). На средства, полученные в 1920 году от Советской России по мирному договору (15 млн. золотых рублей), не был выстроен ни один новый завод. Значительная часть этого золота была израсходована не в интересах развития народного хозяйства Эстонии. В экспорте Эстонии первое место в 1921—1924 гг. занимала Англия. В те же годы импорт буржуазной Эстонии постоянно превышал экспорт — общий дефицит составил 74,1 млн. крон¹, т. е. 25,7% импорта за весь

¹ По данным статистического сборника *Eesti arvudes 1920—1935* [«Эстония в цифрах 1920—1935»], Tallinn, 1937, стр. 130.

В буржуазной Эстонии денежной единицей до 1927 года (включительно) была марка, а начиная с 1928 года — крона, причем 100 марок были приравнены к одной кроне. В позднейших статистических изданиях данные за 1919—1927 гг. приводились обычно в кронах.

четырёхлетний период. Таким образом, большая часть золотого запаса буржуазной Эстонии утекла за границу уже в начале двадцатых годов. Английское влияние стало господствующим не только в экономике, но и во всех областях жизни Эстонии. В армии, особенно в воздушном флоте, появились английские инструкторы. Даже военная форма и военные звания устанавливались по английским образцам. В большинстве школ английский язык стал первым иностранным языком, а преподавание русского языка почти совсем прекратилось. В печати появились в большом количестве переводы книг английских авторов. Эстонская буржуазия увлекалась подражанием английскому образу жизни.

Но расчеты мировой буржуазии, в том числе английской и эстонской, на свержение советской власти в России не оправдались. Уже в 1923—1924 годах было ясно даже самому заядлому врагу Советов, что власть рабочих в СССР не временное явление. А между тем буржуазное эстонское государство к тому времени в финансовом отношении попало в катастрофическое положение. Чрезмерная эмиссия денежных знаков для удовлетворения спроса на кредит и пассивный баланс внешней торговли привели к быстрому падению курса эстонской марки. Запасы золота и иностранной валюты в государственной кассе уменьшились за три года на 81%, составив в 1924 году всего лишь 545,1 млн. марок². Государство уже не могло в прежнем масштабе продолжать кредитование предприятий. В 1924 году разразился экономический кризис. Многие предприятия обанкротились. Количество опротестованных векселей в 1924 году являлось рекордным. Англичане на выгодных для себя условиях продали эстонскому государству часть обанкротившихся предприятий. Число безработных быстро росло.

Газета «Постимээс» писала, что в 1920—1924 гг. «большое количество предприятий было основано почти целиком на кредиты, и многие предприниматели тогда рисковали больше, чем они это сделали бы при участии собственного капитала, потому что терять им было нечего, они могли только выиграть»³. Так «Постимээс» правильно характеризует период грюндерства в буржуазной Эстонии.

Кризис 1924 года не был для буржуазной Эстонии лишь скоплением временных экономических затруднений переходя-

² Журнал *Eesti Statistika* [«Эстонская статистика»], 1928, стр. 96.

³ *Postimees* [«Почтарь»], 3 октября 1935 г.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

шего характера (например, связанных с неурожаем 1923 года), а означал полный провал ориентации экономики на развитие крупной промышленности. Место буржуазной Эстонии в системе империализма обусловило значительную перестройку ее экономики. В обстановке глубокого экономического кризиса происходила политическая борьба между разными группировками и партиями за определение преимущественного направления развития экономики. Победила группировка, настаивавшая на закрытии государственного кредита для промышленности и требовавшая полной аграризации страны.

Так газета «Ваба Маа», орган этой группировки — партии трудовиков⁴ — писала в 1923 году: «Если посмотреть, кому Эстонский банк предоставил в кредит свои миллиарды, то мы увидим, что промышленности выдано до 1 октября с. г. 2333 миллиона, торговле 1069 миллионов, частным банкам 531 миллион, сельскому хозяйству 238 миллионов и для новых строек 162 миллиона (марок. — О. С.). Львиная доля кредита Эстонского банка пошла на поддержку промышленности и оставшаяся часть на поддержку торговли.

Основа нашей экономической жизни есть сельское хозяйство. Этой отрасли производства Эстонский банк в своей политике кредитования мало шел навстречу, хотя эти 238 миллионов не следует считать единственным сельскохозяйственным кредитом, так как некоторая часть торгового кредита служит также интересам сельского хозяйства. Этот кредит настолько мал по сравнению с другими кредитами, выданными Эстонским банком, что здесь не может быть и речи о целенаправленной поддержке сельского хозяйства»⁵.

Несколько месяцев спустя, в апреле 1924 года, когда образовалось новое правительство (Фр. Акеля и О. Штрандмана), в его декларации говорилось:

«В политике кредитования надо оказать больше поддержки сельскохозяйственным интересам и направить больше денег в виде льготных кредитов на повышение земледельческой

⁴ Партия трудовиков, исторически сформировавшаяся на политической платформе русских трудовиков, в буржуазной Эстонии утратила все элементы прогрессивности; хотя эта партия на выборах основное количество голосов получала от служащих и интеллигенции, она часто проводила политику самых реакционных кругов.

⁵ *Vaba Maa* [«Свободная страна»], 8 декабря 1923.

культуры и улучшение культурно-технических работ»⁶. Характерно, что в этой декларации требуется уже не уменьшение кредитов для промышленности, а только рекомендуется воздерживаться от спекулятивных кредитов⁷. Несмотря на то, что официально было выдвинуто требование направить больше денег в виде кредита и помощи сельскому хозяйству, в действительности удельный вес кредитования сельского хозяйства остался и в последующие годы незначительным. Так, кредиты Эстонского банка сельскому хозяйству в 1923 г. (по состоянию на 31 декабря) выражались суммой в 236 млн. марок, а в 1924 г. — 255 млн. марок, в 1925 г. — 348 млн. марок и в 1926 г. — 416 млн. марок⁸; по сравнению с объемом кредитования промышленности за те же годы эти суммы составляли, соответственно, лишь 11,6%, 12,1%, 14,4% и 16,5%. В кредитовании промышленности фактически единственное изменение произошло только в составе клиентуры. Если Эстонский банк раньше обслуживал довольно широкие круги промышленников, то теперь прекратилось кредитование мелких фирм и предприятий, кредиты предоставлялись только крупным дельцам.

Правительство, составленное весной 1924 года блоком трех «умеренных» буржуазных партий, оказалось беспомощным в своих попытках оздоровления экономики страны. Наиболее реакционные группировки стали организовывать ударные отряды для захвата государственной власти с целью установления в Эстонии режима «твердой руки» по примеру фашистской диктатуры Муссолини в Италии. Подготовка фашистского переворота разоблачалась в листовках и воззваниях Центрального Комитета КП Эстонии, призывавших рабочих к активным действиям против фашистской угрозы. Фашистская затея встретила непреодолимое сопротивление широких масс трудящихся.

1 декабря 1924 года рабочий класс Эстонии восстал. Но авангард восставших был разбит раньше, чем весь рабочий класс успел вооружиться. Против рабочего класса единым фронтом выступали все буржуазные партии (в том числе и так называемая «рабочая» социалистическая партия). Был

⁶ Протокол III заседания Государственного собрания 1924 г. Протокол № 80. Декларация премьер-министра Фр. Акеля.

⁷ Поскольку спекулятивным кредитом крупные промышленники называли выданный мелким предприятиям кредит, то целью такой рекомендации было лишить мелких капиталистов государственного кредита.

⁸ *Eesti Statistika*, 1928, стр. 97.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

установлен кровавый террор. Правящие круги буржуазной Эстонии, чувствуя свою слабость, все более старательно искали поддержки извне. Для сохранения буржуазного строя в Эстонии они считали настоятельно необходимым повышение экономического интереса к ней империалистических держав, в первую очередь Англии. Эстонская буржуазия упорно воздерживалась от установления нормальных хозяйственных отношений с Советским Союзом. Вместо того, чтобы добиваться оживления промышленности Эстонии выгодными заказами из СССР, правящие партии стали проводить политику аграризации страны.

Уже в первые годы существования буржуазной Эстонии часть продукции сельского хозяйства была направлена на удовлетворение нужд английского и германского рынка. Но в общем экспорт сельскохозяйственных продуктов был незначителен. Теперь же, начиная с 1925 года, вывоз сливочного масла и других продуктов животноводства (мясо, бекон, яйца) стал заметно возрастать. Так, в 1924 году Эстония экспортировала 3187 тонн сливочного масла, 821 тонну мяса и 9939 тыс. яиц, а в 1929 году, соответственно, 12 359 тонн, 2509 тонн, 22 312 тыс. и в 1934 году 10 118 тонн, 3518 тонн, 34 692 тыс.⁹ Из этих данных видно, что вывоз сливочного масла увеличился за пятилетний период (1924—1929) в 3,9 раза, а за десятилетний период (1924—1934) в 3,2 раза; вывоз мяса увеличился, соответственно, в 3,1 и 4,3 раза, а вывоз яиц — в 2,2 и 3,5 раза.

Кроме вышеназванных сельскохозяйственных продуктов, в начале двадцатых годов некоторое значение для Эстонии имел и вывоз льна. Так, в 1924 году удельный вес льна в стоимости всего вывоза равнялся 21,5%, но затем сильно уменьшился и составил в 1930 году только 4,1%¹⁰. На этом уровне он продолжал оставаться и в дальнейшем.

Среди экспортируемых Эстонией товаров определенное место занимала продукция лесной промышленности. Главным образом в Англию вывозилось значительное количество леса и лесных полуфабрикатов (необработанная фанера). Например, в 1928 году удельный вес бревен и шпал в стоимости всего вывоза равнялся 0,4%, досок — 13,2%, пропса — 3,1%, фанеры — 4,4%, всего 21,1%¹¹. По годам объем выво-

⁹ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 139.

¹⁰ Там же, стр. 140.

¹¹ Там же.

за леса и лесных полуфабрикатов колебался, но средний уровень оставался приблизительно тем же.

Изменение структуры экспорта за весь период существования буржуазной Эстонии характерно тем, что в начале этого периода удельный вес готовых товаров был довольно значителен, например, в 1925 году он составлял 40,5% стоимости всего вывоза; в дальнейшем он сильно снизился — до 19,3% в 1938 году¹².

Таким образом, буржуазная Эстония стала в основном вывозить сельскохозяйственные продукты, сырье и полуфабрикаты; удельный вес вывоза этих товаров возрос с 59,2% в 1925 году до 80,7% в 1938 году. Это и определяло общее направление в развитии экономики буржуазной Эстонии.

Буржуазная Эстония официально никогда не была колонией Англии. Англии не нужно было формально превращать Эстонию в колонию, ибо экономические и политические узы, которыми она связала Эстонию, по существу были и без того узами колониальной зависимости. Как известно, эстонская буржуазия в начале гражданской войны (в декабре 1918 года) просила английский флот и английскую армию оккупировать Эстонию и основать военно-морские базы на островах без всяких условий о сроках вывода войск. И только отказ англичан привел к тому, что буржуазная Эстония осталась формально независимой.

Англия имела серьезного соперника в лице возрождающегося германского империализма, с которым она длительно вела упорную борьбу за гегемонию в буржуазной Эстонии.

В Эстонии германский капитал опирался на старые исторические связи Германии с Прибалтикой. Как известно, немецкие рыцари, завоевав в XIII веке эстонские земли, поработили эстонский народ, образовав собой высшую касту эксплуататоров — балтийских баронов. Они никогда не прерывали экономических, культурных и политических связей с Германией, с германскими юнкерами. В эпоху перехода на капиталистический способ производства в Прибалтику было вложено немало германского капитала, который объединялся с местным баронско-юнкерским капиталом. Таким путем на территории Эстонии, особенно во второй половине XIX и в начале XX века, были построены целлюлозно-бумажные, цементные, стекольные, фанерные и др. заводы. Образовалась

¹² *Väliskaubandus 1928. a.* [«Внешняя торговля в 1928 г.» — Издание Государственного центрального бюро статистики], Tallinn, 1929, стр. 6. *Väliskaubandus 1938. a.* Tallinn, 1939, стр. 7.

густая сеть винокуренных заводов, лесопилен, торфоразработок и т. п. Местный капитал немецких баронов участвовал также в строительстве узкоколейной железной дороги Пярну—Таллин в последние годы XIX века и в начале XX в.

Значительную роль играл и немецкий купеческий капитал. Как в деревне бароны, так в городе немецкие купцы в эпоху феодализма образовали особую касту, которая не смешивалась с эстонцами и имела постоянные экономические, политические и культурные связи с Германией. В развитии промышленности немецкие купцы и бюргеры проявили значительную инициативу. В результате всего этого укоренилось немецкое влияние в Прибалтике.

До Октябрьской революции в Прибалтике господствовала германская ориентация. Германский образ жизни преобладал во всех городах на территории Эстонии. Городские дома строились по образцу немецких; мебель, одежда, обычаи были немецкими. Бароны и городские немцы смотрели на эстонцев, как на низших людей. Хотя подавляющее большинство (до 90%) городского населения составляли эстонцы, говорить по-эстонски считалось недостойным.

Буржуазная земельная реформа 1919 года в Эстонии лишила частично немецких баронов земли, но почти половина баронских семей получила часть своих имений обратно (до 50 га угодий на каждого прежнего владельца), и законом 1926 года была установлена компенсация за все отнятые земли¹³. В руках баронов остались все акции промышленных предприятий, все дома и постройки в городах (а их было значительное количество). Городская немецкая буржуазия — купцы, домовладельцы, промышленники, банкиры — остались владельцами своего имущества.

Германия, территориально самая близкая к Эстонии индустриальная страна, после первой мировой войны начала вывозить из Эстонии сливочное масло, свинину и другие продукты животноводства. Старые экономические связи облегчали развитие торговых отношений с Германией. В первом десятилетии существования буржуазной Эстонии на Англию и Германию приходилось около $\frac{2}{3}$ ввоза и вывоза Эстонии, причем наблюдались небольшие изменения в соотношениях их долей. Так, в 1924 году Эстония вывозила в Англию на 25,3 млн. крон и в Германию на 17,0 млн. крон, что вместе

¹³ Сумма компенсации, 12,8 млн. крон, была доведена законом 1931 года до 17 млн. крон.

составляло свыше 56% общей стоимости экспорта, а в 1929 году вывоз в Англию достиг 45,3 млн. крон и вывоз в Германию 31,3 млн. крон, составляя вместе более 65% всего экспорта¹⁴.

Даже буржуазные экономисты должны были признать, что сильная зависимость от двух империалистических государств тормозит развитие экономики: «Ибо такая большая зависимость от рынка только двух государств, при наличии там неблагоприятной конъюнктуры, может оказать парализующее влияние на наш экспорт, номенклатура которого ведь весьма ограничена»¹⁵. Но существенного изменения в положении не произошло — зависимость от Англии и Германии осталась до конца существования буржуазной Эстонии основной чертой ее торговых отношений.

К концу двадцатых годов экономическая мощь Германии восстановилась. Активизировалась и германская внешняя политика. В Германии уже за несколько лет до прихода Гитлера к власти началась ремилитаризация в реваншистских целях. Германия односторонне нарушила мирные договоры и, не выполняя своих обязательств, восстановила вермахт. Гитлер, захватив власть в начале 1933 года, только усилил экспансию германского империализма, превратив всю страну в военный лагерь.

Буржуазная Эстония представляла собой известный интерес для германского империализма. Эстония имела значительные природные богатства — сланцы, из которых можно было фабрично-заводским способом получать заменители нефти и бензина. Немецкий капитал уже в 1920—1921 гг. приобрел большую территорию эстонского сланцевого бассейна на концессионной основе. Но тогда германский финансовый капитал был еще слаб, и завод по перегонке сланцев не был построен. Немцы эксплуатировали небольшую шахту и добывали незначительное количество сланцев, которое они продавали на внутреннем рынке Эстонии. Таким образом, немецкий капитал более десяти лет предусмотрительно держал в своих руках богатые залежи сланца, сам их не разрабатывая. В то же время английский империализм также не был заинтересован в переработке сланцев на масло (в особенности нефтяная монополия «Роял Датч Шелл Ко»), так как природной нефти было достаточно.

¹⁴ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 150—151.

¹⁵ *Väliskaubandus 1928*. а., стр. 11.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

В 1929—1930 годах, когда германский империализм окреп, в буржуазной Эстонии началась инвестиция немецкого капитала, главным образом в сланцевую промышленность. Был построен крупный сланцеперегонный завод в Кивиыли. В последующие годы было проведено значительное расширение этого завода, заложены новые шахты и основано акционерное общество с немецким капиталом («Вирумаа Электер») для снабжения сланцеперегонных заводов электроэнергией.

Но и английский капитал не уступал своей гегемонии без борьбы. Англичане в начале тридцатых годов построили в Ванамыйза опытный завод, а затем в Кохтла — сланцеперегонный, на котором они применяли свой новый метод перегонки сланца (метод Дэвидсона). В те же годы шведы обновили свой сланцеперегонный завод в Силламяэ. Но по объему капиталовложений англичане и шведы сильно отставали от немцев, так как последние были особенно заинтересованы в получении синтетического бензина.

Борьба между английским и возродившимся германским империализмом, вследствие стремительного вторжения немецкого капитала в сферу господства английского капитала, отразилась и на внутренней жизни буржуазной Эстонии. Борьба за ориентацию на Англию или на Германию приняла широкий размах и обострилась, особенно в связи с расширением гитлеровской пропаганды.

В начале тридцатых годов во всех государствах Прибалтики под влиянием германского фашизма появились фашистские партии (в Латвии — «перконкрустьеши», в Эстонии — «вапсы», в Финляндии — «лабуа»). По мере фашизации Германии, на основе экономических, политических и традиционных связей, возрастало ее влияние и на буржуазную Эстонию: расширялась немецкая подпольная агентура, усиливалась и активизировалась часть буржуазной верхушки, требовавшая ориентации на Германию. На арену выступила новая политическая партия — «вапсы» (эстонские фашисты), которые являлись агентурой гитлеровской Германии в Эстонии.

Вапсы получали прямые субсидии из Германии. Для печатания своей центральной газеты им даже была бесплатно предоставлена конфискованная Гитлером ротационная машина газеты «Форвертс» (органа германских социал-демократов). Вапсы проводили большую демагогическую кампанию. Используя тяжелое экономическое положение и общее недовольство в стране, они путем плебисцита провели в октябре 1933 года изменение конституции, в котором была предусмот-

рена открытая диктатура президента. Но глава правительства К. Пятс, лидер партии «Союз земледельцев», опередил вапсов и устроил сам переворот: 12 марта 1934 года он арестовал главарей вапсов и установил собственную диктатуру. Были запрещены все политические партии, а на базе бывшего «Союза земледельцев» была основана новая политическая организация «Изамаалийт» («Отечественный союз»). Таким образом, в действительности прежняя партия «Союз земледельцев» захватила власть. К. Пятс маневрировал оперативно — выдвинул на некоторые высокие посты прежних политических лидеров ликвидированных им же партий, тем самым разлагая сохранившиеся силы этих партий, и давал подачки различным группам, слоям и классам. Даже рабочим был установлен минимум отпуска с сохранением заработной платы на одну неделю¹⁶, но в то же время были запрещены стачки рабочих, снижена заработная плата и закрыты рабочие организации (кроме некоторых профашистских).

После захвата власти К. Пятс и его правая рука — главнокомандующий войсками Й. Лайдонер — ориентировались во внешней политике, как и бывший «Союз земледельцев», на Англию. В результате их совместных усилий удельный вес экспорта в Англию в 1934 году достиг 40,5%, что было наиболее высоким показателем в тридцатые годы¹⁷. Во внутренней политике выражением английской ориентации было подавление движения вапсов. Но времена скоро изменились.

В своих империалистических интересах США, Англия и Франция пытались направить германскую экспансию на Восток, способствуя подготовке гитлеровской агрессии против СССР¹⁸. США и Англия делали фашистской Германии уступку за уступкой, отменяя репарации и позволяя ей вероломно нарушать договоры. Важным звеном в подготовке второй мировой войны был морской пакт между Англией и Германией, заключенный в июне 1935 года. Этим пактом Англия уступила Гитлеру Прибалтику как удобный военный плацдарм для нападения на СССР.

Так, посол буржуазной Эстонии в Каунасе уже во время

¹⁶ Закон о длительности отпуска промышленных рабочих с сохранением заработной платы и о продлении времени предупреждения, требуемого для расторжения их трудового договора, *Riigi Teataja* [«Государственные ведомости»], 1934, № 108, статья 848, § 2.

¹⁷ *Eesti Majandus 1938. a.* [«Экономика Эстонии в 1938 г.» — ежегодник Эстонского банка], Tallinn, 1939, стр. 120.

¹⁸ *Фальсификаторы истории*, Госполитиздат, 1951, стр. 22.

Мемельского конфликта (в октябре-декабре 1934 г.) писал в своем докладе: «Великобритания, видимо, все больше поддерживает автономию¹⁹ в том смысле, как это интерпретирует Германия. Англия... в настоящее время, пожалуй, с удовлетворением видела бы некоторое усиление германской дипломатии в Прибалтийских странах и вытекающее из этого частичное укрепление антисоветского фронта»²⁰. Советник британского посольства в Берлине Ньютон в беседе с советником эстонского посольства рекомендовал не забывать, что Эстонии в первую очередь грозит опасность не со стороны Германии, а со стороны России. На письменном докладе об этой беседе имеется резолюция министра иностранных дел буржуазной Эстонии: «Правильно!»²¹. Эта отметка министра иностранных дел буржуазной Эстонии вполне соответствует отношению буржуазного правительства Эстонии к данному вопросу. Эстонская буржуазия поняла, что ей необходимо теперь выслуживаться перед гитлеровской Германией.

Начиная с 1935 года К. Пятс перестраивал политику государства в угоду германскому фашизму. Уменьшению влияния Англии в Эстонии способствовал и ряд экономических обстоятельств: падение курса английской валюты, общее ослабление позиции Англии в годы экономического кризиса и снижение цен на лондонском рынке. Так, за килограмм эстонского сливочного масла, экспортируемого в Англию, в 1925 году платили 3,01 кроны и в 1929 году 2,72 кр., а в 1934 году экспортная цена на 1 кг сливочного масла составляла лишь 0,93 кроны²². Германия, в целях усиления своего влияния на буржуазную Эстонию, платила за масло дороже, чем лондонский рынок. Германией был установлен контингент на ввозимые товары — масло, свинину, яйца. Для увеличения контингента было необходимо особое разрешение германского правительства. Буржуазная Эстония, желая увеличить экспорт продуктов животноводства в Германию, должна была обратиться с соответствующим ходатайством к германскому правительству. Но переговоры между столь неравными партнерами означали подчинение слабого сильному и безоговорочное соблюдение диктуемых им условий.

¹⁹ Речь идет об автономии города Мемеля.

²⁰ М. А. Пести. Об англо-американском империалистическом сговоре по вопросу о Балтийском море и Прибалтике (1935 год) [на эстонском языке с резюме на русском], *Известия Академии наук Эстонской ССР*, № 1, 1955, стр. 4.

²¹ Там же, стр. 5.

²² *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 231.

Германии были нужны не только сельскохозяйственные продукты, но и полуфабрикаты, в частности эстонский бензин и сланцевое масло, имевшие при подготовке к войне большое значение. В последние годы перед второй мировой войной Эстония получала из сланцев почти 200 000 тонн сланцевого масла. В Германии же было добыто, например, в 1935 году не более 430 тыс. тонн нефти, а в Польше — 515 тыс. тонн²³. По сравнению с Германией и Польшей Эстония производила довольно значительное количество жидкого горючего. Германия была заинтересована в дальнейшем развитии производства сланцевого масла. Сланцевое масло, как полуфабрикат, вывозилось в Германию для переработки его на разнообразные продукты. Таким образом, буржуазная Эстония стала для фашистской Германии поставщиком не только сельскохозяйственных продуктов, но и продукции сланцевой промышленности. Развитие сланцевой промышленности в Эстонии, однако, происходило односторонне: производство получаемых из сланцев газа, химических продуктов, вяжущих веществ, строительных материалов и пр. не развивалось.

Эстония богата также фосфоритами. Предвидя, что в случае войны марокканские фосфориты будут недоступны, Германия обратила свое внимание на эстонские фосфориты. В Эстонии в 1939 году была начата постройка завода по обогащению фосфоритов; обогащенное сырье должно было вывозиться по договору в Германию, а часть импортироваться обратно в виде суперфосфата. По договору Германия была обязана поставлять Эстонии флотационное вещество, производство которого осталось секретом Германии. Сбыт фосфорита, таким образом, должен был полностью зависеть от Германии.

Если Эстония в первое десятилетие буржуазной власти (английская ориентация) являлась страной, которая вывозила главным образом сельскохозяйственные продукты и сырье, то линия на аграризацию Эстонии была признана в тридцатых годах уже неправильной, односторонней. Упор делался на большее использование природных богатств, особенно сланцев и леса. Чтобы оправдать усиленную эксплуатацию природных богатств в интересах империалистических стран, особенно фашистской Германии, был выдвинут лозунг

²³ *Капиталистические страны*, ЦУНХУ Госплана СССР. М. 1937, том 1, стр. 154—155.

индустриализации страны. «Чисто аграрное государство превратилось бы в дойную корову для индустриальных государств», — говорил известный капиталист и министр народного хозяйства Лео Сепп на конференции «Народной партии» в 1932 году. Другой промышленник М. Пунг на той же конференции заявил: «Производительность промышленности выше, чем производительность сельского хозяйства, а поэтому не будет излишним, если во время кризиса мы принесем ей жертву. Сельскохозяйственная страна никогда не достигнет зажиточности. Все богатые государства — промышленные государства»²⁴.

Ежегодник «Ээсти Маяндус» в 1938 году писал: «Тяготы экономического кризиса выявили в эстонской экономике некоторые общие слабые места, как односторонность в сельскохозяйственном производстве, слабое развитие эксплуатации природных богатств, нерациональное решение топливной проблемы и т. д., увеличившие чувствительность эстонской экономики к возникающим на мировом рынке помехам»²⁵.

Буржуазные экономисты стали утверждать, что необходимо расширить использование природных богатств и уделить больше внимания развитию отраслей, работающих на экспорт, так как рост экспорта есть основа роста продукции вообще и роста благосостояния народа в особенности. Буржуазная пресса требовала, чтобы государство проявило инициативу и вложило бы больше капиталов в экспортную промышленность. Так, например, экономический журнал «Конъюнктуур» в 1935 году писал:

«В этом (в экспорте. — О. С.) заключается главная причина экономического подъема, так как на счет экспорта следует отнести и значительную часть успеха, достигнутого в отраслях, работающих на внутренний рынок.

Вместе с тем это показывает, что при новых капиталовложениях необходимо обратить внимание на отрасли, имеющие перспективы на экспорт. Инвестирование капитала оправдывает себя там даже при меньшей окупаемости, чем в работающих на внутренний рынок отраслях, временно сулящих более высокую рентабельность... Если же внешнее положение не предоставляет достаточно прочных основ частному предпринимательству для вложения капитала в экспортные отрасли хо-

²⁴ *Päevaleht*, [газета «Пяэвалехт», в переводе: «Газета дня»], 23 апреля 1932 г.

²⁵ *Eesti Majandus 1938. a.*, стр. 31.

зайства, то, по-видимому, неизбежно возникает необходимость государственной инициативы»²⁶.

Известно, какие отрасли хозяйства имели наибольшие перспективы на экспорт. Это в первую очередь сланцевая промышленность, а также добывание фосфоритов, реализовавшие свою продукцию в гитлеровской Германии в виде полуфабрикатов.

Ориентация эстонской буржуазии на германский империализм выражалась не только в экономике, но и во всей внутренней жизни страны. Фашистской пропаганде была дана полная свобода. Этим воспользовались главным образом местные немцы — семьи и родственники бывших баронов и последыши немецких бюргеров, раньше представлявшие высший класс в городах. Все эти немцы (которые составляли 1,8% всего населения Эстонии) имели в буржуазной Эстонии культурную автономию (самоуправление). Их школы, где преподавание велось на немецком языке, в тридцатых годах стали рассадниками фашизма. Учащиеся этих школ, гитлерюгенд, не раз демонстрировали свое баронское, теперь же фашистское «превосходство». Немцы имели свои газеты, свои клубы, культурные учреждения, театры, — все эти институты приобрели фашистский характер. В годы перед второй империалистической войной местные немцы рука об руку с приезжими фашистами расширяли свою подрывную работу. Даже эстонские буржуазные публицисты считали нужным обратиться на это внимание. Так, журналист Х. Таммер в 1939 году писал: «Так называемое безмолвное время²⁷, как оказалось, весьма благоприятствовало удушению всех культурных и национальных начинаний, а с другой стороны, оно способствовало тому, что под вывеской культурной автономии национального меньшинства члены последнего интенсивно организовались политически, подвергли себя нацистскому глейхшлунгу и значительно расширили сферу своей деятельности за естественные границы национального меньшинства»²⁸. И далее: «Как можно было видеть, немецкое меньшинство в Эстонии было полностью организовано через культурную автономию, да и политически подготовлено и настроено...»²⁹. Оно было готово к выполнению

²⁶ *Konjunktuur*, 1935, № 10, стр. 641.

²⁷ Безмолвным временем или годами безмолвного состояния назывался период террористической диктатуры Пятса-Лайдонера (1934—1938 гг.), когда парламент, даже формально, не функционировал.

²⁸ *Eesti kroonika 1939* [«Эстонская хроника 1939»], Tartu, 1940, стр. 45.

²⁹ Там же, стр. 43.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

указаний Гитлера. Немецкая культурная автономия фактически превратилась в нацистскую агентуру шпионажа и подрывной деятельности в буржуазной Эстонии, и ей была предоставлена здесь полная свобода действий.

Экономика буржуазной Эстонии, все теснее связываясь с экономикой гитлеровской Германии, продолжала развиваться в направлении усиления колониальной зависимости. Увеличивалось производство сланцевого масла и фосфоритов для экспорта в Германию в качестве стратегического сырья. Разграбление природных богатств страны в интересах Германии являлось следствием развития экономики буржуазной Эстонии в указанном направлении. Если в двадцатых годах Эстония производила главным образом сельскохозяйственные продукты на экспорт, то в тридцатых годах в экономике Эстонии усилились черты, характерные для колонии — в экспорте значительное место, наряду с сельскохозяйственными продуктами, занимали сырье и полуфабрикаты.

2. Значение американского влияния на буржуазную Эстонию

Если в течение первого десятилетия буржуазной Эстонии контроль над ее экономикой и политикой принадлежал главным образом Англии, а затем, в тридцатых годах, перешел в руки гитлеровской Германии, то на протяжении всего периода существования буржуазной Эстонии некоторое влияние на нее оказывали и Соединенные Штаты Америки. В отдельных же вопросах они играли существенную роль.

Как известно, эстонская буржуазия одержала победу в гражданской войне 1918—1919 гг. только с помощью империалистических стран — США и Англии. Американские и английские магнаты посылали в буржуазную Эстонию вооружение и продовольствие, чтобы этим содействовать борьбе против завоеваний Октября, против Советской России.

Хотя эстонская буржуазия воевала и в интересах империалистов США и Англии, последние предъявили эстонскому буржуазному государству после заключения мира между Эстонией и Советской Россией в 1920 году многомиллионный счет, который в конце концов должен был оплатить эстонский трудовой народ. Таким образом, трудящиеся Эстонии попали под двойное ярмо — под ярмо своих и иностранных поработителей.

Самую большую «помощь» буржуазной Эстонии оказали Соединенные Штаты Америки. Это видно из величины военного долга буржуазной Эстонии: из общей суммы военных долгов (до начала погашения) США принадлежало около 68% (14,01 млн. долларов), а Англии примерно 20% (1,11 млн. фунтов стерлингов); остальные 12% составили долги четырем другим государствам (Франции, Швеции, Дании и Финляндии)³⁰. В первые годы буржуазной власти был ликвидирован

³⁰ H. Saarniit, *Kodanlik Eesti sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924)*, Tallinn 1958. стр. 14

лишь долг Финляндии, а затем Франции, Швеции и Дании. По военным долгам Англии и США платились в основном только проценты; в тридцатых годах, в связи с кризисом, прекратились всякие платежи по этим долгам. Так, еще в 1939 году военные долги буржуазной Эстонии, США и Англии составляли, соответственно, 16,5 млн. долларов и 1,05 млн. фунтов стерлингов³¹. Интересно отметить, что эти долги были оформлены не как займы, а как прямые государственные долги американскому и британскому правительствам.

Это обстоятельство обеспечивало значительную роль США в политике буржуазной Эстонии. Факты свидетельствуют о том, что буржуазная Эстония ни в одном внешнеполитическом вопросе не могла действовать самостоятельно и во всех делах, касающихся борьбы против СССР, подчинялась США. Поэтому и в те годы, когда отношения между СССР и Англией были более или менее нормальными (как известно, в дипломатических отношениях они состояли с февраля 1924 по май 1927 года), буржуазная Эстония продолжала яростно выступать против Советского Союза.

Военный долг был для Эстонии тяжелым бременем. Рабочие и трудовое крестьянство должны были платить налоги, пошлины, акцизы и т. д., которые шли на уплату долгов. Буржуазная Эстония платила США ежегодно огромные суммы для погашения долга, но задолженность не уменьшалась, а вследствие неуплаты процентов в кризисные годы в общем увеличилась. Так, долг США составлял в 1922 году 58 171 тыс. крон, а в 1939 г. — 65 041 тыс. крон. Этот долг был достаточно крупным, чтобы держать в подчинении такую небольшую страну, как буржуазная Эстония.

Необходимо здесь коротко охарактеризовать некоторые обстоятельства, при которых возникали военные долги буржуазного правительства Эстонии в гражданскую войну 1918—1919 гг. Эстонское правительство покупало военное снаряжение и продовольствие через своих представителей. В качестве представителей некоторые эстонские буржуазные дельцы при этих сделках награбили себе крупные капиталы, составившие впоследствии основу их коммерческой деятельности. Так, Александр Пухк, брат одного из виднейших эстонских магнатов Йоакима Пухка, был агентом эстонского государства по закупке военной одежды. Он покупал от английских дельцов ношенные, испачканные кровью шинели, снятые с убитых на

³¹ *Eesti Majandus 1938. a.*, стр. 95 и 143.

западном фронте. Кроме военного снаряжения, из США ввозилось в Эстонию изрядное количество продовольственных продуктов, преимущественно консервы, сухие фрукты, мука, сельдь — большей частью начавшие уже портиться товары. За все эти залежалые продукты платились американским торговым фирмам полные цены деньгами, полученными в долг от правительства США. Эстонские буржуазные дельцы не брезговали такими сделками для личной наживы. Также относились представители буржуазной Эстонии к государственным делам и в дальнейшем. При налаживании внешних отношений государства они в своих личных корыстных интересах содействовали углублению политической и экономической зависимости Эстонии от иностранных держав.

Когда в 1920—1925 гг. были истрачены почти все резервы золота и инвалюты, которыми обладала буржуазная Эстония, экономика страны оказалась на краю гибели. Курс эстонской марки катастрофически упал, промышленное производство уменьшилось, сельское хозяйство находилось в состоянии упадка. Буржуазное правительство единственную возможность сохранения своей власти видело в получении внешнего займа.

Внешний заем Лиги Наций, полученный в 1927 году эстонским правительством, в действительности был американским займом. Хотя этот заем в сумме 1,5 млн. фунтов стерлингов и был предоставлен от имени Лиги Наций, посредником в его получении являлся «Мидлэнд бэнк», один из банков большой пятерки Англии, тесно связанный с американским капиталом, и большая часть займа была реализована в Нью-Йорке, так что определяющей считалась котировка займа в Нью-Йорке.

Этим займом буржуазная Эстония связала себя в финансовом отношении с империалистическими странами, в первую очередь с США и Англией. По распоряжению финансового комитета Лиги Наций при Эстонском банке была создана должность особого финансового советника, в правах комиссара, и на эту должность был назначен представитель интересов англо-американского капитала Уолтер Уильямсон, который и руководил всей финансовой и экономической политикой Эстонии. Только в стране, которая утратила свою политическую и экономическую независимость, можно было иметь таких советников.

В промышленности Эстонии американский капитал открыто не выступал. Как известно, главную роль в Эстонии играли английский и германский капиталы. Но английские и особенно германские монополии были тесно связаны с американскими монополиями.

Американские банки и тресты, действуя в полном согласии с правительством, в период после Версаля вложили в германскую экономику кредиты, исчисляемые миллиардами долларов, которые пошли на восстановление и развитие военно-промышленного потенциала Германии³². Развивались теснейшие связи между американской и германской промышленностью и монополиями. Одной из крупных монополий, тесно связанной с американским концерном «Дюпон де Немур», был «И. Г. Фарбениндустри». Они уже в 1926 году заключили картельное соглашение о разделе мировых рынков сбыта пороха. После Мюнхенской конференции (1938 г.) американский трест «Стандарт ойл» заключил договор с «И. Г. Фарбениндустри», согласно которому последний получил право на участие в прибылях с производимого в США авиационного бензина, отказавшись взамен этого от вывоза из Германии своего синтетического бензина³³. А еще раньше, в 1929 году, «И. Г. Фарбениндустри» сумел «добиться соглашения с американским нефтяным концерном о разделе рынков сбыта, о создании ряда совместных дочерних компаний по администрированию патентами и лицензиями, о совместном использовании открытых американцами процессов, о взаимных участиях, а также получить 30 млн. долларов»³⁴.

Быстрый рост могущества германских монополий произошел в значительной степени за счет американских долларов. «Стальной трест» в 1930 г. получил свыше 100 млн. долл. американских займов; концерн «АЭГ» и «Сименс» — 60 млн. долл.³⁵. В то же время «И. Г. Фарбениндустри» заключил соглашение с концерном Форда, с алюминиевой компанией «Алкоа», с «Нэшнел сити бэнк» и др.³⁶

Англия, Франция и США во многом уступали фашистскому агрессору и проводили так называемую политику «умиротворения», способствовавшую экспансии Германии на Восток.

Таким образом, Германия, имея американские доллары и согласие, а отчасти и одобрение на экспансию на Восток, увеличила свои капиталовложения за границей, в том числе в промышленность буржуазной Эстонии. Это касается в первую очередь тех отраслей промышленности, продукция которых

³² *Фальсификаторы истории*, стр. 9.

³³ Там же, стр. 10.

³⁴ И. Гольдштейн и Р. Левина, *Германский империализм*, Госполитиздат, 1947, стр. 195.

³⁵ В. Д. Кульбакин, *Милитаризация Германии в 1928—30 гг.*, Госполитиздат, 1954, стр. 67.

³⁶ Там же, стр. 67—68.

вывозилась в Германию. Так, покупателем сланцевого масла — главного экспортного полуфабриката Эстонии — был «И. Г. Фарбениндустри», имевший монопольное положение на рынке Эстонии для своих продуктов. Такое же монопольное положение имели «АЭГ» и «Сименс» по сбыту продукции. Это являлось результатом соглашений по вопросу разделения рынков между американскими и германскими монополиями.

По соглашению между американским концерном «Стандарт ойл» и английским концерном «Роял Датч Шелл Ко» Эстония осталась в сфере действия концерна «Шелл» по сбыту нефти и нефтепродуктов, в том числе бензина. Но по сбыту смазочных масел США сохранили свои позиции в Эстонии. Так, например, в 1938 году буржуазная Эстония ввозила из США 330 тонн смазочных масел, а из Англии всего 86 тонн.

Находясь в финансовой зависимости от США, буржуазная Эстония в своих торговых отношениях с ними могла быть лишь на положении колонии или полуколонии. Поскольку буржуазная Эстония ежегодно должна была платить США огромные суммы для погашения долгов и внешних займов, то ей приходилось продавать свои товары по более низким ценам в сравнении с теми товарами, которые она покупала. Между тем, буржуазная Эстония имела с США пассивный баланс. Так, в 1925 году буржуазная Эстония ввозила из США на 22 млн. крон, а вывозила в США всего на 1 млн. крон, и в 1938 году она ввозила из США на 7 034 тыс. крон, а вывозила на 1 471 тыс. крон. За все годы существования буржуазной Эстонии вывоз в США никогда не превышал одной трети ввоза. Из Эстонии в Америку вывозили главным образом целлюлозу, а из Америки ввозились хлопок, смазочные масла, автомашины, тракторы и пр. Индекс цен на вывозимые из Эстонии товары снизился с 108,2 в 1927 г. (1927—1931 гг. — 100) до 58,2 в 1935 г., индекс же цен на ввозимые товары снизился за те же годы с 105,5 до 79,9%³⁷.

Итак США, как самая могущественная империалистическая держава, претендующая на мировое господство, имели значительное влияние на экономику и политику буржуазной Эстонии. Их роль не всегда была прямой и открытой. Именно содействие США укреплению военной мощи гитлеровской Германии явилось существенным фактором усиления влияния фашистской Германии на экономику и политику буржуазной Эстонии. Их общая цель состояла в том, чтобы использовать Прибалтику в качестве плацдарма агрессии против СССР.

³⁷ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 230.

3. Проникновение иностранного капитала в промышленность

Перед первой мировой войной на территории Эстонии насчитывалось 165 предприятий крупной промышленности с 43 тыс. рабочих. Значительная часть этих предприятий принадлежала акционерным обществам, основной капитал которых составлял более 100 млн. рублей. Большинство предприятий было связано с крупными банками и синдикатами, в которых участвовал иностранный капитал. Как известно, германский, французский и английский капиталы играли существенную роль в крупных банках царской России. В промышленности Эстонии около половины всего акционерного капитала составлял иностранный капитал³⁸.

В Эстонии, как и в Прибалтике в целом, особое значение имел немецкий капитал, так как местные бароны, немцы, перестроившие свои имения в капиталистические, юнкерские, представляли собой местных немецких капиталистов. Они имели тесные экономические, политические и культурные связи с Германией и следовали примеру германских юнкеров как в развитии сельского хозяйства, так и в основании промышленных предприятий. Городские бюргеры немецкого происхождения приступили также к основанию промышленных предприятий, причем немалую роль играли инвестиции привлеченных из Германии капиталов. Ввиду благоприятного географического положения Эстонии в ее промышленность устремлялся и русский капитал.

На территории Эстонии уже в первой половине XIX века были построены текстильные фабрики — Нарвская суконная мануфактура, Хийу-Кярдлаская суконная фабрика, Синдиская суконная фабрика и др. Во второй половине XIX века в Эстонии начала широко развиваться целлюлозно-бумажная

³⁸ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней), Таллин, 1958, стр. 346.

промышленность. Это привело впоследствии к хищнической эксплуатации местных лесов. Были построены бумажные фабрики в Кохила и в Тюри и фабрика Йохансона в Таллине. Юлемистеская бумажная фабрика в 1893 году была перестроена в крупную целлюлозную фабрику (позднее переименованную в «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик»). Был основан ряд крупных кирпичных и известковых заводов, а затем и два цементных завода, на местном сырье. В конце прошлого столетия были построены в Таллине машиностроительные заводы «Виганд», «Франц Крулль» и «Вольта», крупный вагоностроительный завод «Двигатель» и др., а в Пярну — крупнейшая целлюлозная фабрика «Вальдгоф». Незадолго до начала первой мировой войны были основаны в Таллине судостроительные заводы: «Русско-Балтийский судостроительный завод», верфи «Ноблесснер» и завод Беккера.

Необходимо отметить, что в металлообрабатывающей промышленности на территории Эстонии преобладал капитал крупных банков России, но участвовал и местный немецкий капитал. Что касается хлопчатобумажной промышленности, то здесь господствовал английский капитал. В некоторой мере участвовали в промышленности бельгийский, шведский и другие иностранные капиталы. Так, Тартуская телефонная фабрика была основана шведской фирмой «Эрикссон». До первой мировой войны капитал самих эстонцев не играл в крупной промышленности почти никакой роли. Только несколько десятков эстонцев имели заводы мелкого и среднего масштаба. Зарождавшаяся эстонская буржуазия акциями крупных заводов не владела. Это объясняется тем, что дифференциация эстонской буржуазии, в частности превращение лавочников и мелких домохозяев в крупных торговцев и крупных промышленников, началась довольно поздно, лишь во второй половине XIX века.

После первой мировой и гражданской войн картина полностью изменилась. На территории Эстонии остались многие предприятия, принадлежавшие русскому и иностранному капиталу или русскому государству. Эти предприятия были захвачены иностранным, главным образом английским капиталом. Например, Русско-Балтийские верфи захватил английский военный концерн «Виккерс», создав для этого фиктивное акц. об-во «Англо-балтийское акц. об-во судостроения и механики» с участием эстонских дельцов. На вагоностроительном заводе «Двигатель» и во многих других предприятиях крупной промышленности увеличилось влияние английского капитала за счет прежнего русского. Вследствие по-

ражения Германии в войне ее позиции в буржуазной Эстонии сильно ослабли и окрепли вновь лишь в тридцатых годах XX века. В предприятия и банки, принадлежавшие раньше преимущественно германскому капиталу, в двадцатых годах начал проникать английский капитал. Он переплетался с другими капиталами, и часто трудно было определить финансовую зависимость данного предприятия от той или иной страны.

Английский финансовый капитал, используя крушение царской России и поражение Германии, усиливал свои позиции не посредством вложения новых капиталов в промышленность, а путем захвата руководящих позиций на предприятиях. Это было тем легче, что многие предприятия после войны остались без настоящего хозяина. Иллюстрацией к сказанному может служить вагоностроительный завод «Двигатель», где кучка спекулянтов (Левин и др.), имевших всего 4000 акций (известно как приобретенных), получила в свое полное владение завод, акционерный капитал которого составил 40 000 акций. Таким образом, небольшое число акционеров, имевших вместе лишь 0,1 часть всех акций, стали полными хозяевами крупного завода. Часто акции действовавших в царское время акционерных обществ были дешевы, их случайные обладатели за границей не знали, что с ними делать; английским финансовым дельцам было легко их скупить; достаточно было захватить одну десятую долю акций в свои руки, чтобы выступить в роли крупнейшего акционера. Необходимо заметить, что не только количество акций определяет руководящую роль капитала, но и позиция, которую данный капитал занимает в стране.

Крупнейшие из захваченных иностранным капиталом заводов, однако, не работали на полную мощность, а либо совсем бездействовали, либо занимались мелкими ремонтными работами. А когда стало ясно, что мечта о крушении Советской России не сбудется и обширные рынки там не откроются, владельцы таких предприятий либо инсценировали банкротства с целью личной наживы, либо ликвидировали заводы, продавая их оборудование как металлолом.

До экономического кризиса 1924 года кредитование предприятий, как существовавших, так и вновь основываемых, происходило исключительно легко через Эстонский банк. Необеспеченность и неликвидность значительной части выданных кредитов, как известно, являлись одной из причин кризиса и, в частности, падения курса эстонской марки.

Проникновение иностранного финансового капитала в промышленность буржуазной Эстонии происходило начиная со второй половины двадцатых годов главным образом через акционерные банки.

Данные о переходе предприятий, особенно акционерных, из одних рук в другие держались в строгом секрете. Если иногда и появлялись газетные заметки, то они часто были неточными, основываясь не на фактах, а на предположениях. Государственная статистика такими вопросами не занималась, это считалось недопустимым вторжением в сокровенные тайны частного предпринимательства.

Банки, которые финансировали предприятия, были, конечно, хорошо информированы об экономическом положении фабрик и заводов через своих уполномоченных и членов в правлениях этих предприятий. Но точный состав действительных владельцев предприятий обычно не документировался, и часто правления акционерных обществ сами не знали, кому принадлежали акции, особенно безымянные³⁹. Финансовые связи устанавливались и прерывались через уполномоченных, державших в строгой тайне, чьи задания они выполняли. Иностранный капитал в Эстонии, как правило, имел местных представителей, в личном владении которых было незначительное количество акций. Таким образом маскировалось подчинение предприятий иностранному капиталу. К тому же участие английского, немецкого и других капиталов иногда так сильно переплеталось, что трудно установить, какой из них является господствующим на том или другом предприятии.

Ниже делается попытка определить участие иностранного финансового капитала в промышленности и банковском деле буржуазной Эстонии. Для этого используется в основном фонд Управления податей Министерства экономики буржуазной Эстонии. Имеющиеся материалы являются далеко не полными, им присущ ряд типичных для рассматриваемого периода недочетов. Во-первых, они касаются только акционерных и паевых обществ, а сведения об единоличных предприятиях

³⁹ Так, в ответ на вопрос об акционерах правление акц. об-ва «Лаферм» сообщило (в письме Министерству экономики от 11 января 1932 г.) относительно 470 безымянных акций, что «владельцы этих акций нам неизвестны, так как акции безымянные и их владельцы на последнее отчетное собрание не явились» (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР, фонд 16, опись 645, дело 22, лист 261).

Примечание. В последующих ссылках наименование этого архива приводится сокращенно — ЦГАОР.

отсутствуют. По данным переписи народного хозяйства Эстонии 1937 года, из 35 495 рабочих и служащих, занятых в крупной промышленности, 25 тыс. (70,4%) работали на предприятиях акционерных обществ⁴⁰. Во-вторых, часть акционерных обществ не давала министерству сведений. В-третьих, акционерные общества, дававшие сведения, указывали только владельцев именных акций (за некоторыми исключениями). В-четвертых, поскольку сведения подавались самими хозяевами, их нельзя считать вполне объективными. В-пятых, в представленных анкетах акционерные общества указывали по своему усмотрению либо список именных акционеров, либо список уполномоченных, либо лиц, участвовавших в последнем общем собрании общества. Такие приемы маскировки действительных владельцев, конечно, затрудняют анализ материала. Все же этот материал дает некоторое представление о том, кому в действительности принадлежала эстонская промышленность.

Банки были главными посредниками, через которые иностранный финансовый капитал подчинял себе промышленность и другие отрасли народного хозяйства Эстонии. Поэтому следует в первую очередь выяснить, кому принадлежали акции банков. В буржуазной Эстонии существовало, после некоторого сокращения их числа в первой половине тридцатых годов, всего 13 акционерных банков (до конца периода буржуазной власти). Три наиболее крупные из них играли руководящую роль в экономике Эстонии — «Г. Шеель и Ко» (акционерный капитал 750 тыс. крон и резервный капитал 1025 тыс. крон), «Тартуский банк» (акционерный капитал 1 000 тыс. крон) и «Кредитный банк» (акционерный капитал 1 400 тыс. крон)⁴¹.

«Г. Шеель и Ко», самый влиятельный банк ввиду своих широких связей с заграничными финансовыми кругами, существовал в Таллине уже в царское время как небольшая банковская контора. Она была основана под названием «Таллинская банковская контора Г. Шеель и Ко» в 1884 году бывшим директором Таллинского городского банка Георгом Шеелем, уроженцем города Любека⁴². Эта контора осуществляла,

⁴⁰ *Tööstus*, 1937. a. majandusloenduse andmed [«Промышленность», данные экономической переписи 1937 года], Таллин, 1939, выпуск 1, стр. 28.

⁴¹ *Eesti Entsüklopeedia* [Эстонская энциклопедия], т. 7, стлб. 592—593; т. 8, стлб. 27; т. 4, стлб. 1130—1131.

⁴² *Eesti biograafiline leksikon 1926—1929* [Эстонский биографический лексикон 1926—1929], стр. 451.

в основном, денежные операции местных немцев и баронов. Уже с самого начала банковская контора Г. Шееля была тесно связана, с одной стороны, с местным немецким капиталом, с другой — с Германией. При преобразовании банковской конторы в акционерное общество в 1925 году многие акции банка были приобретены семействами бывших баронов, которые и раньше вкладывали свои капиталы в операции банковской конторы.

Основной капитал акционерного общества «Г. Шеель и Ко» составляли именные акции на 187,5 тыс. крон и безымянные на 562,5 тыс. крон. Список именных акций по состоянию на 1931 год представляет следующую картину⁴³. Владельцем 47,4% именных акций являлось объединение «Балтик траст компани лимитид», 6,6% акций имели «Розен и Ко» вместе с А. Розеном и его родственниками, 4,1% акций — «Кох и Ко» вместе с братьями Кох и их родственниками, 3,3% акций — К. Шеель (с семьей), по 2,3% акций имели Форсман, Дээн (с семьей) и фирма «Г. Д. Шмидт» вместе с Г. Фр. Шмидтом, по 2,2% акций — фирма «Т. Клейхиллс энд сан» и Лиленфельд (с семьей), по 1—2% акций — Жирар, Маковский, Штуде (с семьей), Дехио и Майдель (с семьей). Менее одного процента именных акций имел ряд лиц, известных как крупные промышленники (например, М. Лютер) или бывшие бароны (Ренненкампф, Врангель, Унгерн-Штернберг, Таубе и многие др.); таким образом, 20 с лишним процентов именных акций принадлежало лицам, участвовавшим в основном капитале незначительными суммами. Хотя именные акции охватывали только четверть основного капитала, из анализа списка именных акций можно сделать интересные выводы. Наибольшую часть именных акций имела группировка капиталистов, объединенных в «Балтик траст Ко лтд.». Эта группировка, находившаяся в Лондоне (Ийст сентр, Фрогмортон авеню 4), сложилась на базе бывшего объединения «Балтик трейд компани», занимавшегося уже в XIX веке торговлей с Прибалтикой⁴⁴. «Балтик траст Ко лтд.» имела не только акции банка «Г. Шеель и Ко», но участвовала и в ряде акционерных обществ промышленности Эстонии («Ээсти Кивиыли», «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик», «Тюри Пабери-я Пуупапивабрик», «Саку Ыллетехас», «Ээстимаа Трюкикоя» и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что в тех же акционер-

⁴³ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 432—438.

⁴⁴ Н. W. Phillips, *Modern Foreign Exchange and Foreign Banking*, 1936, London, p. 70.

ных обществах одним из акционеров являлся «Г. Шеель и Ко», причем акции обоих участников вместе обычно составляли более половины общего числа акций этих обществ. Это показывает, что связи банка «Г. Шеель и Ко» с «Балтик траст Ко лтд.» были весьма тесными и что задачей банка было защищать в Эстонии интересы «Балтик траст Ко лтд.».

Бессменным председателем правления банка «Г. Шеель и Ко» был Клаус Шеель, внук основателя банка. Хотя ему (и его семье) принадлежало только 3,3% именных акций банка (но неизвестно, сколько безымянных), он считался подлинным финансовым диктатором буржуазной Эстонии. Полная согласованность действий банка «Г. Шеель и Ко» и «Балтик траст Ко лтд.» указывает на то, что Клаус Шеель являлся главным поверенным последнего в Эстонии.

Из того факта, что во владении «Балтик траст Ко лтд.» находилось 47,4% именных акций банка «Г. Шеель и Ко», еще не следует, что этот банк был полностью и постоянно подчинен английскому финансовому капиталу. Кому принадлежали безымянные акции банка (а их было втрое больше, чем именных), остается неизвестным; возможно, что некоторая часть из них меняла собственников в течение рассматриваемого периода. В деятельности банка его основной капитал, 750 тысяч крон, представлял собой довольно скромную сумму по сравнению с объемом операций банка⁴⁵. Влияние того или другого иностранного капитала в деятельности банка определяется главным образом деловыми связями, отношениями взаимного кредитования, объемом совместных операций. Так, банк «Г. Шеель и Ко» являлся пособником одного из крупнейших консорциумов международного финансового капитала — «Мендельсон и Ко», главный банк которого находился в Берлине.

«Тартуский банк», основанный в 1868 году в городе Тарту, попал в финансовые затруднения в 1928 году и был санирован английским банком «Бритиш оверсиз бэнк лтд.». В 1929 году «Тартуский банк» был переведен в Таллин. Акционерный капитал этого банка, 1000 тыс. крон, составляли 20 тыс. безымянных акций, каждая на 50 крон. По имеющимся данным на главном собрании акционеров в марте 1931 года присутствовали владельцы или представители владельцев 11 194

⁴⁵ Так, в 1928 году весь годовой оборот банка составлял около 25 млн. крон, т. е. превышал основной капитал банка более чем в 30 раз. См. *Eesti biograafiline leksikon*, стр. 451.

акций⁴⁶. Сохранился и список фамилий участвовавших, в котором у представителей отмечены их доверители и количество представленных акций (10 представителей, по 1000 акций у каждого). В списке находится представитель английского банка «Бритиш оверсиз бэнк лтд.» А. Граве с 1000 акциями. Фамилии других крупных акционеров — английские: Эйвери, Гринфильд, Харви, Мэкрон, Салливэн и т. п. По-видимому, они связаны с тем же английским банком. Это подтверждают и некоторые справочные издания буржуазного времени⁴⁷. Следовательно, английскому капиталу принадлежало по меньшей мере 10 тыс. акций, что составляло 50% всего акционерного капитала «Тартуского банка». Из местных акционеров заслуживают упоминания Хр. Ротерман (353 акции) и М. Лютер (100 акций). «Тартуский банк» имел своих доверенных в управлениях и советах ряда крупных промышленных предприятий. Таким образом, эти два банка — «Г. Шеель и Ко» и «Тартуский банк» — являлись посредниками между иностранным финансовым капиталом и промышленностью буржуазной Эстонии, имевшими свои шупальца почти во всех более важных предприятиях, деятельность которых была подчинена интересам иностранного капитала.

Акц. об-во «Кредитный банк» считалось кредитным учреждением эстонской буржуазии, поскольку оно было основано эстонскими купцами еще в царское время. Крупнейшими акционерами этого общества, по данным на конец 1931 года, были Ханс Винналь, имевший 1540 акций, или около 5,5% всех акций, и Йохан Сихвер (с семьей 1,17% акций)⁴⁸. Меньшим количеством акций были представлены другие эстонские промышленники и коммерсанты: Г. Лукк, Й. Хабиht, Ю. Румберг, А. Тофер. Но 235 акций (по 50 крон каждая) принадлежало издательству «Таллинна Ээсти Кирьястусюхизус», 168 акций — театральному обществу «Эстония» и 104 акции — синдикату «Ээсти Пабер». Последний — синдикат бумажной и целлюлозной промышленности — с самого его основания был подчинен немецкому капиталу. В «Кредитном банке» его участие было незначительным (0,37% основного капитала).

Остальные 10 акционерных банков в Эстонии по объему операций имели меньшее значение. К тому же половину из них составляли фактические филиалы трех вышеназванных банков.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 483—485.

⁴⁷ См., напр., *Eesti Entsüklopeedia*, т. 8, стлб. 27.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 215—222.

Так, «Тартуский промышленный банк» был филиалом банка «Г. Шеель и Ко» в городе Тарту. Из 1135 его акций 686 (т. е. 60,4%) принадлежали (в 1931 году) банку «Г. Шеель и Ко»⁴⁹. Филиалом банка «Г. Шеель и Ко» в городе Пярну был «Пярнуский кредитный банк»; 49,8% его именных акций принадлежало (в 1931 году) «Балтик траст Ко лтд.» и 12,2% — банку «Г. Шеель и Ко»⁵⁰. В некоторой зависимости от банка «Шеель и Ко» находился «Таллинский акционерный банк», из именных акций которого 78,3% принадлежало (в 1931 году) «Интернациональному банку», находившемуся в Риге, и 2,9% — банку «Г. Шеель и Ко»⁵¹.

Филиалом «Тартуского банка» считался «Вырусский банк», хотя из его акций «Тартуский банк» имел (в 1931 году) только 13,1%⁵². Акционерами были главным образом лесопромышленники, которых банк и обслуживал. В положении филиала «Кредитного банка» находился «Кауба Панк» («Торговый банк») в городе Тарту; главным акционером этого банка был крупный торговец Мярт Янес, собственник торгового дома тканей и одежды.

Банками местного значения являлись «Сакала Панк» («Сакалаский банк») в городе Вильянди, «Тартумаа Панк» («Тартумааский банк»), «Валга Панк» («Валгаский банк») и «Виру Панк» («Вируский банк»).

Один из акционерных банков — «Эстонский коммерческий банк» — был ликвидирован в начале 1931 года. По данным ликвидационной комиссии, две трети акций этого банка принадлежали «Эстонской спичечной монополии» и одна треть — обществу «Дёйче банк-унд дисконтгозельшафт», находившемуся в Германии⁵³. Поскольку «Эстонская спичечная монополия» находилась в подчинении международного спичечного треста Крейгера, то видно, что «Эстонский коммерческий банк» целиком принадлежал иностранному монополистическому капиталу. Крах треста Крейгера повлек за собой и банкротство «Эстонского коммерческого банка».

Все выше сказанное ярко подтверждает финансовую зависимость буржуазной Эстонии от иностранного капитала. Два крупнейших банка в буржуазной Эстонии — «Г. Шеель и Ко» и «Тартуский банк» — являлись пособниками иностранного

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 492—493.

⁵⁰ Там же, л. 365д.—367.

⁵¹ Там же, л. 465—467.

⁵² Там же, л. 561.

⁵³ Там же, л. 58.

финансового капитала, и в их подчинении находились четыре кредитных банка, которые действовали как филиалы банка «Г. Шеель и Ко» и «Тартуского банка». Эти шесть банков из действующих тринадцати акционерных банков управляли в действительности финансами страны и подчиняли ее интересам иностранного капитала. Что же касается третьего крупного банка — «Кредитного банка», принадлежавшего эстонской буржуазии, то его значение в основных отраслях промышленности и торговли не было определяющим.

Крупные страховые учреждения в буржуазной Эстонии имели двойные связи с иностранным капиталом: во-первых, наиболее значимые из своих объектов страхования они перестраховали в иностранных страховых обществах международного значения, и, во-вторых, часть их акционеров были иностранцы, иностранные объединения и фирмы, или местные предприятия, принадлежавшие целиком или почти целиком иностранному капиталу.

Самое большое страховое учреждение в буржуазной Эстонии было «ЭКА»⁵⁴ (акционерный капитал 240 тыс. крон). Из его именных акций 40% принадлежало (в 1931 году) «Акционерному обществу по эксплуатации недвижимых имуществ Кох и Ко», а 18% — семейству Коха⁵⁵. Поскольку «Акц. об-во Кох и Ко» и семейство Коха являлись и крупными акционерами банка «Г. Шеель и Ко»⁵⁶, а членами «Акц. об-ва Кох и Ко» были преимущественно местные немцы, то нет сомнения в том, что в страховом обществе «ЭКА» господствовал немецкий капитал. Но и остальные крупные акционеры страхового общества «ЭКА», например: «Розен и Ко» вместе с А. Розеном и его родственниками, К. Шеель (с семьей), Г. Штуде и фирма «Т. Клейхиллс энд сан», являлись одновременно акционерами «Г. Шеель и Ко»⁵⁷. В общей сложности в руках акционеров «Г. Шеель и Ко» было сконцентрировано более 72% именных акций «ЭКА». Ввиду этого страховое общество «ЭКА» следует рассматривать как родственное банку «Г. Шеель и Ко» учреждение. Насколько глубоки их родственные связи, об этом более точных данных нет: как у «ЭКА», так и у «Г. Шеель и Ко» безымянных акций было втрое больше, чем именных, и владельцы безымянных акций

⁵⁴ ЭКА — «Eestima Kindlustuse Aktiaselts» [«Эстляндское страховое акционерное общество»].

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 112—113.

⁵⁶ См. стр. 31.

⁵⁷ Там же.

ими не указаны. Но господствующее положение немецкого капитала в «ЭКА» подчеркивается и тем, что директором «ЭКА» был Гарри Кох, брат Германа Коха — бывшего министра по делам немецкой национальности во Временном правительстве Эстонии (в 1918—1919 гг.)⁵⁸.

Вторым по величине страховым обществом было акц. об-во «Поларис» (акционерный капитал 150 тыс. крон). Из его акций (в 1931 году) 10% принадлежало организации «Ллойда» в Германии — акц. об-ву «Дейче Ллойд ферзихерунг», 14% «Эстонскому обществу фабрикантов», 11% акц. об-ву «Пыхья Пабири-я Пуупапивабрик», 10% акц. об-ву «Кюттейюд», 7,5% Рижскому акционерному обществу «Ригаэр папийрфабрикен» и остальные акции — отдельным местным капиталистам, в том числе М. Лютеру 11% и О. Шульману 9%⁵⁹. Из состава акционеров видно, что в «Поларисе» немецкий и английский капиталы переплетались с капиталом местных промышленников. Двое из акционеров — «Дейче Ллойд ферзихерунг» и «Ригаэр папийрфабрикен» — находились вне Эстонии, а «Пыхья Пабири-я Пуупапивабрик» и «Кюттейюд» являлись связанными между собой предприятиями, главным хозяином которых было «Балтик траст Ко лтд.». Местный эстонский капитал был представлен лишь в незначительной мере через «Эстонское общество фабрикантов», среди членов которого (их общее число было около 50⁶⁰) некоторую часть составляли эстонцы.

Третье по величине акционерное общество страхования «Ээсти Ллойд» (акционерный капитал 20 тыс. крон) имело теснейшие связи с британским и международным страховым объединением «Ллойд». Из акций «Ээсти Ллойда» (в 1931 году) 64% принадлежало Л. Расмуссену, представителю «Ллойда» в Таллине. Среди акционеров встречаются и местные эстонские капиталисты, в том числе К. Пятс (9% акций) и бывший министр финансов в его правительстве 1921—1924 гг. Г. Вестель (6% акций); небольшое количество акций (2,5% их общего числа) принадлежало Л. Ранеку в Швеции⁶¹. Филиалом «Ээсти Ллойда» было страховое общество «Ээсти Унион», из именных акций которого 50% принадлежало «Ээсти Ллойд»⁶².

⁵⁸ *Eesti majandustegelased* [Хозяйственные деятели Эстонии], Tallinn, 1938, стр. 89.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 349.

⁶⁰ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 2, стлб. 838.

⁶¹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 68.

⁶² Там же, л. 101.

Остальные страховые общества имели меньшее значение. Ввиду ограниченности их страхового портфеля они значительную часть своих страхований перестраховали в вышеназванных крупных страховых обществах.

Иностранный капитал оказывал влияние на промышленность буржуазной Эстонии не только через крупные акционерные банки и страховые учреждения, но участвовал и непосредственно в акционерном капитале промышленных предприятий, занимая в основных отраслях промышленности руководящие позиции.

Сланцевая промышленность на территории Эстонии зародилась уже в 1916 году. Первые опытные шахты давали горючий сланец для смягчения топливного голода в военные годы. Буржуазная Эстония в конце 1918 года основала государственное предприятие по добыче сланцев, шахты которого находились в Кохтла-Ярве, Кукрузе и (с 1920 года) в Ванамыйза. Первый сланцеперегонный завод — Кохтла-Ярвский опытный завод — был построен в 1921 году; его годовая продукция не превышала 350 тонн. В 1925 году был пущен новый государственный завод для перегонки 200 тонн сланца в сутки, а на полную мощность он начал работать с середины тридцатых годов. Вследствие пуска еще нескольких крупных сланцеперегонных заводов во второй половине тридцатых годов производство сланцевого масла резко увеличилось.

Условия концессий частным предпринимателям в сланцевой промышленности были в принципе разработаны буржуазным правительством уже в 1920 году. Было предусмотрено давать концессии сроком не более чем на 30 лет за сумму, составляющую не менее 15% стоимости добываемого сланца. Но зависимость буржуазной Эстонии от империалистических держав привела к нарушению установленных принципов: государство нашло возможным дать концессии иностранцам сроком на 50 лет.

В 1921 году была дана концессия созданному «Эстонским обществом фабрикантов» паевому обществу «Кюттейуд» на площадь 175 га. В 1922 году было основано акц. об-во «Ээсти Кивийли» для добычи сланца на территории, отведенной ему по концессии. В 1923 году государственные сланцевые шахты в Ванамыйза были переданы английскому предприятию «Эстонизн ойл-шейль девелопмент синдикейт лтд.». В 1925 году основал для своих нужд сланцевые шахты Порт-Кундаский цементный завод. Но в первые годы инвестиции этих предприятий в сланцевой промышленности были незначительны, и добытый ими сланец составлял лишь небольшой процент общей го-

довой добычи. Шведами в 1928 году был построен в Силламяэ небольшой сланцеперегонный завод, но через год он закрылся.

В тридцатых годах усилилась инвестиция немецкого капитала в сланцевую промышленность. Крупнейшим сланцевым предприятием стало акц. об-во «Ээсти Кивиыли» (основанное в 1922 г.). Его акционерный капитал был 600 тыс. крон и консолидированный долг — 7,1 млн. крон⁶³. Из его акций в 1931 году принадлежало 37% банку «Мендельсон и Ко» в Берлине, 33% «Балтик траст Ко лтд.», по 8% К. Шеелю, Э. Форсману и Б. Маковскому⁶⁴. Среди остальных акционеров в списке именных акций встречается только одна эстонская фамилия — Уэссон — с 10 акциями (что составляет 0,4% из общего числа именных акций). Но о владельцах безымянных акций (а их было в 4 раза больше, чем именных) нет никаких сведений.

В 1936 году акц. об-во «Ээсти Кивиыли» довело свой акционерный капитал до 1,2 млн. крон⁶⁵ и расширило свою производственную деятельность. Его второй сланцеперегонный завод, пущенный в 1937 году, перегонял 800 тонн сланца в сутки. В том же году «Ээсти Кивиыли» экспортировало 30,8 тыс. тонн сланцевого масла, главным образом в Германию, Финляндию и Швецию⁶⁶. Каким был состав собственников расширенного предприятия «Ээсти Кивиыли» в 1937 году, об этом прямых данных нет. Некоторые архивные данные, относящиеся к концу 1939 года, показывают, что подавляющее большинство его акций во второй половине тридцатых годов принадлежало иностранному капиталу. Во время массового переселения местных немцев в Германию (осенью 1939 года) «Ээсти Кивиыли» формально перераспределило свои акции таким образом, чтобы (согласно требованию министра экономики, вытекающему из нового закона о руководстве предприятиями) не менее 50% всех акций было в пределах Эстонии, и представило официальные данные об их владельцах⁶⁷. По этим данным 46% всех акций «Ээсти Кивиыли» было во владении «Мендельсон и Ко» в Берлине⁶⁸ и 3,8% — во владении

⁶³ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 2, стлб. 737.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, л. 22, л. 52.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 969, о. 1, д. 853, л. 84.

⁶⁶ Там же, л. 116.

⁶⁷ *Riigi Teataja*, 1939, № 96, статья 738.

⁶⁸ Как известно, берлинский банк «Мендельсон и Ко» был ликвидирован в 1933 году, но консорциум Мендельсона продолжал существовать, сохраняя свои банки вне Германии, в частности, в Амстердаме, Брюсселе и Париже.

«Мендельсон и Ко» в Амстердаме, 43% акций было сконцентрировано в руках члена правления «Ээсти Кивиыли» эстонца Аугуста Меритса и 6,8% — в руках Клауса Шееля в Таллине, остальные же акции (менее 0,5% их общего числа) — депонированы для членов совета акционерного общества⁶⁹. Поскольку число акций (10268), владельцем которых был указан А. Меритс, точно совпадает с числом тех акций, фиктивная продажа которых в октябре 1939 года находящемуся в Швеции акционерному обществу «Гестор» была отменена решением министра Л. Сеппа⁷⁰, то их фактическими собственниками были иностранцы, а формальный владелец А. Меритс являлся только марионеткой в махинациях международного финансового капитала. Следовательно, в акц. об-ве «Ээсти Кивиыли» и после его расширения в 1936 году продолжал господствовать иностранный капитал, преимущественно немецкий. Интересно отметить, что в акц. об-ве «Вирумаа Электер», созданном для снабжения сланцевой промышленности электроэнергией, главным акционером был монополистический немецкий электротехнический концерн Сименса, который через фирму «Сименс-Шуккертверке» имел 52% акций. Другими акционерами «Вирумаа Электер» являлись «Кренгольмская мануфактура» (20% акций), Клаус Шеель совместно с «Г. Шеель и Ко» (20% акций) и «Ээсти Кивиыли» (8% акций)⁷¹.

Если учесть, что кроме «Ээсти Кивиыли», которому принадлежала определяющая роль в сланцевой промышленности, существовали сланцедобывающие предприятия англичан в Кохтла и шведов в Силламяэ, где в тридцатых годах был модернизован и расширен сланцеперегонный завод, то приходится констатировать полное хозяйничанье иностранного капитала в сланцевой промышленности буржуазной Эстонии. Переплетение иностранных капиталов, их взаимная конкуренция, борьба между ними за господствующее положение проявились здесь особенно сильно.

Цементная промышленность существовала на территории Эстонии со второй половины XIX века: Кундаский цементный завод («Порт-Кунда») был основан в 1870 г. и Азериский («Ассерин») — в 1899 году. В первые годы буржуазной власти Кундаский завод был захвачен датским капиталом, а Азериский завод — английским («Лондон энд норзерн трейдинг Ко лтд.»). В середине двадцатых годов датской це-

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 969, о. 1, д. 853, л. 161—162.

⁷⁰ Там же, л. 125.

⁷¹ Там же, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 556.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

ментной монополии удалось создать синдикат акционерных обществ «Порт-Кунда» и «Ассерин». Имея монопольное положение по производству и сбыту цемента в буржуазной Эстонии, этот синдикат сразу добился здесь повышения цен на цемент в размере 30%. По конъюнктурным соображениям Азериский завод в 1927 году был закрыт, а дивиденды акционерам «Ассерин» продолжали выплачиваться за счет предприятия «Порт-Кунда».

Как видно из списков именных акций «Ассерин» от 31 декабря 1930 г. и от 31 декабря 1931 г., основной пакет (99%) его именных акций в 1931 году перешел во владение лондонской еврейской компании «Джюйш колоуниэл траст брук хаус», а владельцы лишь незначительного количества (1%) акций остались прежними — «Международный коммерческий банк» в Париже и «Государственная касса в Эстонии»⁷².

Из всех акций «Порт-Кунда», представленных на отчетном собрании акционеров в мае 1931 года, 44% принадлежало датчанам и 40,4% — шведам; владельцами остальных акций были: Министерство экономики Эстонии (13%) и отдельные местные капиталисты — немцы Клаус Шеель, Герман Кох, Роберт Шретер, Александр Ризенкампф и Курт Гансон, датчанин Теодор Ханзен и некоторые другие⁷³. Главным директором Кундаского завода был начиная с 1920 года Теодор Ханзен, который являлся одновременно председателем датского общества «Данск самвирке и Эстланд».

Бумажно-целлюлозная промышленность на территории Эстонии представляла собой мощную отрасль хозяйства уже в начале XX столетия. Так, Вальдгофский завод в Пярну, основанный в 1898 году германским концерном целлюлозной промышленности «Вальдгоф», около 1910 г. давал более половины производимой в царской России целлюлозы⁷⁴. Вальдгофский завод был разрушен в начале первой мировой войны и не был восстановлен буржуазной Эстонией. Остальные крупные бумажные и целлюлозные заводы на территории Эстонии — «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» в Таллине, «Тюри Пабери-я Пуупапивабрик» в городе Тюри, фабрика «Койль» в поселке Кохила и бумажная фабрика Йохансона в Таллине работали в период буржуазной власти как предприятия акционерных обществ.

⁷² ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 9 и 11.

⁷³ Там же, л. 350—352.

⁷⁴ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1958, стр. 309.

«Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» («Северная бумажно-целлюлозная фабрика») в 1927 году была значительно расширена, вновь построен был в ее составе целлюлозный завод мощностью 65 тыс. тонн сульфитной целлюлозы в год. Изменных акций акционерного общества «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» в 1931 году 39% принадлежало «Балтик траст Ко лтд.», 25,6% банку «Мендельсон и Ко», 15,4% «Акционерному обществу промышленности и торговли» в Швейцарии, 8,7% Борису и Юрию Маковским и 4,8% Эдуарду и Ингеборг Форсманам, а остальные 16,5% в меньших количествах другим акционерам, в том числе «Г. Шеель и Ко» (65 акций или 0,2% всех именных акций)⁷⁵. Отсюда видно, что англо-немецкий капитал владел подавляющим большинством (65%) акций этого предприятия. Акционер Борис Маковский, уроженец Бялыстока (Польша), был с 1932 года председателем правления общества, а с 1936 года также и акц. об-ва «Ээсти Пабер» («Эстонская бумага», акц. об-во по сбыту продукции бумажно-целлюлозной промышленности на внутреннем рынке)⁷⁶. Необходимо отметить, что в составе владельцев «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» в конце двадцатых годов произошло значительное изменение: до 1929 года главным акционером предприятия был Эмиль Фале, немец из Вестфалии, который 30 лет (начиная с 1899 г. до смерти) руководил этим предприятием.

Акционерному обществу «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» принадлежало (в 1931 году) 94% именных акций сланцедобывающего предприятия «Кюттейуд»⁷⁷, продукция которого покрывала в тридцатых годах потребность целлюлозного завода в топливе.

Примечателен тот факт, что «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» имело весьма тесную связь также с крупнейшим предприятием сланцевой промышленности «Ээсти Кививыли», так как их главные акционеры были одни и те же — «Балтик траст Ко лтд.» и «Мендельсон и Ко», которым вместе принадлежало 70% именных акций «Ээсти Кививыли» и 65% именных акций «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик». Обращает

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 381.

⁷⁶ Главными акционерами «Ээсти Пабер» в 1931 году были: «Пыхья Пабери-я Пуупапивабрик» — 28% всех акций, «Гюри Пабери-я Пуупапивабрик» — 24,8%, «Таллинская бумажная фабрика Э. И. Йохансон» — 22,6%, «Койль» — 14,8%, а среди мелких акционеров, имевших по 1% акций, числились Клаус Шеель, Эдуард Форсман, Мозес Бялик, Самуиль Либерман и др. (ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 72.)

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 251.

на себя внимание и то, что акционерами тех же предприятий являлись Клаус Шеель лично или «Г. Шеель и Ко» с меньшим количеством именных акций. Непосредственное участие Шееля было явно неизбежным: Шеель как главный комбинатор по привлечению иностранного капитала в экономику буржуазной Эстонии должен был иметь самые оперативные сведения о состоянии предприятий. Являясь ловким прислужником международного финансового капитала и помогая ему захватить руководящие позиции в важнейших отраслях хозяйства Эстонии, Шеель стал самым влиятельным финансовым дельцом в буржуазной Эстонии.

Роль «Г. Шеель и Ко» в подчинении эстонской промышленности иностранным империалистам и местным немцам видна также на примере Тюриской и Кохилаской фабрик. В период буржуазной Эстонии английский капитал подчинил себе целлюлозно-бумажные фабрики в Тюри и в Кохила, основанные в 1899 году с участием местных баронов, причем некоторое количество акций осталось местным немцам, преимущественно бывшим баронами или их наследникам. Так, в 1931 году из именных акций «Тюри Паберия Пуупапивабрик» 64% принадлежало «Балтик траст Ко лдт.», 13,8% банку «Г. Шеель и Ко» и Клаусу Шеелю с семьей⁷⁸, 4,7% Таубе (с семейством), 2% семейству Шиллингов, а мелкими акционерами (менее 0,5% акций на каждого) являлись Дээн, Майдель, Мюлен, Нолкен, Пален, Розен и др.⁷⁹. Акции Кохилаской фабрики были все безымянные, но на отчетном собрании акционеров «Койль» в 1931 году, хотя представлено было лишь 35% всех акций (4169 из 12000), среди присутствовавших были представители двух крупных акционеров: Г. Кох, доверенный акционера Б. Жирар (14% всех акций), и В. Цэге-Мантейфель — доверенный банка «Г. Шеель и Ко» (13% акций)⁸⁰. Следовательно, и здесь имело место переплетение англо-немецкого капитала с капиталом местных немцев.

«Таллинская бумажная фабрика Э. И. Йохансон», основанная в 1886 году местным шведским купцом Эдуардом Йохансоном, превратилась в акционерное предприятие уже в 1895 году. До периода буржуазной Эстонии большинство акций фабрики Йохансона принадлежало французской табачной

⁷⁸ Как видно из данных об отчетном собрании акционеров 20 марта 1931 г., во владении «Г. Шеель и Ко» было еще 11% безымянных акций (ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 517—518).

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 517—518.

⁸⁰ Там же, л. 241.

монополии, но затем главным акционером стала английская компания «Рашэн тобэкко Ко лтд.». Так, в 1931 году ей принадлежало 61,4% всех акций фабрики Йохансона; 20,8% акций имели Е. и А. Гордоны в Париже и 5,8% акций — Борис Исаакович Катлама в Париже (уроженец Одессы, бывший участник в Московской табачной фабрике «Дукат»). Меньшее количество акций имели Гельмут Витте (собственник торговой фирмы «Т. Клейхиллс энд сан» в Таллине), «Пыхья Пабири-я Пуупапивабрик» и др.⁸¹ Совершенно незначительную часть, только 0,7% из общего числа акций, имел директор фабрики Мозес Бялик, который был в весьма тесных отношениях с французским капиталом.

Из этих данных видно, что в бумажно-целлюлозной промышленности буржуазной Эстонии главную роль играл английский капитал, хотя в значительной мере участвовал и немецкий капитал, переплетаясь с местным капиталом бывших баронов. Участие других иностранных капиталов (французского) и капиталов других местных национальностей в этой отрасли промышленности являлось второстепенным.

В деревообрабатывающей и лесной промышленности буржуазной Эстонии также господствовал английский капитал. Крупнейшее предприятие этой промышленности акц. об-во «А. М. Лютер» было тесно связано с английским капиталом. Из его именных акций 80% принадлежало в 1931 году фирме «Венеста лтд.» в Лондоне, 10% Генри Резерфорду и 10% Э. Х. Арчеру в Англии⁸². Но безымянных акций было в 5 раз больше, чем именных (весь основной капитал составлял 6 млн. крон), и об их владельцах не было представлено никаких данных. Поэтому даже неизвестно, сколько акций имел сам Мартин-Христьян Лютер, главный директор предприятия «А. М. Лютер». Но можно предполагать, что М. Лютер был главным участником фирмы «Венеста лтд.», учрежденной для сбыта продукции завода акц. об-ва «А. М. Лютер» в пределах Британской империи (а известно, что около 75% продукции «А. М. Лютер» вывозилось в Англию). Что же касается англичанина Г. Резерфорда, то он был в семейных отношениях с М. Лютером (муж дочери М. Лютера). Итак, по всей вероятности, большинство всех акций предприятия «А. М. Лютер» принадлежало директору Лютеру, его семье и родственникам. О других акционерах, находившихся в Эстонии, имеются лишь

⁸¹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 171.

⁸² Там же, л. 279.

косвенные сведения: поскольку Отто Шульман (местный немец, баронского рода)⁸³, Конрад Мауриц⁸⁴ и Эрнст Миндинг⁸⁵ были членами правления акц. об-ва «А. М. Лютер», то они явно имели некоторое количество безымянных акций.

Имея в качестве главных партнеров английских монополистов, М. Лютер в то же время был в значительной степени связан с Германией. Немец по происхождению, он находился и в деловых отношениях с немецким капиталом. Так, М. Лютер состоял акционером в двух крупных местных банках: в банке «Г. Шеель и Ко», имеющем тесные связи с немецким капиталом, и в «Тартуском банке», где господствовал английский капитал. М. Лютер был также акционером в страховом обществе «Поларис», в котором сотрудничали немецкий и английский капиталы.

Другие предприятия по переработке леса в Эстонии находились главным образом в руках английского финансового капитала. Некоторые из них даже имели свое официальное наименование только на английском языке, например, фирма «Нью балтик вуд Ко лтд.». Из общего числа именных акций этой фирмы, представленных на отчетном собрании 30 декабря 1931 г., 49,7% принадлежало акционерам в Англии, доверенным которых был проживавший в Таллине англичанин Дж. Кларк. Он же вместе с семьей имел 18,6% акций⁸⁶. Остальные местные акционеры, судя по фамилиям, были не эстонцы, а члены разных национальных меньшинств (Элерс, Голубев, Кизерицкий).

Другое лесопильное предприятие — «Ээсти Сазвескид» («Эстонские лесопильни») также принадлежало англичанам. Большинство его именных акций (более 67%) имели Фр. Пэтрик Финн и Герхард Бэрдон в английском портовом городе Хэлле, а остальные принадлежали А. Мак-Киббину (сотруднику английского посольства в Таллине) и Дж. Кларку (одному из акционеров «Нью балтик вуд Ко лтд.»)⁸⁷.

В мелких лесопромышленных предприятиях английский капитал не всегда выступал открыто. Ему было выгоднее привлекать местный капитал к участию в лесной промышленности и кредитовать предприятия местных лесопромышленников через «Тартуский банк» и его филиал «Вырусский банк».

⁸³ *Eesti majandustegelased*, стр. 192.

⁸⁴ Там же, стр. 131.

⁸⁵ Там же, стр. 136.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 315.

⁸⁷ Там же, л. 92.

Необходимо отметить, что с 1936 года эстонское буржуазное государство проявляло больше интереса к целлюлозной и лесообрабатывающей промышленности, выступая якобы в роли организатора национального капитала. В 1936—1938 гг. был построен крупный целлюлозный завод в Кехра (мощностью 35 тыс. тонн целлюлозы в год), который был пущен в августе 1938 года. Владельцем завода являлось созданное в 1936 году «Эстонское акционерное общество леса и целлюлозы», из акций которого 95% принадлежало государству. Кехраский завод, восхваленный как замечательное достижение в индустриальном развитии буржуазной Эстонии, в действительности являлся примером хищнического отношения буржуазии к природным богатствам страны. Общеизвестно, что лесные ресурсы Эстонии в период буржуазной власти быстро уменьшались. Ежегодные вырубki систематически значительно превышали естественный прирост леса. Пуск еще одного мощного целлюлозного завода резко ускорил уничтожение эстонских лесов.

Текстильная промышленность на территории Эстонии до первой мировой войны имела большое значение в масштабе царской России. Два крупных хлопчатобумажных прядильных и ткацких предприятия, несколько суконных фабрик и льнозаводов своей продукцией удовлетворяли не только местные потребности, но и определенную часть потребности всей России в текстильных товарах. Частично эти предприятия принадлежали иностранному капиталу. В период буржуазной власти преобладающим в текстильной промышленности стал английский капитал.

На предприятии «Кренгольмская хлопчатобумажная мануфактура» в 1913 году работало 10,5 тыс. человек, а в двадцатых и тридцатых годах около 2500 рабочих и служащих. Электростанции Кренгольма, работавшие на гидроэнергии реки Нарвы, покрывали не только потребности самого предприятия, но и снабжали электроэнергией город Нарву.

Предприятие принадлежало паевому обществу, основанному в 1857 году бароном Людвигом Кноопом, уроженцем Бремена. Его преемники и родственники являлись основными собственниками «Кренгольмской мануфактуры» в довоенное время. В период буржуазной Эстонии в паевом обществе «Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуры» значительную роль играл английский капитал, что в известной мере связано и с переселением части наследников Кноопа из Москвы в Лондон. Один из них, Андреас Кнооп, жил в буржуазной Эстонии и руководил «Кренгольмской мануфакту-

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

рой», будучи председателем указанного паевого общества. Основной капитал общества, 12 млн. крон, состоял из 2400 паев (по 5 тыс. крон каждый). Из них в 1931 году 31,8% принадлежало фамилии Кнооп, 8,4% — английскому банку «Мидлэнд бэнк», 6,4% — К. и В. М. Хэнней в Англии⁸⁸. Остальные пайщики участвовали меньшим количеством паев; многие из них были иностранцы, но встречаются среди них и такие местные магнаты, как промышленник М. Лютер, банкир К. Шеель и генерал Й. Лайдонер. Каждый из них участвовал в обществе одним паем, т. е. 5 тыс. крон. Известно также, что К. Шеель и Й. Лайдонер в течение многих лет были членами совета этого паевого общества. Эти факты подчеркивают тесную связь этого предприятия с банком Шееля и правящей верхушкой эстонской буржуазии.

Если сгруппировать всех пайщиков «Кренгольмской мануфактуры» по странам их местожительства, то выясняется, что 42,1% пайщиков жили в Англии, 38,1% в Германии, 4,5% в Дании, 2,9% в Чехословакии, 2,7% во Франции, 2,0% в Бельгии, 1,3% в Швейцарии и только 1,2% в Эстонии. Остальные 5,2% были рассеяны в различных странах (Латвия, Мексика, США, Финляндия, Австрия, Норвегия).

Другое крупное текстильное предприятие, «Балтийская прядильно-ткацкая фабрика» в Таллине, до 1930 года работало почти с довоенной мощностью, причем около половины его продукции вывозилось. Но в 1931 году из-за резкого уменьшения экспорта хлопчатобумажной ткани численность рабочих предприятия была сокращена с 2 тыс. на тысячу человек. Основной капитал акц. об-ва «Балтийская прядильно-ткацкая фабрика» составлял 4,8 млн. крон. На отчетном собрании акционеров в октябре 1931 года были представлены в основном только безымянные акции. Часть из них (600 акций) была еще в старых денежных единицах, по 187,5 марки (т. е. 1,87 кроны) каждая акция, и их владельцами были Исаак Цитрон, Константин Вахман, Макс Банг, Эрнст Банг, Мартин Лютер, Юхан Куук (все в Эстонии) и Георг Грубе (в Германии). Но настоящие собственники предприятия выясняются из списка других безымянных акций (по 50 крон каждая). По 16 608 таких акций имели И. Цитрон, К. Вахман, М. Банг и К. Шютт; Министерство экономики имело их 1509, или 2,2%⁸⁹. На том же собрании акционеров было представлено некоторое количество именных акций (187,5 марки каждая):

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 228—236.

⁸⁹ Там же, л. 17 и 18.

М. Бангом (206 акций) и Х. Харгрийвсом (из Лондона, 200 акций). В совокупности было представлено акций в сумме 3,4 млн. крон, что составляло 70,8% основного капитала общества. В этой сумме доли главных акционеров имели следующий удельный вес: М. Банг 24,5%, а И. Цитрон, К. Вахман и К. Шютт по 24,4% каждый. Несмотря на то, что главными акционерами были представители национальных меньшинств, жившие постоянно в Эстонии, предприятие имело значительные экономические связи с границей. Его филиалы находились в Риге и Каунасе, а из его крупнейших акционеров И. Цитрон и К. Вахман были участниками торговых предприятий в Германии, так что их капитал можно считать иностранным или полуиностраным. Незаконный вывоз ими прибылей «Балтийской прядильно-ткацкой фабрики» в свое время был разоблачен в печати буржуазной Эстонии.

Синдская суконная фабрика, основанная в 1832 году рижским немецким купцом и промышленником Й. Вёрманом, превратилась в акционерное предприятие в 1872 году. Во время буржуазной Эстонии большинство его акций перешло в руки акционеров «Балтийской прядильно-ткацкой фабрики», и акц. об-во Синдской фабрики было переименовано в акц. об-во «Синдских текстильных фабрик». Это предприятие производило сукно и легкую шерстяную материю (например, в 1934 году 240 тыс. метров), ткань хлопчатобумажную и из искусственного шелка (в 1934 г. 900 тыс. м), обрабатывало в своих красильном и отделочном цехах хлопчатобумажную ткань других текстильных предприятий (в 1934 г. 6,8 млн. м). Из акций «Синдских текстильных фабрик» в 1931 году по 32,1% принадлежало И. Цитрону, К. Вахману и Марку ван Юнгу⁹⁰, причем последний являлся директором как «Балтийской прядильно-ткацкой фабрики», так и Синдских фабрик.

Для реализации продукции «Кренгольмской мануфактуры» и «Балтийской прядильно-ткацкой фабрики» оба предприятия совместно учредили в 1928 году акц. об-во «Кренбалт». Так был создан синдикат крупнейших текстильных фабрик, который имел монопольное положение на рынке Эстонии. В 1931 году из акций «Кренбалта» 36% принадлежало «Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре», 36% «Балтийской прядильно-ткацкой фабрике», по 5% А. Кноопу, П. Репенаку (оба в Берлине), И. Цитрону и К. Вахману, а остальные 8% более мелким акционерам⁹¹. Подчиненность

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 453.

⁹¹ Там же, л. 225—226.

Синдических фабрик тому же синдикату «Кренбалт» вполне ясна — их директор М. ван Юнг одновременно был и директором «Кренбалта».

Бывшие текстильные фабрики петербургского промышленника и банкира барона А. Л. Штиглица «Нарвская суконная мануфактура» и «Нарвская льнопрядильная мануфактура» в период буржуазной Эстонии находились во владении преимущественно иностранного капитала. Оба предприятия уже в 1880 году были превращены бароном Штиглицем и директором предприятий Н. Пельцером в паевые общества с привлечением русского и местного немецкого капиталов. Паевое об-во «Нарвская суконная мануфактура» имело в 1931 году основной капитал 1,92 млн. крон, причем 74% паев принадлежало иностранцам. Среди них встречаются члены семьи Пельцеров в Германии, Франции, Бельгии и Дании (всего 38% паев), Т. Коульсон в Лондоне (9,4% паев) и др.⁹² Паевое об-во «Нарвская льнопрядильная мануфактура» имело основной капитал 2,16 млн. крон, и 92,2% его паев (в 1931 году) принадлежало иностранцам, в том числе фирме «Э. М. Мейер и Ко» (в Берлине) 23,1%, Пельцерам 18,1%, Коульсону 7,3%, семье Вишау 7,2% и Кетлею 3,4%⁹³. Из списка пайщиков выясняется, что в этом предприятии переплетались в основном английский и немецкий капиталы.

Немецкий капитал сотрудничал с капиталом местных национальных меньшинств в «Акционерном обществе эстонской льнопромышленности» («Ээсти Линатэстузе Актсиясельтс»), имевшем льнозавод в Кастремыйза. Крупнейшими его акционерами (в 1931 году) были «Мендельсон и Ко» в Берлине (27,7% всех акций), Рудольф Цейдлер в Таллине (27,7% акций) и «Г. Шеель и Ко» (23,1%). Остальные акционеры — Эмиль Фале (вернее его наследники, 9,2% акций), Хр. Ротерман (7,7%), Б. Маковский (2,3%) и Э. Форсман (2,3%)⁹⁴.

Хотя в середине тридцатых годов в Эстонии насчитывалось 42 крупных предприятия текстильной промышленности с 10,5 тыс. рабочих и служащих, рассмотренные выше 6 промышленных предприятий по численности рабочих составляли более $\frac{2}{3}$ этой отрасли крупной промышленности. И поскольку из основного капитала этих 6 предприятий более 65% принадлежало лицам, постоянно жившим вне Эстонии, а некоторое количество и жившим в Эстонии иностранцам, то

⁹² ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 453.

⁹³ Там же, л. 312—313.

⁹⁴ Там же, л. 67.

приходится констатировать, что господствующее положение в текстильной промышленности буржуазной Эстонии имел иностранный капитал.

Среди остальных предприятий текстильной промышленности имелось и несколько таких крупных фабрик, которые были основаны в первые годы буржуазной власти местным капиталом национальных меньшинств. Так, фабрика «Рауанийт», основанная в 1919 году Леренманом, производила тонкие ткани преимущественно из искусственного шелка и шерсти, трикотажные изделия и кружева. В 1923 году это предприятие было преобразовано в акционерное общество. Главным акционером являлся Ефрайм Леренман с семьей, имевший (в 1931 году) 50,2% всех акций. Гедали и Хая Ицкович имели 18,1% и семейство Лепп — 15,6% акций⁹⁵, а остальные акционеры владели меньшим количеством акций. На фабрике «Рауанийт» работало около 500 человек. Другое предприятие почти такого же размера — фабрика трикотажа, кружев и чулок «О. Кильгас», было основано в 1923 году Оскаром Кильгасом, который при переходе фабрики к акционерному обществу (в 1929 году) стал главным акционером. На отчетном собрании акционеров в июне 1931 года О. Кильгас был представлен через своих доверенных 2459 акциями, что составляло 49,2% общего их числа. Кроме того, акционерами состояли некоторые родственники О. Кильгаса. Из остальных акционеров семья Гольдман имела 8%, Й. Урла 5% и семья Брашинских 3% акций⁹⁶. Предприятия «Рауанийт», «О. Кильгас» и ряд других, менее крупных, хотя не были прямо подчинены иностранному капиталу по принадлежности их акций, все же находились в зависимости от него как в отношении получения сырья и необходимых полуфабрикатов, так и кредита.

Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность Эстонии в период буржуазной власти утратили свое прежнее значение. Крупнейшие судостроительные заводы, основанные в Таллине в последние довоенные годы, в период буржуазной власти были ликвидированы, так же как и вагоностроительный завод «Двигатель». Другие крупные заводы металлопромышленности, учрежденные в царское время на территории Эстонии, работали в период буржуазной власти с частичной нагрузкой и приспосабливались к разнообразию местного спроса. Приборостроение в буржуазной Эстонии

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 393.

⁹⁶ Там же, л. 333.

также не получило заметного развития, хотя отсутствие сырьевой базы для этой отрасли промышленности никак нельзя считать решающим фактором.

«Тартуская телефонная фабрика», основанная в 1907 году и превращенная в акционерное предприятие в 1912 году, несколько увеличила производство в тридцатых годах и стала изготовлять, кроме средств телефонной связи, также радиоаппаратуру. Более половины производимой ею телефонной аппаратуры экспортировалось преимущественно в Финляндию, Литву и Турцию. Акционерный капитал «Тартуской телефонной фабрики» — 405 тыс. крон — состоял из 4085 именных и 4015 безымянных акций. В 1931 году иностранцам принадлежало более 70% всех ее именных и свыше 45% безымянных акций, представленных на отчетном собрании акционеров (в марте 1931г.). Крупнейшим акционером была шведская фирма «Телефонактиеболагет Л. М. Эрикссон» (имела 20% всех акций), а другими крупными акционерами являлись шведы Й. Гренберг, Х. Йохансон и Д. Рихтер, финн Г. Берг и эстонец Л. Петерсен (каждый имел 6,7% всех акций)⁹⁷. Владельцы большей части безымянных акций не указаны, поскольку их акции не были представлены на отчетном собрании, но уже те иностранные акционеры, которые включены в представленный список акционеров, имели более 57% общего числа акций «Тартуской телефонной фабрики», причем шведы имели их свыше 51%. Следовательно, эта фабрика считалась принадлежащей шведскому капиталу.

Радиозавод «Ээсти Филипс» в Таллине был основан голландцами для сборки радиоприемников из производимых голландским концерном «Филипс» деталей. Из именных акций этого завода (в 1931 году) только 1% принадлежал отдельным местным промышленникам и коммерсантам, а 99% голландцам, в том числе Д. Кнегту 51% и В. Брюннеру 47,4%⁹⁸.

Гвоздильный и подковный завод «Наэль» в Таллине был акционерным предприятием, основной капитал которого составлял 25 тыс. крон, а его главный акционер, швед Отто Валлен, имевший (в 1931 году) 62% всех акций, жил в Стокгольме. Кроме него, один из мелких акционеров (О. Лильеборг, имевший 2% акций) жил в Швеции. Остальными акционерами были местные промышленники и торговцы (Т. Виркгауз, А. Хюйз, П. Бутте и др.)⁹⁹.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 489—490.

⁹⁸ Там же, л. 90.

⁹⁹ Там же, л. 300.

Два крупных машиностроительных завода в Таллине — акц. об-во «Франц Круль» и акц. об-во «Ильмарине» — в период буржуазной Эстонии работали далеко не на полную мощность и производили чрезвычайно разнообразную продукцию. Например, завод «Франц Круль» изготовлял холодильные установки, оборудование скотобоев, крахмальных и винокуренных заводов, паровозы, торфопрессы, сельскохозяйственные орудия и машины, разное литье и металлоконструкции. В тридцатых годах, когда значительно расширились сланцеперегонные предприятия, завод «Франц Круль» специализировался на производстве и монтаже оборудования для этих предприятий, особенно для сланцеперегонного завода «Ээсти Кивиыли». Акции завода «Франц Круль» были захвачены банком «Г. Шеель и Ко», который финансировал и акц. об-во «Ээсти Кивиыли». Таким образом, завод «Франц Круль» стал сильно зависеть от иностранного капитала.

Акц. об-во «Ильмарине» (бывш. завод «Виганд») по существу было семейным предприятием местного промышленника Йоакима Пухка. Так, в 1931 году Й. Пухку, его братьям, детям и другим членам семьи принадлежало в общей сложности 94,2% акций «Ильмарине», в том числе фирме «Я. Пухк и сыновья» 34,2%¹⁰⁰.

Удельный вес машиностроения и металлообрабатывающей промышленности в экономике буржуазной Эстонии был сравнительно низок. В этой отрасли производства инвестиции иностранного монополистического капитала не имели решающего значения.

Табачная промышленность зародилась на территории Эстонии в годы первой мировой войны в виде нескольких мелких предприятий, где папирсы изготовлялись вручную. В начале двадцатых годов ряд этих предприятий был превращен в фабрики, между которыми завязалась острая конкурентная борьба. С помощью иностранного капитала некоторые из них повысили свою конкурентоспособность и в тридцатых годах вытеснили почти всех более слабых соперников.

Решающее влияние на табачную промышленность Эстонии имел французский капитал через находящуюся в Париже «Международную компанию табачной промышленности». Так, в 1931 году этой компании принадлежало 75% акций фабрики «Лаферм» (основанной в Таллине в 1921 году), 32% паев предприятия «Хаванна» и 49,7% акций акц. об-во «Ос-

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 163.

ман»¹⁰¹. После того как «Хаванна» была присоединена к «Лаферм», удельный вес этого предприятия во всей табачной промышленности Эстонии по численности рабочих составлял около половины (в середине тридцатых годов).

Английский капитал участвовал в табачной фабрике «Астория» (основанной в 1923 году в Таллине), 38% именных акций которой принадлежало (в 1931 году) Уильяму Эйкройду в Англии¹⁰². Некоторое участие иностранного капитала имело место и в таллинской табачной фабрике «Сирена» через ее главных акционеров Бориса и Абрама Катлама (им принадлежало в 1931 году 23% акций)¹⁰³.

Из приведенных данных видно, что значение иностранного капитала в табачной промышленности буржуазной Эстонии было довольно велико, причем главную роль играл французский капитал (имея удельный вес 46,5% в акционерном капитале упомянутых четырех фабрик, вместе взятых).

Пивоваренная промышленность в буржуазной Эстонии была представлена пятью заводами, из которых два более крупных — «А. Ле Кок» в Тарту и «Саку Ыллетехас» недалеко от Таллина — по численности рабочих и количеству продукции превышали остальные, вместе взятые.

Пивоваренный завод в Тарту, существовавший уже с 1823 года, перешел в 1912 году во владение лондонской фирмы «А. Ле Кок» и продолжал принадлежать этой фирме (формально в виде предприятия акционерного общества, зарегистрированного в Эстонии) в течение всего периода буржуазной власти.

Главными акционерами «Саку Ыллетехас» были (в 1931 году) «Балтик траст Ко лтд.», имея 43% именных акций, и «Г. Шеель и Ко» (10,9% именных акций). Среди остальных акционеров встречаются местные немцы — Розены (5,2%), Г. Шмидт (5%), семейство Жирар де Сукантон (4%), А. Кох с семьей (3%) и др., а также швед Хр. Бернер в Гетеборге (имевший 4,6% именных акций)¹⁰⁴. Следовательно, в этом предприятии сотрудничал английский капитал с местным немецким капиталом (и в меньшей мере со шведским).

Таким образом, решающее влияние на всю пивоваренную промышленность Эстонии имел английский капитал.

¹⁰¹ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 261, 158 и 335.

¹⁰² Там же, л. 14—15.

¹⁰³ Там же, л. 455.

¹⁰⁴ Там же, л. 427—428.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

В пищевой промышленности буржуазной Эстонии крупнейшим предприятием являлось «Ротермани Техазед». Основанные в 1829 году в Таллине Кристианом Абрахамом Ротерманом мукомольня и хлебопекарня развились уже к концу XIX столетия в мощный завод, который в 1921 году был превращен в акционерное предприятие. Его основной капитал в тридцатых годах был 1 млн. крон и численность рабочих около 230. Хотя главными акционерами являлись преемники основателя предприятия Хр. Ротерман младший и Хр. Ротерман старший, имевшие вместе 36% именных акций (в 1931 году), среди крупных акционеров фигурировали иностранцы: 30% именных акций принадлежало голландской фирме «Н. В. Маниво Маатчапъ», а 13,3% безымянных акций находилось во владении английского банка «Бритиш оверсиз бэнк лтд.». Остальными, мелкими акционерами, были преимущественно местные немцы¹⁰⁵. Следовательно, в предприятии «Ротермани Техазед» голландский и английский капиталы переплетались с местным немецким капиталом.

Другая крупная мукомольня в Таллине, построенная в 1924 году и имевшая производственную мощность 200 тонн намол в сутки, принадлежала семейной фирме «Я. Пухк и сыновья». Эта фирма была основана уже в 1881 году в виде торгового предприятия, и ее собственником был Яак Пухк, спичечный фабрикант и купец из гор. Вильянди. С 1913 года фирма называлась «Яак Пухк и сыновья» и после смерти учредителя (с 1917 года) принадлежала его пяти сыновьям (Йоаким, Эдуард, Вольдемар, Александр и Эвальд)¹⁰⁶. В период буржуазной власти она превратилась в крупнейшее частное промышленно-торговое предприятие, имевшее сеть контор, магазинов и складов на всей территории Эстонии и игравшее значительную роль также во внешней торговле (импорт ржи, пшеницы, сахара, колониальных товаров, соли, железа, масел, транспортных средств и др., экспорт сельскохозяйственных товаров и леса). Кроме мукомольни, фирма «Я. Пухк и сыновья» имела практически в своем владении, как известно, завод «Ильмарине», а также являлась участником в некоторых других предприятиях. Фирма Пухков, наиболее влиятельное объединение национального капитала, однако, не являлась серьезным соперником для иностранного

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 403.

¹⁰⁶ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 6, стлб. 1073.

капитала и подчас согласовывала свои действия с ним и с капиталом национальных меньшинств. Так, Пухки согласованно с Ротерманом проводили крупные махинации при изменении пошлин на зерно, сахар и некоторые другие импортные товары.

Проникновение иностранного капитала в промышленность буржуазной Эстонии не ограничилось теми отраслями производства, которые имели существенное значение в экономике страны. Даже в таких отраслях, как полиграфическая промышленность, иностранный капитал нашел, по-видимому, достаточно благоприятные условия рентабельной инвестиции. Например, акц. об-во «Эстляндская типография», основанное в 1921 году в Таллине, имело (в 1931 году) акционерный капитал 180 тыс. крон (по 90 тыс. крон именных и безымянных акций), а 28,8% его именных акций принадлежало «Балтик траст Ко лтд.» и 12,6% именных акций — банку «Г. Шеель и Ко». Главным же акционером (имевшим 36,7% именных акций) было паевое об-во «Кох и Ко»; остальными акционерами типографии были местные немцы¹⁰⁷.

Иностранный финансовый капитал проник также в крупнейшие торгово-промышленные предприятия по переработке и экспорту сельскохозяйственных продуктов, находящихся формально во владении кооперативных паевых обществ. Так, кооперативное предприятие «Эстония Экспорттапамаяд», имевшее крупные бойни в Тарту и Таллине, из всей суммы денежных процентов по Тартускому отделению за 1930 год выплатило 22,2% (в размере 12,9 тыс. крон) английской фирме «Шийд, Томсон энд Ко лтд.» и 13,8% «Эстонскому коммерческому банку», находящемуся во владении концерна Крейгера и «Дейче банк-унд дисконтогезельшафт». Из суммы денежных процентов по Таллинскому отделению за 1930 год то же предприятие выплатило 6,5% (в размере 2,7 тыс. крон) фирме «Шийд, Томсон энд Ко лтд.» и 7,2% «Эстонскому коммерческому банку»¹⁰⁸.

Об удельном весе иностранного капитала в промышленности Эстонии имеются в печати буржуазной Эстонии лишь некоторые общие заметки. Более подробно никто этого вопроса не разбирал, поскольку данные не были доступны и считались коммерческой тайной.

Газета «Ваба Маа» в 1936 году писала: «Акционерный капитал промышленных и торговых, банковских и страховых

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 16, о. 645, д. 22, л. 107.

¹⁰⁸ Там же, л. 568.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

акционерных обществ составляет около 120 млн. крон, и две трети его, или примерно 80 млн. крон, принадлежат иностранцам»¹⁰⁹.

Эти данные, видимо, приблизительно соответствуют действительности.

Почти к такому же заключению приходит «Эстонская энциклопедия» в 1933 году: «Влияние иностранного капитала в промышленности Эстонии велико. Он преобладает в текстильной и бумажно-целлюлозной промышленности, в телефонной фабрике и цементных заводах; посредством иностранного капитала создана вся частная сланцевая промышленность, в которую инвестировано свыше 15 млн. крон. Судя по некоторым данным, инвестированный в промышленность иностранный капитал достигает примерно 50 млн. крон, составляя круглым счетом половину балансовой стоимости всего недвижимого и движимого имущества промышленных акционерных обществ. К этому присоединяются еще текущие внешние кредиты»¹¹⁰.

¹⁰⁹ *Vaba Maa*, 25 ноября 1936.

¹¹⁰ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 2, стлб. 591.

4. Внешняя задолженность промышленности

Не только иностранные капиталовложения характеризуют зависимость страны от иностранных государств. Признаком подчиненного, зависимого положения в стране является также внешняя задолженность ее промышленных предприятий. Даже в тех предприятиях, где инвестированный иностранный капитал не был значительным, его влияние заметно усиливалось с ростом их внешней задолженности.

Эстонский банк только с 1937 года периодически проводил опрос предприятий об их внешней задолженности. Хотя подавать сведения и было обязательным, но никто не контролировал их точности. Поэтому имели место существенные искажения, и некоторые данные были просто скрыты. Например, только одно предприятие скрыло свою внешнюю задолженность на 1 января 1938 г. в размере 3 млн. крон (т. е. почти 6% суммы внешнего долга всех предприятий). Не мог не отметить этого факта и буржуазный экономист В. Фельдман в своем обзоре внешней задолженности предприятий на начало 1939 года, причем он добавил, что среди должников, несомненно, была и на этот раз часть таких предприятий, которые к положенному сроку не представили данных о своей внешней задолженности¹¹¹. Сравнение приведенной им таблицы внешней задолженности промышленности на начало 1938 года¹¹² с ранее опубликованной им же таблицей¹¹³ дает возможность установить, что долг в сумме 3 млн. крон был скрыт одним из предприятий сланцевой промышленности.

Поскольку опубликованные в буржуазное время данные не охватывают всех предприятий, имевших внешнюю задолженность, а только наиболее крупные из них (к тому же лишь те, которые не скрыли своего внешнего долга), то эти данные следует считать заниженными. Некоторое представление о

¹¹¹ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56, стр. 344 и 345.

¹¹² Там же, стр. 347.

¹¹³ *Konjunktuur*, 1938, № 44, стр. 398.

Размер внешней задолженности предприятий в 1937 и 1939 гг.¹¹⁴

	На 1 янв. 1937 г.				На 1 янв. 1939 г.			
	Число пред- приятий-долж- ников	Размер долга, млн. крон			Число пред- приятий-долж- ников	Размер долга, млн. крон		
		по ввозу товаров	по дру- гим опе- рациям	Всего		по ввозу товаров	по дру- гим опе- рациям	Всего
Промышленные пред- приятия	153	12,3	22,1	34,4	220	18,5	24,8	43,3
Торговые предприятия	248	11,6	1,7	13,3	277	13,2	2,1	15,3
Другие предприятия	31	0,1	0,5	0,6	35	0,5	1,3	1,8
Всего	432	24,0	24,3	48,3	532	32,2	28,2	60,4

росте внешней задолженности предприятий Эстонии в последние годы буржуазной власти дает табл. 1.

Из таблицы видно, что внешняя задолженность предприятий в течение только двух лет увеличилась на 25,1%. При этом удельный вес долга промышленных предприятий, составляя в январе 1937 года 71,2% общей суммы внешней задолженности (промышленных, торговых и других предприятий), повысился до 71,7% к январю 1939 года. Примечательно то, что торговые долги промышленных предприятий (возникшие преимущественно при ввозе сырья и полуфабрикатов в кредит, отчасти же в виде аванса за экспортируемую продукцию) в январе 1937 года были почти на половину меньше других долгов (имевших в общем характер финансового кредита — для увеличения основных фондов и оборотного капитала предприятий). Внешняя задолженность промышленных предприятий возросла главным образом за счет торгового долга: долг по ввозу товаров увеличился за два года на 50,4%, а долг по другим операциям на 12,2%.

Общий долг по ввозу товаров на 1 января 1939 года являлся весьма внушительным по сравнению с объемом импорта; к тому же импорт имел тенденцию к уменьшению, а внешний торговый долг возрастал. Так, в 1938 году импорт в Эстонию достиг 107 млн. крон (т. е. 96,4% импорта предыдущего года¹¹⁵), а долг по ввозу товаров, по состоянию на 1 января 1939 года, — 32,2 млн. крон. Это составляло почти одну

¹¹⁴ *Konjunktuur*, 1938, № 44 (7), стр. 397 и *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 344.

¹¹⁵ *Väliskaubandus 1938. a.* Tallinn, 1939, стр. 6.

треть стоимости импортированных товаров. Поскольку оборот капитала во внешней торговле совершался примерно два раза в год, то внешний долг достигал почти $\frac{2}{3}$ всего оборотного капитала импортной торговли.

Преобладание и заметный рост внешнего инвестиционного кредита промышленным предприятиям, наряду со значительным ростом торгового кредита, означали несомненное усиление зависимости этих предприятий от иностранного капитала. Это давало иностранным фирмам все больше возможностей повышать цены и навязывать выгодный им ассортимент товаров. Экспортируемые же Эстонией товары принимались иностранными фирмами по явно заниженным ценам, что в известной мере было обусловлено отсутствием или крайней ограниченностью возможностей эстонских экспортеров предоставлять кредит своим покупателям. Например, эстонское масло по своему качеству не уступало датскому, но продавалось оно за границей дешевле, в частности на английском рынке иногда на 15—18%¹¹⁶.

При сложившихся условиях внешним кредитом пользовались в основном крупные предприятия. Поэтому удельный вес внешней задолженности небольшого количества крупных промышленных предприятий в общей сумме внешней задолженности был весьма высок. Так, по состоянию на 1 января 1939 года внешняя задолженность 220 промышленных предприятий, подлежащих опросу, распределилась между ними крайне неравномерно: 97,5% всей задолженности имело только 61 наиболее крупное предприятие, а 2,5% — остальные 159 предприятий, причем последние имели задолженность только по ввозу товаров (торговый кредит). Задолженность этого 61 крупного должника (в сумме 42,2 млн. крон) относительно распределения по отраслям промышленности представляет следующую картину (табл. 2).

Из таблицы видно, что в 1938 году крупнейшим должником являлась сланцевая промышленность. Внешняя задолженность предприятий этой отрасли промышленности составляла 40,6% общей суммы задолженности промышленных предприятий (равной 43,3 млн. крон).

Следующей отраслью по размеру внешнего долга была текстильная промышленность. Несмотря на то, что главных должников среди текстильных предприятий насчитывалось 18, более половины всего долга (4,8 млн. крон) падало на хлоп-

¹¹⁶ *Majandusteated* [«Экономические вести» — еженедельник Института конъюнктуры], № 3 от 22 января 1935 г., стр. 52.

Внешняя задолженность отраслей промышленности на 1 января 1939 г.¹¹⁷

Отрасль промышленности	Число главных должников-предприятий	Размер их долга, млн. крон.			Удельный вес их долга в сумме всего долга, %
		по ввозу товаров	по другим операциям	Всего	
Сланцевая	4	5,7	11,9	17,6	40,6
Текстильная	18	5,9	3,3	9,2	21,2
Пищевкусовая	5	0,8	3,5	4,3	9,9
Химическая	2	0,0	1,8	1,8	4,2
Металлообрабатывающая	7	1,5	0,7	2,2	5,1
Бумажная	5	1,1	0,1	1,2	2,8
Деревообрабатывающая	6	0,0	2,8	2,8	6,5
Цементная	3	0,0	0,5	0,5	1,2
Швейная	2	0,2	0,0	0,2	0,5
Прочие отрасли	9	2,2	0,2	2,4	5,5
Итого	61	17,4	24,8	42,2	97,5

чатобумажную промышленность¹¹⁸ (а в ней было всего 3 крупных предприятия). В текстильной промышленности внешний долг по ввозу товаров составлял 64,1% всей суммы внешних долгов текстильной промышленности. Столь высокий удельный вес торгового долга объясняется тем, что текстильная промышленность работала преимущественно на ввозном сырье — импортировались хлопок, шерсть, джут, шелк натуральный и искусственный, шелковая и шерстяная пряжа.

В пищевкусовой промышленности долг 5 предприятий (одного пивоваренного завода, 1 табачной и 1 шоколадной фабрики, 1 крупной мукомольни и 1 завода растительного масла)¹¹⁹ составлял 4,3 млн. крон, так что на каждое из них приходилось в среднем почти по миллиону крон. Следует отметить, что в то же время в текстильной промышленности внешний долг на каждое предприятие составлял в среднем 0,5 млн. крон. Примечателен тот факт, что даже пищевкусовая промышленность, финансировавшаяся преимущественно эстонским капиталом и не относившаяся к командным высотам народного хозяйства, была столь сильно обременена внешними долгами. К тому же преобладающим здесь являлся не

¹¹⁷ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 347.¹¹⁸ Там же, стр. 347.¹¹⁹ Там же, стр. 348.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

торговый долг (0,8 млн. крон), а инвестиционный (3,5 млн. крон).

Из приведенных данных видно, что ведущие отрасли промышленности буржуазной Эстонии были сильно обременены внешними долгами. Иностранный капитал не ограничивался лишь теми отраслями промышленности, в захвате которых он был непосредственно заинтересован, такими, как сланцевая промышленность, где немецкий, английский, а также и шведский капиталы стремились овладеть производством бензина. Иностранный капитал проник также и в другие отрасли промышленности и в такие предприятия, где был инвестирован национальный местный капитал.

Размер внешней задолженности промышленных предприятий был весьма значительным по сравнению со стоимостью их нетто-продукции (валовой продукции за вычетом сырья). В 1937 году стоимость нетто-продукции всей промышленности составила 85,2 млн. крон¹²⁰. На 1 января 1938 г. внешняя задолженность промышленности выразилась в сумме 39,7 млн. крон¹²¹ и, следовательно, достигла почти 47% стоимости нетто-продукции. Но соотношение между размером внешнего долга и стоимостью нетто-продукции было довольно различным по отдельным отраслям промышленности. Так, нетто-продукция сланцевой промышленности за 1937 год имела стоимость 8,2 млн. крон¹²², и внешний долг на 1 января 1938 года был 16,0 млн. крон¹²³, составляя 195% этой стоимости. В то же время соответственные показатели для текстильной промышленности были 24,5 млн. крон¹²⁴, 9,4 млн. крон¹²⁵ и 38%, а для пищевкусовой промышленности: 12,6 млн. крон¹²⁶, 3,9 млн. крон¹²⁷ и 31%. В других отраслях промышленности соотношение внешнего долга и стоимости годовой нетто-продукции было несколько ниже, в среднем 26,1%. Такие различия объясняются многими причинами — различными были в стоимостном выражении потребности отраслей промышленности в импортном сырье и в обновлении оборудования, различными были возможности отраслей промышленности в получении авансов за экспортируемую ими продукцию, сильно различались также

¹²⁰ *Konjunktuur*, 1939, № 60/61 (11/12), стр. 553.

¹²¹ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 344.

¹²² *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 109.

¹²³ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 347.

¹²⁴ *Konjunktuur*, 1939, № 60/61 (11/12), стр. 553.

¹²⁵ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 347.

¹²⁶ *Konjunktuur*, 1939, № 60/61 (11/12), стр. 553.

¹²⁷ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 347.

ВНЕШНЯЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

условия и перспективы расширения производства в разных отраслях промышленности. В общем же относительный размер внешнего долга предприятий (по сравнению со стоимостью нетто-продукции) был одним из тех факторов, которые обуславливали их зависимость от иностранного капитала. Это обстоятельство подчеркивается фактом, что главные иностранные кредиторы промышленных, торговых и других предприятий буржуазной Эстонии находились в тех же странах, в Англии и Германии, откуда в основном проникал и иностранный финансовый капитал в экономику Эстонии.

Таблица 3

Внешняя задолженность предприятий буржуазной Эстонии по отдельным странам (в тыс. крон)¹²⁸

Местонахождение кредиторов	На 1 января 1936 г.			На 1 января 1939 г.		
	по ввозу товаров	по другим операциям	Всего	по ввозу товаров	по другим операциям	Всего
Англия	6 381	7 396	13 777	9 122	9 586	18 708
Германия	3 579	5 376	8 955	8 165	4 274	12 439
Голландия	850	8 575	9 425	1 269	7 968	9 237
Швеция	957	156	1 113	6 695	1 989	8 684
Финляндия	943	555	1 498	1 690	655	2 345
Дания	180	2 075	2 255	234	1 537	1 771
Франция	798	692	1 490	449	967	1 416
Египет	869	—	869	1 266	—	1 266
США	1 249	16	1 265	1 165	11	1 176
Швейцария	153	575	728	202	398	600
Другие страны	1 283	853	2 146	1 902	888	2 790
Всего	17 252	26 269	43 521	32 159	28 273	60 432

Прежде всего обращает на себя внимание быстрый рост внешней задолженности за указанные в таблице три года — с 43,5 до 60,4 млн. крон, или на 38,9%. Примечателен также факт, что внешняя задолженность возросла главным образом за счет торгового кредита, который увеличился за три года на 86,4%. Из табл. 3 видно, что главными кредиторами предприятий буржуазной Эстонии были английские фирмы, им принадлежало в среднем около 32% общей суммы кредитов в рассматриваемые годы. На втором месте были фирмы, находившиеся в Германии, соответственно, с 21 процентом общей суммы; но

¹²⁸ *Konjunktuur*, 1938, № 44 (7), стр. 402 и *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 351.

размер кредитов из Германии увеличился несколько быстрее (рост 38,9% за три года), чем размер кредитов из Англии (рост 37,5%). Третье место занимали кредиты из Голландии; хотя их суммы в 1936 и 1939 годах были почти одинаковы, удельный вес их упал с 21% в 1936 году до 15% в 1939 году. В общем же размер кредитов из Голландии был чрезвычайно высоким по сравнению с масштабами товарообмена между Эстонией и Голландией. Так, в 1938 году из Эстонии вывозилось товаров в Голландию всего на 1697 тыс. крон, что составляло только 1,6% стоимости всего экспорта, и ввозилось товаров из Голландии на 3029 тыс. крон, или 2,8% всего импорта¹²⁹. Весьма резко возрастали кредиты из Швеции: в течение трех лет они увеличились в 7,8 раза, и их удельный вес в общей сумме задолженности на начало 1939 года составил уже 14,4%. Кредиты из Финляндии за тот же период возросли на 56,5%, но их удельный вес в общей задолженности к концу периода составил только 3,9%. Кредиты из Дании, Франции, США, Швейцарии, Египта были менее значительными по удельному весу (от 2,9% до 1%) и имели в общем тенденцию к уменьшению.

Опубликованный в 1939 году обзор о внешней задолженности предприятий¹³⁰ содержит некоторые сведения о том, из каких стран были получены кредиты предприятиями отдельных отраслей промышленности. Если эти сведения, касающиеся только главных должников, всего 61 предприятия, собрать, то получается следующая картина (табл. 4).

Хотя в указанном выше обзоре отдельные главные должники характеризуются крайне лаконично, без упоминания названий промышленных предприятий, имеющих внешнюю задолженность, этих намеков вполне достаточно для их опознания. Выясняется, например, что акционерные предприятия сланцевой промышленности получали кредиты из таких стран, где находились их главные акционеры, действительные хозяева этих предприятий. Как известно, англичанам принадлежал сланцеперегонный завод в Кохтла, шведам — завод в Силламяэ и немцам — в Кивийоли. Кредиты для сланцевой промышленности из Англии, Германии и Голландии имели чисто инвестиционный характер, а кредит из Швеции был торговым. Видно также, что преобладающая часть всего кредита из Голландии шла именно в сланцевую промышленность. Но источником как голландских, так и немецких кредитов, шедших в

¹²⁹ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 8—10.

¹³⁰ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 344—353.

Внешние долги отраслей промышленности Эстонии
на 1 января 1939 г. по странам, млн. крон

Отрасли промышленности	Англия	Германия	Голландия	Швеция	Другие страны
Сланцевая *	4,1	4,4	4,7	4,3	—
Текстильная	4,4	1,1	—	—	2,8
Пищевкусовая	0,5	—	2,3	—	0,9
Химическая	—	—	—	1,7	—
Металлообрабатывающая	—	0,8	0,6	0,7	—
Бумажно-целлюлозная	—	0,4	—	—	0,7
Деревообрабатывающая	2,2	—	0,2	—	0,3
Переработки минералов	—	—	—	—	0,5

* Включая сланцеперегонную

сланцевую промышленность Эстонии, явно был банковский консорциум «Мендельсон и Ко», имевший свой филиал в Амстердаме. Как известно, «Мендельсон и Ко» был одним из главных акционеров сланцеперегонного предприятия «Ээсти Кивиыли».

В текстильной промышленности преобладал английский кредит, который почти целиком (свыше 95%) имел торговый характер. Кроме названных в таблице стран, кредитовавших текстильную промышленность Эстонии, можно отметить, что хлопчатобумажная промышленность Эстонии получила кредит из США (1,0 млн. крон) и Египта (1,3 млн. крон)¹³¹.

Пищевкусовая промышленность имела крупный кредит из Голландии, причем 87% этой суммы составлял долг мукомольного завода «Ротермани Техазед» (2 млн. крон). Как известно, один из крупных акционеров этого завода, Н. В. Маниво-Маатчапи, находился в Амстердаме.

Внешнюю задолженность химической промышленности почти целиком составлял шведский кредит спичечной фабрике в Эстонии в сумме 1,7 млн. крон. В деревообрабатывающей промышленности основная часть внешнего кредита была получена из Англии фанерно-мебельной фабрикой «А. М. Лютер». Это вполне соответствует обстоятельству, что все именные акции этой фабрики принадлежали англичанам и находившейся в Лондоне фирме «Венеста лтд.». Полученный фабрикой «А. М. Лютер» кредит представлял собой аванс

¹³¹ *Konjunktuur*, 1939, № 55/56 (6/7), стр. 347.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

на выпускаемую ею продукцию, предназначенную к экспорту в Англию. Внешнюю задолженность промышленности переработки минералов составлял кредит 0,5 млн. крон из Дании цементной фабрике «Акц. об-во Порт-Кунда», большинство акционеров которой, как известно, были датские капиталисты.

Из вышеизложенного следует, что внешний кредит промышленности буржуазной Эстонии действительно получала главным образом из тех стран, где находились крупнейшие акционеры промышленных предприятий. Это значительно усилило зависимость промышленности Эстонии от этих стран, т. е. в первую очередь от Англии и Германии.

Зависимость промышленности буржуазной Эстонии от иностранного капитала отчетливо отражается в распределении владельцев промышленных предприятий по национальному признаку. Такие данные имеются в материалах экономической переписи 1937 года (табл. 5).

Таблица 5

Распределение промышленных предприятий Эстонии по национальности их владельцев в 1936 г.¹³²

	Общее число предприятий	Имущество предприятий, млн. крон	Число предприятий крупной промышленности*	Имущество предприятий крупной промышленности, млн. крон
Всего	3688	260	299	225,1
в том числе:				
эстонские	3184	76	149	47,9
государственные**	64	33	21	32,4
немецкие	155	67	35	63,3
еврейские	112	10	45	9,2
русские	61	2	10	2,2
прочие	98	49	30	47,8
смешанные	14	23	9	22,3

* С численностью рабочих не менее 20 человек.

** Включая предприятия местных самоуправлений.

Однако не следует целиком считать иностранным имущество предприятий, владельцами которых были неэстонцы. Но в условиях буржуазной Эстонии такие предприятия, в особенности те из них, которые принадлежали немцам, почти всегда

¹³² Tööstus, I, стр. 24—25.

имели в своем распоряжении именно иностранный капитал. К тому же на этих предприятиях концентрировались не только немецкие капиталы, но и служащие немецкой национальности. Осенью 1939 года, следуя призыву Гитлера, немецкие предприниматели вместе со своими служащими покинули Эстонию. Среди владельцев немецких предприятий известную часть составляли бывшие балтийские бароны и их наследники, которые считали себя членами высшей нации, объединенной в гитлеровской Германии. Переселение проживавших в Эстонии немцев, практически поголовно, в Германию подтвердило, что принадлежавшие им в буржуазной Эстонии предприятия мало чем отличались от предприятий иностранцев.

Из табл. 5 видно, что удельный вес средних и мелких предприятий в промышленности по сумме вложенных капиталов был сравнительно небольшим, всего 13,4%. Из имущества средних и мелких предприятий, составлявшего 34,9 млн. крон, 28 млн. крон (или 80%) принадлежало эстонцам. В крупной же промышленности капитал эстонцев составлял лишь 21,2%. Остальная часть вложенного в крупную промышленность капитала принадлежала иностранцам или лицам неэстонского происхождения. В смешанных предприятиях господствующим являлся также иностранный капитал. Удельный вес немецкого капитала в имуществе предприятий крупной промышленности в 1936 г. был 28,1%, значительно превышая удельный вес капитала эстонской национальности. В то же время в Эстонии немцы составляли лишь 1,5% всего населения, а русские 8,2 и евреи 0,4%¹³³.

Данные по отдельным отраслям крупной промышленности представляют следующую картину. Общий капитал сланцевой промышленности выражался в сумме 25,3 млн. крон, а в нем капитал эстонского происхождения равнялся нулю и лишь государством было вложено 5 млн. крон (т. е. менее 20% этой суммы)¹³⁴. В крупных предприятиях машиностроительной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения весь капитал составлял 8,8 млн. крон, в том числе капитал эстонцев 2,2 млн. крон (т. е. 25%)¹³⁵. В заводах телефонной и радиоаппаратуры из общей суммы капитала (1,1 млн. крон), капитал эстонцев составлял 26% (296 тыс. крон)¹³⁶.

В текстильной промышленности — крупнейшей по мас-

¹³³ *Eesti Statistika*, 1935, стр. 354.

¹³⁴ *Tööstus*, I, стр. 24.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

штабам капиталовложений отрасли — весь капитал составил 62,8 млн. крон, в том числе капитал эстонцев 8,6 млн. крон, т. е. 13,7%; причем в хлопчатобумажной промышленности из общего капитала 29,8 млн. крон эстонцам принадлежало лишь 531 тыс. крон, или 1,8%, а в шерстяной из 14,3 млн. крон только 1,6 млн. крон¹³⁷.

В фанерной промышленности, с общей суммой имущества в 6,6 млн. крон, эстонский капитал совершенно отсутствовал. В целлюлозную промышленность (капитал 21 млн. крон) тоже не было вложено ни одной кроны эстонского капитала. Даже в отдельных подразделениях пищевкусовой промышленности удельный вес эстонского капитала был весьма низким. Так, например, весь капитал мукомольно-хлебопекарной промышленности составлял 2,7 млн. крон, а в этом капитал эстонцев только 0,35 млн. крон (т. е. 13%); в табачной промышленности из всего капитала, 2,5 млн. крон, эстонцам принадлежало 0,6 млн. крон (24%), и в пивоваренной промышленности из 3,7 млн. крон только 0,3 млн. крон (8,1%)¹³⁸.

Как известно, эстонская буржуазия, захватив государственную власть в 1918—1919 гг., в экономическом отношении была чрезвычайно слаба, и из приведенных выше цифр следует, что она и за весь период своего господства так и не смогла создать себе прочной хозяйственной базы. Несмотря на то, что эстонская буржуазия заметно разбогатела и численность промышленников и коммерсантов эстонского происхождения возросла, руководящие позиции в экономике страны сохранил иностранный капитал.

Иностранные капиталисты, по мере укрепления своих позиций в Эстонии, становились все более надменными. Если раньше они на своих предприятиях принимали эстонцев на службу, чтобы, прикрываясь ими, грабить эстонский народ, то в последние годы существования буржуазной Эстонии многие иностранные фирмы и предприятия эстонцев на работу уже не принимали. «Много нареканий вызывает явление, что многие предприятия, в которых участвует иностранный капитал, стараются принимать на работу неэстонцев»¹³⁹.

Этот упрек относится прежде всего к немецкому капиталу. Общеизвестно, что банк «Г. Шеель и Ко» комплектовал своих служащих исключительно из немцев. Такое же положение было и на сланцеперогонном заводе «Кивиили» — там также

¹³⁷ Tööstus, I, стр. 24.

¹³⁸ Там же, стр. 26.

¹³⁹ Postimees, 2 октября 1935 г.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

предпочитали немцев на всех должностях, кроме разнорабочих. Немецкому фашистскому капиталу не нужны были эстонские вывески и имена, он чувствовал себя полным хозяином в стране.

Сказанное дает некоторое представление о глубокой зависимости буржуазной Эстонии от империалистических стран. Хотя предприятия, построенные на территории Эстонии в последние годы буржуазной власти, производили в основном полуфабрикаты для промышленности империалистических стран, их положительное значение состояло главным образом в том, что расширение промышленности привело к росту рабочего класса, демократизации интеллигенции и к все большему осознанию трудящимися массами гибельности того пути, по которому вел Эстонию правящий тогда класс.

5. Внешняя торговля

Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических держав была в значительной степени обусловлена объемом, структурой и тенденциями ее внешней торговли. Ввиду того, что территория Эстонии мала и не отличается особым разнообразием природных богатств, значение внешней торговли в экономике буржуазной Эстонии являлось весьма существенным. Объем внешней торговли Эстонии в 1920—1938 гг. характеризуется следующими данными (табл. 6).

В первые послевоенные годы импорт быстро возрастал.

Оборот внешней торговли ¹⁴⁰

Таблица 6

Годы	Импорт	Экспорт	Весь оборот	Оборот в долларах, млн.	Разность экспорта и импорта, млн. крон
	в тыс. крон				
1920	22 235	19 588	41 823	18,0	— 2,6
1921	47 435	24 197	71 632	19,6	— 23,2
1922	61 350	52 821	114 171	33,6	— 8,5
1923	100 999	61 817	162 816	43,6	— 39,2
1924	78 509	75 271	153 780	41,3	— 3,2
1925	96 546	96 646	193 192	51,9	+ 0,1
1926	95 570	96 236	191 806	51,1	+ 0,7
1927	96 417	105 776	202 193	53,9	+ 9,4
1928	131 373	127 109	258 482	69,1	— 4,3
1929	122 967	117 471	240 438	64,1	— 5,5
1930	98 370	96 434	194 804	51,9	— 1,9
1931	61 224	71 073	132 297	35,2	+ 9,8
1932	36 860	42 571	79 431	21,1	+ 5,7
1933	39 030	45 558	84 588	22,2	+ 6,5
1934	55 275	68 973	124 248	33,8	+ 13,7
1935	63 757	80 118	148 875	39,5	+ 11,4
1936	86 846	83 191	170 037	46,0	— 3,6
1937	111 062	106 012	217 074	58,4	— 5,1
1938	107 198	103 928	211 126	56,2	— 3,3

¹⁴⁰ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 130. — *Eesti Majandus 1938. a.*, стр. 112. — *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 6.

Однако номинальное увеличение оборота внешней торговли отчасти было вызвано падением курса эстонских денег. Поэтому в табл. 6 общий оборот показан также в долларах. Из этих данных видно, что оборот довольно быстро возрастал в 1920—1928 гг., за исключением лишь 1924 года, когда буржуазная Эстония переживала свой первый финансовый и экономический кризис.

Внешнеторговый баланс буржуазной Эстонии из девятнадцати лет, охваченных таблицей, был пассивным в течение одиннадцати лет. В первые годы импорт намного превышал экспорт, особенно в 1923 году, когда пассивность внешней торговли Эстонии достигла крайних пределов (39,2 млн. крон). Периодами пассивности баланса внешней торговли Эстонии были еще 1928—1930 гг. и 1936—1938 гг. Определяющую роль в возникновении пассивного баланса играли государственные кредиты, предоставленные частным предпринимателям, и отпущенная им иностранная валюта для оплаты импортных товаров. Оборот внешней торговли (в долларах) в 1928 году превысил оборот 1920 года немногим более чем в 3,8 раза.

Итак, рост оборота был довольно внушительным. Он значительно превосходил как развитие промышленности, так и сельского хозяйства. Хозяйство буржуазной Эстонии становилось все более зависимым от внешнего рынка, который в ряде важных отраслей стал играть решающую роль. Так, в 1930 году из общего объема продукции крупной промышленности на внешний рынок поступил приблизительно 31%, и в производстве экспортной продукции было занято 36% всех рабочих крупной промышленности¹⁴¹. Важнейшие отрасли крупной промышленности производили для экспорта приблизительно следующее количество товаров (по отношению к валовой их продукции)¹⁴².

цементные заводы	30%
стекляная промышленность	9%
телефонные фабрики	58%
спичечная промышленность	75%
заводы искусственного рога	62%
кожевенная промышленность	11%
хлопчатобумажные фабрики	65%
ниточные фабрики	10%
льнопрядильные и ткацкие фабрики	90%

¹⁴¹ J. Janusson, Eesti majanduslik areng. Tallinn, 1932, стр. 36.

¹⁴² Там же.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

суконные фабрики	9%
фабрики фанеры, катушек и древесного волокна	69%
лесопильные заводы ¹⁴³	100%
бумажные и целлюлозные фабрики	82%
шоколадные и конфетные фабрики	16%

В 1929—1932 гг. под влиянием кризиса обороты внешней торговли катастрофически упали. Они снизились с 258,5 млн. крон в 1928 году до 79 млн. крон в 1932 году, или почти до 31% (как в кронах, так и в долларах). Такое резкое падение оборотов внешней торговли буржуазной Эстонии явилось рекордным среди оборотов малых государств Северной Европы. В этом отношении близко к Эстонии находилась только Латвия, что видно из табл. 7.

Таблица 7

Внешняя торговля Эстонии и других стран Прибалтики и Скандинавии, млн. крон ¹⁴⁴

	Эстония	Латвия	Литва	Финляндия	Швеция	Норвегия
Импорт в 1928 г.	131,4	223,2	108,7	754,0	1715,3	1024,3
Экспорт „	127,1	189,2	95,9	587,7	1581,4	683,7
Весь оборот в 1928 г.	258,5	412,7	204,6	1341,7	3296,7	1708,0
Импорт в 1932 г.	36,9	61,3	62,9	208,4	819,7	477,8
Экспорт „	42,6	69,9	71,3	275,6	672,5	393,5
Весь оборот в 1932 г.	79,5	131,2	134,2	484,0	1492,2	871,3
Оборот 1932 г. в процен- тах оборота 1928 г.	30,7	31,8	65,6	36,1	45,3	51,0

Кризис глубоко поразил все малые государства, особенно буржуазную Эстонию. Ее внутренние ресурсы были очень ограничены, и поэтому понижение оборота внешней торговли оказалось более ощутимым. Крупные же государства взвалили значительную долю тяжести кризиса на зависимые от них государства. Швеция и Норвегия, будучи менее зависимыми от иностранных государств, пострадали от кризиса в гораздо меньшей степени.

¹⁴³ Потребность внутреннего рынка в лесе покрывалась продукцией средних и малых предприятий.

¹⁴⁴ *Eesti majandus* 1938, а., стр. 148.

Во внешней торговле буржуазной Эстонии, как и других стран, падение цен содействовало уменьшению суммы оборота. В то время как общий оборот внешней торговли в денежном выражении (в кронах) в 1928—1932 гг. пал до 30,7%, оборот в тоннах уменьшился до 45,6%¹⁴⁵.

Из табл. 8 видно, что самый низкий уровень цен сложился в 1932 году, причем цены на экспортные товары оказались более низкими, чем на импортные. Из цен на экспортные товары наиболее сильно понизились цены на пищевые продукты—масло, бекон, яйца; значительно упали также цены на сырье и полуфабрикаты. Хотя цены на экспортные готовые изделия снизились меньше, но все же гораздо сильнее, чем цены на импортируемые готовые изделия.

То обстоятельство, что цены на готовые изделия во время кризиса понизились менее резко, объясняется довольно большим удельным весом монопольных цен в этой группе товаров. Что касается цен экспортируемых и импортируемых пищевых продуктов, то производимые в Эстонии сливочное масло и бекон нельзя было не вывозить и реализовать по предлагаемой цене, в то время как продавцами импортируемого сахара, кофе и чая были крупные коммерсанты, имевшие определенную возможность маневрировать и держать цену на более высоком уровне. Такое соотношение цен означало постоянную утечку богатств страны и в конечном итоге — ускоренное обнищание трудящихся буржуазной Эстонии.

Положение не изменилось и в последующие годы. Если общий индекс цен на экспортные товары повысился в 1932—1938 гг. с 51,4 до 80,5, то индекс цен на пищевые продукты поднялся с 49,4 только до 71,5. Цены на импортируемые пищевые продукты повышались значительно быстрее, чем на экспортируемые, и достигли 91,3.

Аналогичное положение можно констатировать и в отношении готовых изделий. Индекс цен на экспортируемые готовые изделия повысился до 76,2, а индекс цен на импортируемые готовые изделия до 104,6.

Цены на экспортируемое сырье и полуфабрикаты значительно возросли, и это произошло главным образом за счет сланцевого масла. Таким образом, для буржуазной Эстонии являлось более выгодным увеличивать экспорт сырья и полуфабрикатов, так как цены на эти продукты поднялись с 51,3 до 93,5, приближаясь к среднему уровню 1927—1931 гг. Конъюнктура на мировом рынке заставила эстонское государство

¹⁴⁵ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 130.

Движение уровня цен во внешней торговле Эстонии ¹⁴⁶

Таблица 8

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Экспорт	111,8	92,7	70,0	51,4	57,2	65,7	70,6	73,3	83,7	80,5
в том числе:										
пищевые и вкусовые продукты	115,8	88,8	68,3	49,4	55,7	54,6	64,4	66,1	70,7	71,5
сырье и полуфабрикаты	116,3	89,8	68,4	51,3	56,4	72,2	75,0	77,9	101,3	93,5
готовые изделия	104,0	100,2	73,9	57,2	61,5	72,0	73,6	74,6	77,7	76,2
Импорт	104,5	92,0	75,8	64,9	74,8	85,7	84,2	83,9	94,6	91,3
в том числе:										
пищевые и вкусовые продукты	104,8	79,3	63,5	55,9	65,3	65,6	57,8	66,7	80,7	71,7
сырье и полуфабрикаты	107,5	94,7	69,4	54,0	64,8	76,6	75,6	75,9	85,6	76,7
готовые изделия	102,4	98,6	85,1	75,0	86,0	99,8	97,6	93,2	104,0	104,6

¹⁴⁶ *Eesti majandus 1938, a.*, стр. 124. В таблице приведены среднегодовые индексы цен, в процентах от средних цен за 1927—1931 гг.

и его буржуазное правительство избрать этот путь и расширять производство полуфабрикатов. Это соответствовало также желанию Англии и Германии.

Объем экспорта в двадцатых годах довольно быстро возрастал. В эти годы сельское хозяйство значительно расширилось, развивалась его товарность. Под влиянием сравнительно высоких цен на экспортные сельскохозяйственные продукты увеличился удельный вес товарной продукции мелких хозяйств, особенно в производстве сливочного масла. Оптовая цена на масло в 1923—1929 гг. составляла на таллинской бирже 2,50—3,00 кроны за кг, цена на сыр 1,50—1,90 кр., на свинину 0,90—1,15 кр. за кг¹⁴⁷. Конъюнктура была довольно устойчивой, и увеличение экспорта усиливало зависимость экономики Эстонии от иностранных государств, главным образом от Англии и Германии.

После того как в 1928 году экспорт достиг своего максимума, началось падение, цены постепенно понижались и замедлялась реализация. В 1932 году экспорт составлял (в денежном выражении) только 33,5% экспорта 1928 года. Но кризис не в одинаковой степени отражался на экспорте продукции каждой отрасли производства. Если экспорт лесоматериалов уменьшился с 295 тыс. тонн до 66 тыс. тонн в 1932 году, то экспорт продукции скотоводства остался почти на прежнем уровне. Так, в 1928 году продуктов животноводства было экспортировано 17,8 тыс. тонн и в 1932 году 18,5 тыс. тонн, а рыбы и рыбопродуктов — в 1928 г. 1266 тонн и в 1932 году 1007 тонн¹⁴⁸. В годы кризиса сельское хозяйство Эстонии не сокращало производства, несмотря на сильное понижение цен на сливочное масло и другие продукты животноводства. Если в 1929 году на таллинской бирже оптовая цена на масло была 2,72 кроны за кг, то в 1934 году она была лишь 0,93 кроны за кг, т. е. почти в три раза меньше¹⁴⁹.

Начиная с 1933 года экспорт Эстонии стал вновь возрастать, но его структура несколько изменилась. Немного уменьшился экспорт сельскохозяйственных продуктов и значительно увеличился экспорт промышленных полуфабрикатов.

Структура внешней торговли Эстонии в 1923—1938 гг. представляла следующую картину (табл. 9).

Незначительными были во внешней торговле Эстонии ввоз

¹⁴⁷ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 231.

¹⁴⁸ Там же, стр. 133.

¹⁴⁹ Там же, стр. 231.

Внешняя торговля по пяти главным группам товаров в процентном отношении к общему объему
(в денежном выражении)¹⁵⁰

Год	Живой скот		Пищевые и вкусовые продукты		Сырье и полуфабрикаты		Готовые изделия		Драгоценные металлы и камни	
	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт
1923	0,0	2,3	22,8	15,8	26,6	41,8	50,6	40,0	0,0	0,1
1924	0,0	1,2	35,0	18,7	29,1	43,0	35,8	37,1	0,1	0,0
1925	0,0	1,7	32,1	28,7	34,8	29,1	33,0	40,5	0,1	—
1926	0,1	1,1	33,3	30,8	30,4	30,7	36,1	37,4	0,1	—
1927	0,0	1,4	27,5	36,4	28,0	29,3	44,4	32,9	0,1	—
1928	0,1	1,1	30,3	36,9	25,8	31,7	43,5	29,9	0,3	0,4
1929	0,0	0,4	29,7	38,3	27,1	30,0	42,6	31,2	0,6	0,1
1930	0,0	0,3	23,6	40,0	28,6	24,6	47,6	35,1	0,2	0,0
1931	0,0	1,4	16,6	48,3	28,7	26,6	54,4	23,6	0,3	0,1
1932	0,0	0,0	11,9	51,8	28,9	26,0	58,7	22,2	0,5	0,0
1933	0,0	0,1	11,1	41,7	33,6	34,8	55,1	23,4	0,2	0,0
1934	0,1	1,8	9,7	32,2	35,0	39,9	55,0	26,1	0,2	—
1935	0,1	3,9	8,9	38,2	32,7	35,0	58,2	22,9	0,1	0,0
1936	0,5	5,9	11,3	36,5	27,8	34,9	60,2	22,7	0,2	—
1937	0,1	3,8	13,2	34,3	27,9	40,3	53,6	21,6	0,2	0,0
1938	0,0	7,5	11,4	39,2	25,5	34,0	62,8	19,3	0,3	0,0

¹⁵⁰ Eesti arvudes 1920—1935, стр. 130. — Eesti majandus 1938. a., стр. 113.

и вывоз живого скота, драгоценных металлов и камней. Экспорт живого скота стал ощутимым только с 1935 года и в 1938 году достиг даже 7,5 процента общего вывоза. В эти годы производилась в значительном объеме продажа живых свиней в Советский Союз и Германию. Так, экспорт живого скота в 1938 г. составил 7,8 млн. крон, в том числе экспорт свиней в Советский Союз 2,16 млн. крон и в Германию 5,48 млн. крон. В том же году в Финляндию было экспортировано лошадей на 0,13 млн. крон¹⁵¹.

Однако с увеличением экспорта живых свиней уменьшился экспорт бекона. Так, удельный вес экспорта живых свиней (в стоимости всего вывоза) возрос с нуля в 1933 г. до 3,2% в 1937 г., а удельный вес экспорта бекона и свинины за тот же период уменьшился с 7,6% до 2,8%¹⁵². Экспорт живых свиней отчасти заменил экспорт бекона, но валовой экспорт продукции свиноводства не увеличился. Кормовая база в буржуазной Эстонии почти не развивалась, и выход продукции животноводства в значительной степени зависел от урожайности.

Повышение удельного веса импорта пищевых и вкусовых продуктов в двадцатых годах было обусловлено увеличением ввоза зерна с 63,0 тыс. тонн в 1923 году до 124,9 тыс. тонн в 1929 г.¹⁵³. Эти цифры весьма значительны, поскольку собственная годовая продукция зерна в буржуазной Эстонии составляла около полумиллиона тонн, в том числе продовольственного зерна только 150—180 тыс. тонн¹⁵⁴. Все города в двадцатых годах перешли на потребление импортируемого зерна.

В тридцатых годах изменилось направление сельского хозяйства страны. Была введена монополия на зерно и началось форсированное развитие зернового хозяйства. Это дошло до того, что Эстония, раньше импортировавшая зерно, теперь стала экспортировать его. Так, в 1934 году было вывезено зерна 22,7 тыс. тонн, в 1935 году 30,5 тыс. тонн, в 1936 г. 14,5 тыс. тонн и в 1938 году 10 тыс. тонн¹⁵⁵. Для Эстонии такой объем экспорта зерна был довольно значительным. Были созданы запасы зерна в государственных складах; количество хранимого в них закупленного зерна достигало, например в 1940 г., 25 тыс. тонн.

¹⁵¹ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 33.

¹⁵² Там же, стр. 30.

¹⁵³ *Väliskaubandus 1929. a.*, стр. 34.

¹⁵⁴ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 54—55.

¹⁵⁵ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 133. — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 116.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

Удельный вес пищевкусовых продуктов в экспорте буржуазной Эстонии возрос с 15,8% в 1923 году до 51,8% в 1932 году, а затем уменьшился до 39,2% в 1939 году. При этом удельный вес сливочного масла в общем экспорте возрос с 9,7% в 1923 году до 36,4% в 1932 г., удельный вес бекона, соответственно, с 0,7% до 5,4% и удельный вес яиц с 0,7% до 2,6%. После установления государственной монополии на зерно удельный вес экспорта сливочного масла стал уменьшаться и составил в 1935 году 20,3% всего экспорта, удельный вес вывоза бекона остался приблизительно на прежнем уровне, а удельный вес вывоза яиц возрос до 3,3%¹⁵⁶.

Понижение удельного веса экспорта пищевкусовых продуктов начиная с 1933 года происходило отчасти вследствие частичной замены экспорта сливочного масла экспортом дешевой ржи и других видов зерна, главным же образом из-за значительного роста экспорта сырья и полуфабрикатов. Это изменение в экономике буржуазной Эстонии было особенно знаменательным. Если в двадцатых годах правящие круги Эстонии стремились к большему производству бекона и масла для английского рынка, к превращению Эстонии в сельскохозяйственный придаток Англии, то в тридцатых годах Эстония попала в сильную зависимость от Германии. Фашистская Германия нуждалась в сырье и полуфабрикатах, и Эстония стала их ей поставлять и перешла на производство полуфабрикатов.

В экспорте промышленных товаров Эстонии в период буржуазной власти происходили довольно большие изменения структуры. Так, например, экспорт целлюлозы повысился с одной тысячи тонн в 1924 году до 80 тысяч тонн в 1938 году, и его удельный вес в общей стоимости экспорта составил уже почти 10%. За те же годы вывоз сланцевого масла увеличился с нуля до 62 тыс. тонн и вывоз бензина с нуля до 6 тыс. тонн¹⁵⁷.

Экспорт текстильного сырья (лен, пакля) и лесоматериалов занимал видное место в общем экспорте в середине двадцатых годов, но к началу тридцатых годов сильно сократился и продолжал оставаться сравнительно умеренным. Так, удельный вес льна в экспорте составлял в 1924 году 21,5%, а в 1930 году только 4,1% и в течение тридцатых годов оставался примерно на уровне 5%. Экспорт лесоматериалов сократился с 12,3 млн. крон в 1924 году до 9,5 млн. крон в 1930 году, его

¹⁵⁶ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 139.

¹⁵⁷ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 140—141. — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 112 и 116.

удельный вес, соответственно, с 17% до 10% и в дальнейшем оставался в пределах 9—10%¹⁵⁸.

Изменения структуры экспорта были связаны с известной переориентировкой: экспорт льна и других сельскохозяйственных продуктов уменьшился главным образом в той части, которая направлялась в Англию, увеличился же экспорт сланцевого масла, особенно в Германию. Возрос также экспорт целлюлозы, отправляемой в различные страны. Что касается экспорта лесоматериалов Эстонии, то и в нем Германия в тридцатых годах стала вытеснять Англию, бывшую раньше главным потребителем эстонского леса.

Обращает на себя внимание довольно систематический рост импорта готовых изделий с 1925 по 1938 год. За эти 13 лет удельный вес готовых изделий в импорте Эстонии почти удвоился. Это свидетельствует об отставании промышленности и аграризации страны. Производство промышленных товаров даже под защитой высоких пошлин не достигало уровня, удовлетворяющего потребности внутреннего рынка. Импорт готовых изделий повысился, например, с 32 млн. крон в 1925 году до 67 млн. крон в 1938 году¹⁵⁹.

В структуре импортируемых промышленных товаров не происходило больших изменений. В основном ввозились различные предметы потребления или простые инструменты. В буржуазной Эстонии имелось достаточно штамповочных станков и машин для производства топоров и лопат, но она ежегодно ввозила в большом количестве лопаты, топоры и другие простые орудия труда. Так же обстояло дело и с бидонами для молока. В большом количестве ввозились пергамент и обои. Значительная часть ввозимого металла уходила на изготовление предметов широкого потребления, таких как алюминиевая и жестяная посуда, печные дверцы и металлическая мебель. Импорт силовых и рабочих машин возрастал быстрыми темпами — с 1,3 млн. крон в 1933 году до 8,0 млн. крон в 1938 году, т. е. более чем в шесть раз¹⁶⁰. Но значительную часть этого импорта, например в 1938 году 3,05 млн. крон, составлял ввоз деталей для изношенных машин, а остальную часть — преимущественно машины для ручного труда ремесленников, мельничные установки и т. п. Из общей суммы им-

¹⁵⁸ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 140.

¹⁵⁹ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 130. — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 113.

¹⁶⁰ *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 81—82.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

порта в 8,0 млн. крон токарных станков было ввезено в 1938 году лишь на 135 тыс. крон¹⁶¹.

Таким образом, импорт готовых товаров носил в основном потребительский характер и не был направлен на развитие собственной промышленности.

Номенклатура экспорта готовых изделий промышленности Эстонии была крайне пестрой, и ни один товар не имел в ней решающего значения. Средств производства в Эстонии для вывоза почти не производилось. Весьма разнообразные готовые изделия вывозились в столь малых количествах, что являлись скорее товарными образцами, чем предметами фактического экспорта. Естественно, что они не могли найти постоянного рынка сбыта. Значительную часть экспорта готовых товаров Эстонии составляли фанерные листы и сиденья для стульев, являющиеся по существу полуфабрикатами (но в статистических сводках они причислялись к готовой продукции).

Характерным для экспорта готовых изделий являлось то, что они вывозились из Эстонии почти во все страны мира. Шпильки, например, экспортировались в 10 стран, телефонные аппараты в 11 стран, алюминиевые товары в 17 стран (хотя весь их экспорт составлял в 1937 году только 151 тыс. крон), печатную бумагу, экспорт которой в 1937 году составил 1,7 млн. крон, вывозили в 71 страну. Наиболее крупными потребителями эстонской бумаги являлись: Египет (298 тыс. крон), Голландия (225 тыс. крон), Голландская Индия (152 тыс. крон), Китай (116 тыс. крон) и Колумбия (107 тыс. крон)¹⁶². Бумага вывозилась отдельными партиями, и постоянного рынка она не имела.

Продажа эстонских готовых изделий носила случайный характер. Если в двадцатых годах на африканских и азиатских рынках еще можно было продавать мелкие партии товаров, то в тридцатых годах эти рынки почти совсем закрылись. Круг экспорта эстонских готовых товаров постепенно уменьшался.

Внешнеторговые отношения буржуазной Эстонии с соседними и более далекими странами, таким образом, не отличались достаточным постоянством. Удельный вес отдельных государств в эстонском импорте в 1923—1938 гг. показан в табл. 10.

Как известно, до 1925 года мировой рынок не успел стабилизироваться, еще сохранился недостаток товаров. Знамена-

¹⁶¹ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 81—82.

¹⁶² *Väliskaubandus 1937. a.*, стр. 66—67.

Удельный вес отдельных государств в импорте Эстонии
(в процентах всей стоимости импорта)¹⁶³

Годы	Германия	Англия	США	Франция	Латвия	Швеция	СССР	Финляндия
1923	51,0	19,7	3,6	0,6	3,7	3,2	4,0	3,2
1924	36,6	14,0	12,5	1,1	3,8	4,0	12,8	2,4
1925	29,5	12,2	23,6	1,4	4,1	4,0	4,4	3,2
1926	29,1	12,1	12,0	2,8	3,3	4,6	7,4	3,2
1927	26,4	14,3	14,2	3,5	3,1	5,1	9,1	2,2
1928	30,3	11,0	17,9	3,9	3,0	5,3	3,8	1,7
1929	30,1	10,1	13,4	3,3	2,4	5,6	4,2	1,8
1930	28,3	8,6	12,7	4,2	2,7	4,8	9,3	2,2
1931	30,0	7,7	8,9	3,5	3,2	5,0	11,3	3,0
1932	32,0	13,8	10,0	2,8	4,1	4,5	5,7	3,7
1933	22,5	18,0	10,6	5,4	5,6	5,1	4,5	4,0
1934	21,2	16,4	10,4	5,9	5,0	4,7	4,3	4,2
1935	26,3	19,0	11,4	3,4	2,7	4,6	3,5	3,9
1936	29,8	17,9	9,2	2,0	2,6	5,3	5,8	3,6
1937	26,1	16,7	8,2	2,2	1,4	6,6	5,6	4,9
1938	31,1	17,9	6,6	2,7	1,1	8,2	4,9	4,3

тельно, что из Германии в 1923 году ввозилось 51,0% общего объема импорта Эстонии, чему способствовало стремительное падение немецкой марки и царивший в Германии экономический хаос. В связи со стабилизацией немецкой марки удельный вес Германии в импорте Эстонии пал до 26,4% в 1927 году. Торговые отношения буржуазной Эстонии до 1926 года были довольно случайными, Эстония как покупатель производила закупки в разных странах, а не у определенных постоянных партнеров. Так, удельный вес США в импорте Эстонии в 1925 году оказался чрезвычайно высоким (23,6%), превышая почти в два раза удельный вес Англии, но уже в следующем году он пал до 12%. Удельный вес Советского Союза в импорте Эстонии составлял в 1924 году 12,8%, а в следующем году снизился до 4,4%. После 1926 года столь резких изменений в удельном весе отдельных государств в импорте не происходило. Германия сохранила свои позиции в импорте буржуазной Эстонии даже с тенденцией к дальнейшему повышению: почти одна треть импорта поступала из Германии, и только в 1933 и 1934 годах удельный вес Германии в импорте был ниже одной четверти. Это было результатом известного лозунга о необходимости производить закупки в Англии, обо-

¹⁶³ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 145—147. — *Eesti majandus 1935. a.*, стр. 90. — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 120.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

снованного тем, что у Эстонии тогда торговый баланс с Англией был активным, а с Германией пассивным. Примечательно также, что в 1928—1931 гг. ввоз из США оказался большим, чем из Англии.

Удельный вес всех остальных государств в импорте Эстонии был довольно незначительным, поскольку в среднем около 56% импорта буржуазной Эстонии было сконцентрировано в руках только трех государств — Германии, Англии и США. Наиболее неустойчиво протекала торговля Эстонии с СССР. Буржуазная Эстония, всегда враждебно относившаяся к Советскому Союзу, не стремилась наладить с ним прочных торговых отношений. Происходили время от времени отдельные торговые операции, в зависимости от конъюнктуры на других рынках. Из Советского Союза покупались товары только тогда, когда на других рынках нельзя было их получить, или когда это являлось особенно прибыльным для эстонских коммерсантов.

В октябре 1931 года в Эстонии были введены ограничения купли-продажи иностранной валюты. Валютные операции могли происходить только с разрешения Эстонского банка, который получил исключительное право на куплю-продажу иностранной валюты. К тому же почти все страны стали устанавливать контингенты ввоза, что существенно ограничивало заключение внешнеторговых договоров. Когда внешне-торговый оборот Эстонии, после двух лет глубокой депрессии, стал вновь расти в 1934 году, в нем начала происходить значительная перемена удельного веса отдельных государств, особенно с 1935 года. Эстония была направлена в фарватер Германии и систематически увеличивала ввоз из Германии. Прекратилась пропаганда в пользу Англии, и были устранены валютные ограничения в отношении Германии. Однако удельный вес Англии в импорте в общем сохранял свои позиции. По торговому договору Эстония импортировала из Англии ежегодно свыше 40 тыс. тонн угля и разные другие товары. Удельный вес США в импорте начал падать с 1936 года и уменьшился к 1938 г. до 6,6%. Таким образом, в последнее время существования буржуазной Эстонии в ее импорте остались только два конкурента, причем в 1936—1938 гг. удельный вес Германии почти в 1,7 раза превысил удельный вес Англии.

В импорте сырья и полуфабрикатов удельный вес Англии и Германии был сравнительно небольшим (около 10% каждый). Важнейшие сырьевые продукты из этих стран почти не ввозились; например, сырой хлопок, составлявший в денежном выражении около 23% всего ввоза сырья и полуфаб-

рикатов, импортировался из США и Египта¹⁶⁴. Но каменный уголь и кокс импортировались как из Англии, так и из Германии, причем ввоз из Англии покрыл, например, в 1938 году более 82% и ввоз из Германии около 10% общей потребности в них; однако каменный уголь и кокс составляли лишь 4,65% всего ввоза в Эстонию сырья и полуфабрикатов¹⁶⁵.

Иную картину представлял импорт готовых изделий. В 1938 году он составлял 67,3 млн. крон, или почти 63% общего импорта. Из Германии было ввезено готовых изделий на 30,1 млн. крон, из Англии — на 11,8 млн. крон, всего — на 41,9 млн. крон, или более 62% всего импорта готовых изделий¹⁶⁶. Таким образом, подавляющая часть готовых изделий ввозилась в Эстонию из Германии и Англии. Важнейшее место в импорте из Германии занимали металлические товары (8,6 млн. крон), на втором месте были силовые и рабочие машины (4,4 млн. крон) и на третьем — химические товары (4,1 млн. крон). В импорте из Англии наибольшую сумму составляли текстильные товары (4,1 млн. крон), а следующую по величине — химические (1,5 млн. крон)¹⁶⁷.

Характерно, что в импорте из Англии и Германии ни пищевые продукты, ни полуфабрикаты, ни отдельные группы готовых товаров не занимали резко выраженного доминирующего положения. Товары, импортировавшиеся главным образом из Англии и Германии, Эстония могла бы получать и от других государств, но она была экономически в значительной степени связана с Германией и Англией вследствие их политического влияния и давления.

Немалые изменения происходили во время буржуазной власти также в экспорте Эстонии, особенно в его распределении по отдельным государствам (табл. 11).

Из таблицы видно, что с самого начала в вывозе товаров доминировали два государства — Англия и Германия. Если в 1923 году Швеция, Финляндия и Латвия еще находились в числе крупных покупателей эстонских товаров, то уже в 1925 году они отошли на задний план. Экспорт в Советский Союз, как и импорт, носил характер отдельных случайных операций. Удельный вес Англии в экспорте Эстонии в 1923—1938 гг. колебался довольно мало и составлял в среднем 34,4%. Удельный же вес Германии в экспорте был менее устойчи-

¹⁶⁴ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 50.

¹⁶⁵ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 55 — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 113.

¹⁶⁶ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 10 и 11.

¹⁶⁷ Там же.

Удельный вес отдельных государств в экспорте Эстонии
(в процентах всей стоимости экспорта)¹⁶⁸

Годы	Англия	Германия	Латвия	Франция	Швеция	Финляндия	США	СССР
1923	34,1	10,8	8,0	1,5	10,0	8,5	1,3	6,7
1924	33,4	22,5	7,5	3,3	5,2	6,6	0,4	5,3
1925	25,0	31,2	6,6	3,6	5,9	3,9	1,0	10,7
1926	28,8	23,1	6,2	5,1	3,3	3,6	1,3	12,9
1927	31,4	29,8	5,2	1,2	4,4	4,8	1,2	6,3
1928	34,8	25,9	5,0	1,3	4,7	6,2	2,4	4,3
1929	38,1	26,6	4,6	2,9	3,3	3,7	2,0	2,4
1930	32,3	30,1	2,6	4,2	4,0	2,7	2,0	4,5
1931	36,6	24,3	2,4	5,1	3,9	2,6	2,5	4,6
1932	36,7	26,2	3,7	4,7	2,8	4,7	3,6	0,4
1933	37,1	21,2	5,7	7,0	2,6	5,1	4,4	1,9
1934	40,5	22,5	5,9	4,2	3,6	3,2	2,9	2,5
1935	37,5	24,4	2,3	2,7	4,8	8,2	2,7	2,9
1936	36,6	22,5	1,2	4,7	5,7	6,8	3,7	3,3
1937	33,9	30,5	1,1	3,2	3,9	5,8	2,8	4,1
1938	34,0	31,4	1,1	2,7	4,3	5,6	4,4	4,2

вым, и его средний уровень за те же 16 лет составил 25,8%. Следовательно, в эти две страны направлялось в среднем 60,2% всего эстонского экспорта.

Как известно, из экспортных товаров Эстонии наибольшее значение имели продукты животноводства. Их вывозилось, например, в 1938 году на 33,7 млн. крон, в том числе сливочного масла на 25,2 млн. крон, бекона на 3,2 млн. крон и яиц на 2,8 млн. крон. В том же году эстонского масла вывозилось в Англию на 15,2 млн. крон и в Германию на 9,8 млн. крон, бекона в Англию на 3,2 млн. крон, яиц в Германию на 1,6 млн. крон и в Англию на 1,1 млн. крон. В общем же экспорте Эстонии в 1938 году вывоз продуктов животноводства составлял 24,2%, а из этих продуктов 59,2% получила Англия и 34,9% Германия¹⁶⁹.

В экспорте сырья и полуфабрикатов на первом месте в 1938 году стояло сырье для производства бумаги — целлюлоза (10,0 млн. крон), 35,5% которой шло в Англию. На втором месте был вывоз лесоматериалов (9,0 млн. крон); из них

¹⁶⁸ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 150—151. — *Väliskaubandus 1925. a.*, стр. 15. — *Eesti majandus 1937. a.*, стр. 88. — *Eesti majandus 1938. a.*, стр. 120.

¹⁶⁹ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 36—37.

46% шло в Англию и 39% в Германию; на третьем месте — продукты химической промышленности (7,2 млн. крон), из которых 62% вывозилось в Германию (главным образом сланцевое масло). В общем же итоге доля Англии в вывозе из Эстонии сырья и полуфабрикатов составила 32% и доля Германии — почти 29%¹⁷⁰.

Общая сумма экспорта Эстонией готовых продуктов достигала в 1938 году лишь 20,1 млн. крон, в том числе в Англию на 3,7 млн. крон, Германию на 3,5 млн. крон, Швецию на 2,3 млн. крон, Финляндию на 1,5 млн. крон, Данию на 1,3 млн. крон, Польшу на 1,3 млн. крон, Советский Союз на 1,1 млн. крон и во все остальные страны на 5,4 млн. крон¹⁷¹. Как видно, экспорт из Эстонии готовых изделий не был сконцентрирован в руках Германии и Англии, а распределялся сравнительно равномерно между большим количеством стран. Следует отметить, что буржуазная статистика к готовым продуктам причисляла некоторые полуфабрикаты, например, пряжу и фанеру. Но в 1938 году из Эстонии в Германию вывозилось пряжи (хлопчатобумажной и льняной) на 1,9 млн. крон¹⁷² и фанеры на 0,9 млн. крон¹⁷³, так что всех остальных готовых продуктов в Германию экспортировалось только на 0,7 млн. крон. В том же году фанеры вывозилось из Эстонии в Англию на 2,2 млн. крон¹⁷⁴, так что всех других готовых товаров туда экспортировалось только на 1,5 млн. крон.

Итак, в результате рассмотрения структуры и направлений внешней торговли буржуазной Эстонии следует, что вся экономика этой страны развивалась в весьма сильной зависимости от великих держав и по своему характеру постепенно приближалась к экономике колониальных стран. Буржуазная Эстония никогда не индустриализировалась по-настоящему, так как производство сырья и полуфабрикатов, становясь определяющим направлением в развитии ее хозяйства, могло развиваться только постольку, поскольку это было в интересах империалистических государств (Англии и Германии).

¹⁷⁰ *Väliskaubandus 1938. a.*, стр. 16—17.

¹⁷¹ Там же

¹⁷² Там же, стр. 70 и 72.

¹⁷³ Там же, стр. 63.

¹⁷⁴ Там же.

6. Эстонский банк и его место в экономике Эстонии

При рассмотрении экономической зависимости буржуазной Эстонии от иностранного капитала нельзя обойти роль Эстонского банка — эмиссионного банка Эстонии, через который буржуазное правительство проводило свою финансовую политику.

Эстонский банк был основан во время гражданской войны, 24 февраля 1919 года, решением Временного правительства буржуазной Эстонии, но начал свою деятельность 3 мая 1919 года¹⁷⁵. По уставу его задачей было упорядочивать денежное обращение и облегчать осуществление платежей в стране и за рубежом. Эстонский банк, по примеру центральных банков западноевропейских стран, должен был с самого начала стать акционерным банком. Предусмотренная продажа акций, однако, не состоялась не столько из-за отсутствия свободных частных капиталов, сколько из-за полного отсутствия доверия; до 1928 года банк оставался чисто государственным учреждением. Право эмиссии банковских билетов Эстонский банк начал использовать только с 1921 года.

В начале периода буржуазной власти в Эстонии временно было в обращении множество различных денег: царские рубли, думские рубли, керенки, немецкие рейхсмарки, оккупационные ост-рубли и ост-марки, а в середине декабря 1918 года к ним прибавилось еще несколько миллионов финских марок, полученных буржуазным правительством займы от Финляндии и пущенных им в обращение. Эстонские марки стали выпускаться в виде казначейских знаков с 1919 года (по решению Временного правительства от 9 декабря 1918 года), и первоначально эстонская марка была официально приравнена к ост-марке. Поскольку ни та, ни другая даже формально не была определена по своему стоимостному

¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 5.

содержанию, то такое приравнивание не имело в дальнейшем никакого практического значения. Курсы всех находящихся в обращении денег весьма сильно изменялись; через несколько месяцев эстонские марки остались единственными денежными знаками в обращении.

Курсы валют были установлены в протоколах правления Эстонского банка впервые 2 мая 1919 года, к этой дате покупные курсы (в эстонских марках) оказались следующими ¹⁷⁶:

Доллары США за 1	10
Английские фунты стерлингов за 1	45
Финские марки за 100	100
Шведские кроны за 100	260
Датские кроны за 100	250
Ост-марки или рейхсмарки за 100	90
Думские рубли за 100	65
Царские рубли за 100	95

Соответственно тому, в каком объеме буржуазное государство эмитировало казначейские знаки на покрытие военных и других расходов, эстонская марка утрачивала свою покупательную способность. Так, уже 17 сентября покупной курс фунта стерлингов был 240 и 29 декабря (того же 1919 года) 385 эст. марок. Угрожающих размеров достигла эмиссия денежных знаков в 1920 году: количество денег в обращении увеличилось в течение одного этого года более чем в 3,5 раза (с 591 млн. до 2 092 млн. марок) ¹⁷⁷. Особенно быстрым был процесс обесценения эстонских денег во второй половине года. Так, покупной курс американского доллара (в эстонских марках) был в июне 1920 года в среднем 154,5, в июле 175, в октябре 271,4 и в декабре 378,3 ¹⁷⁸.

В следующем, 1921 году продолжалась эмиссия денежных знаков, хотя в заметно меньшем объеме — всего за год было выпущено 863 млн. марок, причем в конце года в эмиссии уже участвовал Эстонский банк 350 миллионами марок в банковых билетах ¹⁷⁹. В последовавшие годы эмиссия банковых билетов расширилась. Спрос на кредиты в эти годы, особенно со стороны промышленности, все увеличивался.

Положение, имевшее место в начале 1919 года (т. е. до осно-

¹⁷⁶ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 9.

¹⁷⁷ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 2, стлб. 594.

¹⁷⁸ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 10.

¹⁷⁹ Там же, л. 15.

вания Эстонского банка), охарактеризовано в одном письме Министерства торговли и промышленности следующим образом: «Большинство фабрик закрыто, некоторые работают частично, да и их работа довольно мало производительна, так как нужда в деньгах не дает возможности расширить деятельность¹⁸⁰. В результате длительных переговоров с представителями фабрик Министерство торговли и промышленности пришло к заключению, что указанным ниже фабрикам следует оказать финансовую поддержку со стороны правительства, на условиях, подлежащих согласованию отдельно с каждой фабрикой по усмотрению министерства. Нельзя не отметить, что такие операции финансирования не входят в функции Министерства торговли и промышленности, а должны были бы производиться Государственным банком, и поэтому Министерство торговли и промышленности обязывается передать эти операции Государственному банку, как только тот будет создан»¹⁸¹.

При основании Эстонского банка его основной капитал, 10 млн. марок, был выделен ему правительством — на его счет в Таллинском центральном казначействе. Но уже 12 мая 1919 года, т. е. после одной недели деятельности Эстонского банка, когда он успел перевести со своего счета лишь 1 млн. марок, оказалось, что Центральное казначейство не было в состоянии выплатить ему остальные девять миллионов марок, поскольку подавляющая часть этой суммы была затрачена на другие нужды. Так правительство оказалось одним из первых должников банка; этот долг был оформлен как контокоррентный краткосрочный кредит правительству и скоро возвращен. К концу 1919 года вклады в Эстонском банке на счетах частных и государственных учреждений и предприятий достигли почти 34 млн. марок. По мере расширения деятельности банка его основной капитал был увеличен решениями правительства и в начале 1921 года доведен до 250 млн. марок¹⁸².

Эстонский банк с самого начала своей деятельности главную задачу видел в кредитовании промышленности. Преобладающим видом банковского кредита стал долгосрочный кредит в форме контокоррентной ссуды. Так, до 1927 года конто-

¹⁸⁰ Такая мотивировка должна была маскировать действительные намерения ищущих кредита. Ясно, что каждый делец, используя падение курса эстонской марки, старался по мере возможности нажиться: получение государственного кредита было крайне выгодным, так как к сроку уплаты долг намного уменьшался. — О. С.

¹⁸¹ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 11.

¹⁸² Там же, л. 3.

Структура кредитов в Эстонском банке в 1919—1927 гг.¹⁸³
(по состоянию на 31. XII, млн. марок)

	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Дисконтированные векселя (местные и иностранные)	21	90	288	896	1740	1756	1923	1842	1714
Коррентные ссуды	33	341	1039	1931	2757	3233	3167	3673	3972
Другие кредиты	—	22	56	153	297	180	842	372	30

коррентные ссуды в Эстонском банке постоянно превышали портфель векселей, в среднем почти вдвое, как видно из табл. 12.

Кому же были выданы эти огромные суммы? Эстонский банк в первые годы усердно кредитовал крупные предприятия, унаследованные от царской России и затем захваченные иностранным финансовым капиталом. Многомиллионные ссуды получили «Русско-Балтийская судоверфь», «Двигатель» и другие предприятия, которым в ожидании падения советской власти в России был предоставлен кредит в интересах английского финансового капитала. К концу 1921 года сумма выданных Эстонским банком кредитов достигла 1355 миллионов марок, в том числе 592 миллиона марок кредитов промышленным предприятиям, т. е. 43,7% общей суммы ссуд. Торговые предприятия получили к тому же времени 303 млн. марок и кооперативные организации 121 млн. марок¹⁸⁴. Для других отраслей кредитов осталось немного.

Существует мнение, что после провозглашения нового курса Штрандмана в 1924 году (курса на аграризацию страны) кредитование промышленности стало уменьшаться и началось усиленное кредитование сельского хозяйства. Это мнение ошибочно. Если в 1921 году доля промышленности в общей сумме кредитов Эстонского банка составляла почти 44%, то в 1927 году она уже достигла 46%¹⁸⁵. Доля промышленности, следовательно, возросла. Общая сумма кредитов начиная с 1925 года возрастала медленно, так как многие из выданных ранее ссуд остались неуплаченными. Кредиты были заморожены.

В буржуазной прессе того времени можно найти много пререканий о замороженных кредитах. Эстонские экономисты

¹⁸³ *Eesti Entsüklopeedia*, т. 2 стлб. 785—786; ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 15.

¹⁸⁴ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 17.

¹⁸⁵ Там же.

считали чрезмерное кредитование промышленности ошибкой. На самом деле это кредитование нередко имело характер безвозвратной ссуды или дотации. Когда несведущие работники госконтроля в 1923 году подняли вопрос о беспечном кредитовании промышленности, правление Эстонского банка ответило: «В помощь бездействующим предприятиям правительство республики давало ссуды уже в первые дни существования республики, еще до начала деятельности Эстонского банка. Эстонский банк перенял эти ссуды и донныне продолжал выдачу ссуд в убеждении, что государственная задача Эстонского банка — оживить со своей стороны промышленность, которая, к счастью для Эстонии, была сравнительно мало затронута войной. Что выданные промышленности кредиты не могли быть уплачены через 6 месяцев, это было банку ясно при выдаче ссуды»¹⁸⁶.

Нужно добавить, что при выдаче ссуд было известно также и то, что их уплата не последует через 6 месяцев и что они во многих случаях вообще не будут уплачены, так как ссуды выдавались без достаточного обеспечения. В секретном письме Эстонского банка от 26 октября 1926 года в ответ правительству на запрос о махинациях с заводами «Двигатель» и «Русско-Балтийская судоверфь» было дано следующее пояснение: «Правление банка отмечает, что оно само с 1922 года считало недостаточным закладывать оборудования фабрик и мастерских, что допускалось для обеспечения ссуд в первые годы деятельности банка, и оно уже начало переустраивать обеспечение ссуд соответственно этому, без ожидания предложений или распоряжений от совета банка или правительства республики. Но переустраивать обеспечения уже выданных ссуд, особенно получать облигации, гораздо труднее, чем требовать их сразу при выдаче ссуды, как это стало правлению банка более чем ясным в результате ряда случаев»¹⁸⁷.

Итак, в начале двадцатых годов значительная часть выданных Эстонским банком ссуд была израсходована почти безрезультатно или совсем непроизводительно. Кредиты замораживались, а выпуск новых бумажных денег привел бы к катастрофическому обесценению эстонской марки. Теперь все взоры были обращены на Запад. Хотя во время гражданской войны империалистические страны (Англия и США) охотно посылали буржуазной Эстонии в кредит шинели и продовольствие по высокой цене, ее дальнейшее кредитование

¹⁸⁶ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 126, л. 5.

¹⁸⁷ Там же, д. 653, л. 8.

считалось теперь излишним риском. Монополистический капитал предпочитает получать прибыли без особого риска.

Поиски внешнего займа начались уже в 1923 году, так как золотые запасы были на исходе. В октябре 1923 года Эстонский банк поручил некому П. М. Побережскому неофициально позондировать в Лондоне почву для получения займа. В марте 1924 года Побережский сообщил, что им подготовлен заем на 4 года в сумме 1 миллиона фунтов стерлингов. Однако условия займа оказались неприемлемыми для Эстонского банка. Тогда Побережский был направлен в Америку. На его сообщение, что заем подготовлен, президент Эстонского банка Э. Ауле выехал в Лондон, куда приехали и американские директора, но заключение договора о займе не состоялось. Хотя нет прямых данных о дальнейших действиях Побережского в поисках внешнего займа Эстонскому банку, однако сохранилось письмо Побережского от 10 июня 1926 года, в котором он утверждает, что в течение полутора лет им, помимо личного труда, затрачено на эти дела 15 тысяч долларов, и он ходатайствует о возмещении расходов. Совет Эстонского банка решил выплатить Побережскому только 500 фунтов стерлингов¹⁸⁸.

Поисками займа занимался не только один Побережский. Сохранилось также письмо Эстонского банка (написанное на русском языке) некому Леону Греффу в Лондон от 23 февраля 1925 года, в котором говорится: «Эстонский банк поручает Вам и просит Вас продолжать переговоры с группой американских банкиров о предоставлении Ээсти Панк займа в размере 3 000 000 долларов... За понесенные Вами труды и расходы по заключению этого займа и на удовлетворение всей группы лиц, помогавших Вам в этом деле, Вы имеете получить по подписании договора комиссию...»¹⁸⁹.

Из этого письма следует, что, во-первых, попытками заключения займа занималось не одно лицо, а целая группа лиц. Во-вторых, подчеркивается, что по заключении договора о займе эти дельцы вправе получить комиссионные. Это, конечно, не означает, что господин Грефф и его помощники работали до этого безвозмездно. Нет, комиссионные являлись наградой сверх основной платы.

В 1926 году Клаус Шеель, директор акционерного банка «Г. Шеель и Ко», посетил Лондон с полномочиями Эстонского банка и правительства Эстонии, чтобы позондировать почву

¹⁸⁸ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 49, л. 84—85.

¹⁸⁹ Там же, л. 93.

для внешнего займа Эстонскому банку под гарантию государства. Но и эта миссия не привела к непосредственным результатам.

Приведенные факты показывают, какой ничтожный вес имела буржуазная Эстония в Сити Лондона и на Уолл-стрите Нью-Йорка. Эстонское правительство не имело достаточного престижа для того, чтобы непосредственно вести переговоры об условиях получения займа. В Сити больше верили банкиру Клаусу Шеелю и разным сомнительным лицам.

Но желание буржуазных правителей наконец сбылось. В 1927 г. от имени Лиги Наций из Англии и Америки был получен заем. В секретном предложении финансового комитета Лиги Наций от 8 октября 1926 года предусматривались детальные пути использования предоставляемого долгосрочного кредита¹⁹⁰. Финансовый комитет Лиги Наций предлагал основать эмиссионный банк, который был бы независимым от государства. Государственные резервы драгоценных металлов должны были быть переданы в банк. Право на эмиссию бумажных денег имел бы только банк. Эстонский банк должен был освободиться от неликвидных ссуд. Предлагалось основать особый ипотечный банк (на ресурсы государства), куда переводились бы эти долгосрочные или неликвидные ссуды. Эстонский банк должен был стать акционерным банком и иметь основной капитал 5 млн. крон. Чтобы Эстонский банк мог получить эти 5 млн. крон и освободиться от долгосрочных неликвидных кредитов, Эстонское государство должно было передать банку деньги, полученные от Лиги Наций. Таким образом, полученные государством от реализации внешнего займа деньги должны были безвозмездно перейти в распоряжение частного банка, частных дельцов. Выплата процентов (7% годовых) и погашение займа должны были произойти за счет бюджетных доходов государства.

Чтобы гарантировать заем, эстонское буржуазное государство заложило все доходы от акцизов. Эти доходы бюджета являлись самыми большими и регулярными. Например, в 1925 году они составили 488 млн. марок и на 1926/1927 бюджетный год были предусмотрены в сумме 500 млн. марок, в том числе 400 млн. марок от акциза на пиво, спички и др.¹⁹¹. После заключения внешнего займа, т. е. с 1927/1928 бюджетного года акцизными доходами распоряжалось уже не эстонское буржуазное государство, а уполномоченный от Лиги Наций сэр

¹⁹⁰ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 131, л. 155—1606.

¹⁹¹ Там же, л. 160а.

Уолтер Уильямсон. Эти доходы вносились не в государственную кассу, как другие доходы, а прямо на специальный счет в Эстонском банке. Этим счетом мог распоряжаться только сэр Уильямсон, а не эстонское государство. С этого счета деньги переводились непосредственно в Нью-Йорк и Лондон, причем переводы делались за полгода вперед, что реально гарантировало выплату очередного взноса. По условиям займа доходы от акцизов должны были быть в квартале не ниже 150% соответствующей суммы платежа. Например, в 1930/31 бюджетном году вся сумма платежей за внешний заем была 5,3 млн. крон, а весь государственный доход от акцизов и пошлин составил 17,1 млн. крон. Платежи были как будто достаточно гарантированы. Но в квартале пришлось платить 1,33 млн. крон, и акцизы должны были составлять в каждом квартале не менее 150% квартальной платы, следовательно, квартальный доход от акцизов не мог быть ниже 2 млн. крон. Однако квартальные доходы от акцизов не были равны и поэтому могло случиться, что эта гарантия являлась все же недостаточной, и залого подлежали еще другие доходы.

Отсюда ясно видно, в какое кабальное положение попала буржуазная Эстония. Весь этот заем составлял около 1,5 млн. ф. ст. или 27,5 млн. крон. Ежегодно только по одному этому займу надо было уплачивать 2,2 млн. крон, а вместе с платежами по другим внешним займам всего 4—5 млн. крон. Но залог примерно в 4 раза превышал сумму платежей по государственным внешним долгам. Доходы от акцизов и пошлин составляли примерно одну треть всех бюджетных доходов. Давая взаймы 27,5 млн. крон, английские и американские капиталисты таким образом захватили главную часть бюджета в свое распоряжение и получили право вмешиваться во все экономические и политические вопросы государства.

В США было реализовано облигаций займа на 4 млн. долларов и в Англии на 700 тыс. фунтов стерлингов, причем в США по курсу 89,25 и в Англии по курсу 89,5. Таким образом, общая сумма нетто получалась 1 360 062 фунта стерлингов. Заем был выпущен сроком на 40 лет под 7 процентов с номинальной суммы¹⁹². Следовательно, за действительно полученные 1,36 млн. фунтов стерлингов приходилось уплачивать 8,4% годовых. Это был такой высокий размер процента, который существовал только на займы колониальным странам. Финансовый капитал империалистических стран, таким обра-

¹⁹² ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 131, л. 8.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

зом, ставил буржуазную Эстонию в один ряд с колониальными странами.

Но и эти 1,36 млн. ф. ст. займа (или 24,6 млн. эстонских крон) буржуазная Эстония полностью не получила. При заключении займа посредники захватили себе немалые суммы. Так, на проездные было истрачено 27 208 крон, в том числе министру финансов выплатили 7 600 крон, генералу Лайдонеру 5 795 крон, сэру Уильямсону 11 610 крон и Н. Кёстнеру 1 458 крон. Лондонскому послу буржуазной Эстонии Мёллерсону было выплачено 377 крон, эксперту Лиги Наций А. Янссену 359 крон, А. Пийпу — 913 крон, за информацию — 3 685 крон, адвокатам в Лондоне — 19 141 крона, за извещения и объявления — 744 кроны и т. д., всего — 51 978 крон. За выработку законопроектов Н. Кёстнер получил 4 520 крон, гонорар доверенному Лиги Наций составил 956 крон и вклад сэру Уильямсону 8 520 крон, на телеграммы, переводы и т. п. было израсходовано 2 159 крон, что вместе составило 16 155 крон. На печатание облигаций займа и за посредничество иностранных банков осталось выплатить 110 тыс. крон¹⁹³. Общие расходы достигали, следовательно, 205 тыс. крон. Каждый участвующий был щедро вознагражден по мере значимости своей роли.

Из этого внешнего займа 1 миллион фунтов стерлингов получил Эстонский банк, а 150 тыс. ф. ст. ипотечный банк, учрежденный под названием «Банка долгосрочного кредита». Задачей последнего было финансировать долгосрочными ссудами промышленность и сельское хозяйство. Эстонский банк вложил золото, полученное посредством займа, в Английский банк на хранение для обеспечения эстонской кроны. Позднее часть этого золота была вложена в английские кассовые ноты.

По уставу Эстонского банка как акционерного общества его основной капитал состоял из 100 000 акций по 50 крон. Параграф 15-й устава гласил: «Каждый акционер, который был зарегистрирован в течение шести месяцев в журнале банка и является владельцем по меньшей мере 10 акций, имеет право принять участие в главном собрании акционеров с правом слова и голоса, причем каждая акция дает право на один голос, но с таким ограничением, что ни один акционер не имеет свыше 1000 голосов»¹⁹⁴.

¹⁹³ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 131, л. 14.

¹⁹⁴ *Riigi Teataja*, 1927, № 48, статья 44.

Эстонское буржуазное правительство было главным акционером Эстонского банка. Частные промышленники, банкиры и торговцы не были заинтересованы в покупке акций Эстонского банка на крупные суммы. Более двух третей всех акций осталось в руках государства. Но по уставу банка государство имело всего лишь 1000 голосов. Другие же акционеры — частные предприниматели, которые приобрели 1000 акций, имели также 1000 голосов. Таким образом, государственными деньгами распоряжалась в основном кучка дельцов. Государство же само не могло ни руководить, ни управлять банком.

По данным газеты «Ваба Маа»¹⁹⁵ из 100 000 акций Эстонского банка государство имело 69 050 акций (1000 голосов), а другие 1117 акционеров имели всего 30 950 акций и примерно 25 000 голосов. Государство, владея почти 70 процентами акционерного капитала, имело всего 1% теоретически возможного числа голосов (или около 4% фактического их числа). Кто же были эти другие акционеры Эстонского банка? По данным той же газеты.

20 акционерных банков	имели	5510 акций,
76 промышленников и промышленных предприятий	—	4701 акцию
216 купцов и торговых предприятий	—	4645 акций
78 кооперативных обществ	—	4175 „
101 кооперативный банк	—	3262 акции
332 должностных лица и служащих	—	4115 акций
68 местных самоуправлений	—	1356 „
55 сельских хозяев	—	663 акции
176 других различных акционеров	—	2578 акций

Таким образом, банкиры, промышленники и торговцы имели 14 856 акций из 31 тыс. и тем самым почти половину фактического числа голосов. Остальные акционеры были слишком рассеяны и инертны, чтобы оказать какое-нибудь влияние на дела банка. Как уже сказано, покупка акций Эстонского банка происходила довольно вяло. Под нажимом правых социалистов местные самоуправления приобрели, например, в среднем по 20 акций каждое, кооперативные банки — 32,3 акции каждый и т. д. Но ни самоуправления, ни кооперативные

¹⁹⁵ *Vaba Maa*, 4. декабря 1929 г.

ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

банки никакого веса и значения не имели, услугами банка они почти не пользовались, за операциями банка следить не могли и не умели.

Кто же были коммерсанты, промышленники и банкиры, имевшие акции Эстонского банка? По сохранившимся данным на 4 марта 1940 года¹⁹⁶:

Фирма «Я. Пухк и сыновья» имела	720	акций (720	голосов)
Члены семьи Пухк	253	акции	253 голоса
М. Лютер	250	акций	250 голосов
Балтийская хлопчатобумажная фабрика	300	„	300 „
Общество Синдических текстильных фабрик	300	„	300 „
Страховое общество «Поларис»	225	„	225 „
Торговый банк	1000	„	1000 „
Центральный банк сельских хозяев	1107	„	1000 „
Таллинский городской банк	277	„	277 „
Эстонский народный банк	840	„	840 „
«Центральный Союз потребительских обществ» (ЭТК)	1010	„	1000 „

Хотя среди акционеров отсутствует такой банк, как банк Шееля, зато подчиненный Шеелю Торговый банк и некоторые другие банки имели вместе почти 20% фактического числа голосов. Эти 20% голосов принадлежали сравнительно малому числу банков, поэтому они могли проводить свои предложения значительно легче, чем другие акционеры.

Эстонский банк с самого начала своего существования был каналом, через который государственные деньги текли в карманы крупных дельцов, спекулянтов, банкиров, промышленников и торговцев.

Одной из характерных черт политики Эстонского банка в первые годы его деятельности было предоставление ресурсов буржуазной Эстонии в распоряжение иностранного финансового капитала. Типичным примером этой политики было кредитование крупных предприятий («Двигатель», «Русско-Балтийская судоверфь» и др.), находившихся в руках иностранного капитала. Конечно, правители буржуазной Эстонии заботились также о себе. Стремительное снижение курса эстонской марки в 1919—1924 гг., в результате чего Эстонскому банку возвращалось значительно меньше ценностей, чем было

¹⁹⁶ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 160, л. 60.

получено в виде кредитов, содействовало быстрому обогащению эстонской буржуазии. Кроме того, огромные суммы (примерно 3 миллиарда марок) не были уплачены в срок, а значительная часть их вообще осталась неуплаченной.

Факт замораживания кредитов указывает на глубокий процесс экспроприации налогоплательщиков и концентрации капитала, дифференциации самой буржуазии, вырастания из ее недр магнатов промышленности и торговли. В 1920 году число мелких предприятий (1885) начинает уменьшаться и в 1925 году доходит до 1100. Число предприятий средней промышленности выросло с 803 в 1920 году до 918 в 1925 году, а затем в 1929 году уменьшилось до 431. Число же крупных предприятий выросло со 122 в 1920 году до 252 в 1925 году и продолжало возрастать в последующие годы, достигнув в 1929 году 279¹⁹⁷. Изменение числа предприятий в этих трех категориях ясно показывает, кого Эстонский банк опекал, а кого разорял. В первые годы существования буржуазной Эстонии мелкие предприниматели разорялись вследствие происходившей сильной концентрации промышленности. Средней промышленности еще доставались крохи, и она незначительно росла до 1924 года. Но после того как ресурсы иссякли, кредит закрылся в первую очередь для предприятий средней промышленности. Из 300 тыс. фунтов стерлингов займа Лиги Наций, разделенных между дельцами «Банком долгосрочного кредита», средняя промышленность уже ничего не получила и разорялась. В 1929—1933 годы число предприятий средней промышленности еще более уменьшилось: с 431 в 1929 году до 412 в 1933 году. Крупная же промышленность продолжала процветать. Число предприятий крупной промышленности, выросшее с 1920 по 1925 год более чем в два раза, продолжало расти и в 1926—1929 гг.¹⁹⁸ Это в значительной степени обуславливалось тем, что почти все кредиты доставались только крупной промышленности. Таким образом, Эстонский банк служил интересам обогащения верхушки эстонской буржуазии, а вместе с тем и интересам иностранного финансового капитала.

Для обеспечения своевременной уплаты регулярных взносов по внешнему займу была учреждена должность доверенного лица (со стороны Англии) под вывеской наблюдателя Лиги Наций. На эту должность был назначен Альберт Янс-

¹⁹⁷ *Eesti arvudes 1920—1935*, стр. 110.

¹⁹⁸ Там же.

сен. Но так как он, по-видимому, был занят другими делами, в Эстонию был послан с неограниченными полномочиями его заместитель сэр Уильямсон. Он участвовал в качестве советника Эстонского банка на всех собраниях правления и совета банка. Без ведома Уильямсона нельзя было принять ни одного решения. Уильямсон единолично управлял специальным счетом, куда поступали все доходы из акциза и другие налоги. Он был настоящим диктатором в банке. Иллюстрацией к сказанному может служить следующая выписка из письма, посланного правлением Эстонского банка советнику Уильямсону: «Для установления сотрудничества с Вами в решении вопросов, предусмотренных уставом Эстонского банка, мы предлагаем принять за основу нижеследующие правила:

1) Если вопрос, подлежащий решению, является более или менее ясным и можно предполагать, что разногласий с советником банка в этом вопросе не будет, правление банка само решает вопрос и посылает решение на рассмотрение советнику банка. Советник банка сообщает свое мнение по решенному вопросу. Правление банка приступает к выполнению решения только после того, как советник банка высказал свое мнение. Если советник банка согласен с решением правления банка, то соответствующий отдел банка сразу приступает к выполнению решения; если же советник банка остается при особом мнении, то вопрос вновь обсуждается в правлении банка и если правление банка остается при своей точке зрения, вопрос решается в предусмотренном в уставе банка порядке.

2) Если подлежащий решению вопрос не является достаточно ясным, правление банка посылает проект решения, подписанный делопроизводителем и директором, до принятия решения советнику банка на рассмотрение. После того как советник банка сообщил свое мнение, правление банка решает вопрос»¹⁹⁹.

Советник банка, следовательно, пользовался буквально диктаторской властью. Правление банка обязано было не только знать его мнение, но и посылать ему на рассмотрение проекты решения, причем не только предварительные проекты, а готовые документы, уже подписанные директором и делопроизводителем. И правление банка должно было почти выжидать, пока советник соизволил высказать свое мнение. Без участия советника правление банка не могло решить ни одного дела.

¹⁹⁹ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 199, л. 1.

В какой степени Эстонский банк был подчинен Уильямсону, показывает следующий факт. Совет банка 14 июня 1928 года принял решение перевести часть золота в валюту других стран, так как процент покрытия банкнот Эстонского банка золотом был достаточно высок (57%) и правление банка намеревалось перевести от 100 000 до 200 000 фунтов стерлингов в другие активы и вложить в финляндский Народный паевой банк (Kansallis Osake-Pankki) и в шведский «Nordiska Föreningsbanken» по 50 000 ф. ст. в каждый и в Берлинский банк «Дисконтотезельшафт» 50 000 ф. ст., чтобы получить проценты с вкладов.

Советник Уильямсон опротестовал такое решение. На следующем очередном собрании, 28 июня, совет банка постановил: «Выполнение принятого решения приостановить»²⁰⁰.

В одном письме президент Эстонского банка запросил Уильямсона: «Не были бы Вы согласны помочь нам ценным советом, какие страны можно было бы считать стоящими на полном золотом стандарте». При этом президент перечисляет страны, в каких Эстонский банк имеет счета и где было бы желательно держать денежные резервы. На это Уильямсон ответил: «Представляется, например, совершенно бесполезным содержание резервов в Канаде, поскольку имеется в распоряжении Нью-Йорк. То же самое можно сказать об определенных европейских странах. В двух странах — в Швеции и Швейцарии — банковский процент ниже, чем в Англии, тогда как относительно Дании, Латвии и Норвегии, где процент выше, я не предполагаю, что банку было бы желательно держать там какие-либо крупные суммы»²⁰¹.

Таким образом, считалось нежелательным, чтобы Эстонский банк и эстонское правительство держали свои деньги в других странах, кроме Англии и США, хотя Эстонии ввиду тесных экономических связей с другими странами и необходимо было иметь там счета. Все денежные операции должны были проходить через Лондон. Английский финансовый капитал захватил себе, таким образом, роль посредника между Эстонией и другими странами. Без содействия Англии буржуазная Эстония не могла ни устанавливать, ни расширять своих связей с другими странами.

Запрет держать необходимые для расчетов деньги в банках других стран, кроме Англии, серьезно ограничивал воз-

²⁰⁰ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 197, л. 42—43.

²⁰¹ Там же, д. 227, л. 6—8.

возможности развития экономических отношений с другими странами. К тому же этим было искусственно сужено и валютное обеспечение эстонских денег. Поэтому президент Эстонского банка был вынужден обратиться к Уильямсону с просьбой считать золотым обеспечением выпущенных банком Эстонии банкнот (кроме золота Эстонского банка, депонированного в Английском банке) и валюту, находящуюся в других иностранных банках, с которыми заключено соглашение о том, что суммы в фунтах или долларах будут переведены в Лондон или Нью-Йорк в любой момент, по первому требованию. На это Уильямсон ответил лаконически: «... Существование такого соглашения не соответствовало бы требованию статьи 59 (б), которая устанавливает, что включенная в обеспечивающий резерв иностранная валюта должна быть обменена на экспортируемое золото в центре, где она находится на хранении»²⁰².

Раньше Эстонский банк считал обеспечением денег всю иностранную валюту и все драгоценные металлы. Теперь, по решению правления банка от 14 июня 1928 года, согласованному с советником Уильямсоном, отпали из обеспечения все валюты других стран, кроме Англии и США, а также суммы, вложенные в другие страны в валюте золотого стандарта, например, вложенные в Германию, Швецию, Норвегию, Данию и Финляндию вклады в фунтах стерлингов, как и уплачиваемые в странах не золотого стандарта дивизы, даже если они были выписаны в золотой валюте, например, долларовые векселя в Литве и на Балканах²⁰³. Такое решение, принятое по указке Уильямсона, препятствовало развитию экономических отношений буржуазной Эстонии с другими странами, кроме Англии и США.

Эстонский банк держал более двух третей золота, полученного путем внешнего займа, в Английском банке и других банках в Лондоне, особенно в «Мидлэнд бэнк», участвовавшем в реализации займа. Но и это не устраивало Английский банк. Уильямсон в письме президенту Эстонского банка от 20 августа 1928 года сообщил, что один из директоров Английского банка, господин Сипман, недоволен действиями Эстонского банка, так как последний не выполняет соглашения между Английским и Эстонским банками и держит в Английском банке только 25.811 фунтов стерлингов, что лишь на 811 фунтов превышает установленный минимум, в то время как

²⁰² ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 227, л. 9.

²⁰³ Там же, д. 197, л. 19.

в других английских банках он держит 899 000 ф. ст.²⁰⁴. «Диспропорция между вышеприведенными двумя цифрами весьма велика, и я был бы рад, если бы Вы рассмотрели вопрос о переводе в Английский банк... большей части сумм, находящихся на постоянных депозитах в других банках, по истечении их срока»²⁰⁵.

Президент Эстонского банка пытался возражать, так как перевод всех сумм в Английский банк означал бы потерю процентов, поскольку Английский банк за депозиты процентов не платил. Президент Эстонского банка также указал на то, что из упомянутых сумм 472 700 фунтов стерлингов принадлежат Эстонскому долгосрочному банку и Государственной кассе и, следовательно, не считаются обеспечением банкнот. Уильямсон на это ответил, что если даже исключить 472 700 ф. ст., то остается еще 426.300 ф. ст., к которым необходимо прибавить 110 750 ф. ст., находящихся на текущих счетах в других банках, следовательно, речь идет о переводе 537 050 фунтов стерлингов²⁰⁶.

На собрании директоров Эстонского банка при участии советника Уильямсона 7 ноября 1928 года было принято решение перевести два депозита, по 100 000 фунтов стерлингов каждый, по истечении их срока из других английских банков в Английский банк.

Но все же вопрос не был исчерпан. Финансовые дела Англии ухудшились, и золото из Английского банка продолжало выбывать. Банки всех стран пытались увеличить резервы, учитывая неустойчивое положение денежного рынка. В связи с этим советник Уильямсон в своем письме президенту Эстонского банка от 3 июля 1928 года сообщил, что если Эстонский банк хочет зарабатывать на золоте, находящемся в Английском банке, то целесообразно было бы продать часть его за английские кассовые ноты, так как для обеспечения эстонской кроны достаточно, если текущие обязательства покрыты золотом²⁰⁷. Учтя эту рекомендацию, совет Эстонского банка 12 октября 1928 г. решил: «Из депонированного в Английском банке золота Эстонского банка продать примерно 200 000 ф. ст. и полученные от реализации деньги вложить в трехмесячные векселя государственной кассы»²⁰⁸.

²⁰⁴ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 229, л. 2—3

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же, л. 5.

²⁰⁷ Там же, д. 227, л. 20—21.

²⁰⁸ Там же, л. 24.

Эта сделка несколько укрепила золотые запасы Английского банка, в связи с чем комиссар Эстонского банка в своем докладе отметил: «Эта продажа привлекла некоторое внимание английской специальной прессы, так как она произошла как раз в то время, когда центральные банки европейского материка в виде «неизвестных покупателей наперерыв покупали золото в Лондоне и раздосадовали английских финансистов, которые с растущей тревогой неделя за неделей следили за убылью золотого запаса Английского банка. Конечно, этот шаг Эстонского банка был комментирован с симпатией, в некотором смысле как пример другим»²⁰⁹. Комментарии для объяснения столь «симпатичного» поступка «свободной» Эстонии совершенно излишни.

Уильямсон вмешивался не только во все финансовые дела буржуазной Эстонии; его волновали вообще все экономические вопросы, интересовавшие английский финансовый капитал. С английским капиталом был тесно связан кооперативный сельскохозяйственный центральный союз «Эстония», который вывозил в Англию масло и бекон и был главным хозяином крупных скотобоен. Центральным союзом «Эстония» руководила партия «Союз земледельцев», которая защищала интересы монополистического капитала в промышленности и кулачества в сельском хозяйстве и более усердно учитывала интересы английского финансового капитала, чем другие группы и партии. Но с центральным союзом «Эстония» конкурировали другие кооперативные предприятия, которые не зависели от английского капитала. Так, в 1928 году партия новоземельцев и другие группировки основали свои кооперативные предприятия по производству бекона. Завязалась острая конкурентная борьба. Уильямсон вмешался в эту борьбу, защищая «Эстонию», а вместе с тем интересы английского капитала. В пространном меморандуме Уильямсон описывает положение на беконном рынке и дает свои «советы». Он отмечает, что до 1927 года в Эстонии работали два кооперативных и один частный завод по производству бекона с общей мощностью 230 000 свиней в год. В действительности же они пропускали, например, в 1926 году — 29 163 и в 1927 году 54 284 свиньи, причем производственные затраты в 1927 году составили в среднем 17,5 кроны на свинью. Эти расходы по сравнению с соответствующими расходами в Дании (4—5 крон на свинью) чрезвычайно высоки; кооперативные заводы по производству бекона поэтому решили купить частный

²⁰⁹ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 197, л. 16.

завод, чтобы покончить с конкуренцией при закупке свиней. Таким образом, частный завод по производству бекона в апреле 1928 года был закрыт. Этот факт был использован некоторыми политиками с целью пропаганды — был поднят шум, что группа жадных политиков из партии союза земледельцев купила и закрыла частный завод по производству бекона, чтобы установить монополию на эстонском мясном рынке с целью получения незаслуженной прибыли. И советник Уильямсон продолжает: «С помощью некоторых кооперативных банков были быстро построены два новых завода по производству бекона, причем не были приняты во внимание ни скудный урожай, ни другие затруднения. Общая пропускная мощность новых заводов следующая: Тапа — 35 000 свиней, Выхма — 25 000 свиней, всего 60 000 свиней в год. В итоге — общая мощность существующих заводов 240 000 свиней в год... Так как все заводы работают теперь на 12—14% своей мощности, то вследствие нехватки свиней происходит ожесточенная конкуренция за каждую свинью между этими заводами... Ввиду того, что все заводы имеют недостаток основного капитала и местные банки отказываются финансировать такую нездоровую конкуренцию, имеются сведения, что некоторые из этих заводов ищут кредитов за границей.

Использовать иностранный кредит для уничтожения друг друга было бы весьма опасным и нездоровым шагом, тем более, что, как известно, английский капитал уже в значительной степени инвестирован во всех кооперативных предприятиях Эстонии. Поэтому все иностранные круги должны быть предостережены от дальнейшей финансовой помощи таким заводам без полного изучения общего положения беконной промышленности в Эстонии»²¹⁰.

Из этого меморандума Уильямсона видно, во-первых, что он точно и глубоко, до деталей был знаком с эстонской экономикой. Эстонское правительство не могло иметь от него никаких секретов. По его требованию представлялись все расчеты, сколько, например, стоит переработка свиней на беконном заводе. Во-вторых, Уильямсон смело вторгался в интриги политических партий, поощряя одних и порицая других. При этом его симпатии были на стороне монополистов и реакционеров. Он прямо называл своих противников политиками. Уильямсон вмешивался в экономические и политические вопросы страны в угоду английскому финансо-

²¹⁰ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 222, л. 14—16.

вому капиталу. В-третьих, из его меморандума явствует, что английский финансовый капитал проник и в кооперативные объединения Эстонии, играя там немалую роль.

Уильямсон в своем меморандуме не только напоминает эстонским кооператорам о бесполезности вести самостоятельную политику, поскольку английский капитал уже вложен в эстонскую кооперацию, но даже переходит к угрозам. Как подлинный финансовый диктатор Эстонии, он угрожает закрыть все пути к иностранным кредитам. Наверное, эта угроза и была одной из причин, почему эстонские политические партии так скоро заключили соглашение о закрытии завода по производству бекона в Тапа.

Кооперативные объединения действительно были в значительной степени подчинены английскому капиталу. Например, кооперативное объединение «Эстония», которое занималось экспортом сливочного масла, на самом деле продавало это масло уже в Таллине агентам на кораблях, и фактически эстонское масло экспортировалось этими агентами. Газета партии трудовиков «Ваба Маа» писала: «Если по существу проследить деятельность наших официальных «экспортеров масла», то мы увидим, что в действительности большинство из них — включая и самых крупных — совсем не экспортирует масла (или же они делают это только частично), а лишь сосредоточивает его на отечественном рынке. Продажа происходит в большинстве случаев в Таллине на корабле агентам иностранных фирм. Зачастую одна и та же иностранная фирма покупает масло одновременно от нескольких наших «экспортеров». Деятельность последних ограничивается сосредоточиванием масла, поездками агентов, задабриванием правлений молочных кооперативов и заведующих маслостойнями и транспортом масла в Таллин, что обходится около 5—6%, или 15 центов на килограмм, на какую-то сумму крестьянин, конечно, получит меньше»²¹¹.

После реформы Эстонского банка жесткие правила запрещали ему дисконтировать векселя сроком свыше 3 месяцев, за исключением векселей на лесные операции. Это очень затрудняло операции Эстонского банка и ущемляло интересы промышленников. Президент Эстонского банка Яаксон обратился в финансовый комитет Лиги Наций с ходатайством о разрешении Эстонскому банку дисконтировать векселя сроком до 6 месяцев. Однако финансовый комитет отказал. Отдель-

²¹¹ *Vaba Maa*, 9 января 1929 г.

ными же членами комитета этот отказ был трактован так, будто он не означал запрета продления векселей. Уильямсон не считал такое толкование правильным и 8 сентября 1928 года обратился к своему шефу Янссену, запрашивая о его мнении в этом деле. Уильямсон следующим образом изложил вопрос: «До сего времени Эстонский банк, считая, что отсрочки не должны быть обычным явлением, допускал продление только в сравнительно очень немногих случаях, но Вы, наверное, помните, что господин Яксон в обоснование своего предложения привел текстильную и кожевенную промышленность, которым нужны четырех- и пятимесячные векселя. Ведь не может быть такого намерения, чтобы банк принимал подобного рода векселя, которые выписаны только на три месяца, частным образом зная, что уплаты в срок ожидать нельзя и, наверное, векселя будут продлены еще на три месяца. Такой образ действия явно противоречил бы духу устава, и я убежден, что Вы будете согласны с моим мнением, что продление векселей любого рода должно быть и впредь одобрено лишь в исключительных случаях, другими словами, что когда банк принимает вексель, он при этом твердо знает, что вексель будет уплачен в срок, если не возникнет особого обстоятельства, предположительно неповторного характера. Во избежание всяких недоразумений в этом вопросе, я был бы благодарен за Ваше письмо, подтверждающее приведенное выше мнение»²¹². Конечно, подтвердилось мнение Уильямсона и Эстонскому банку было безоговорочно запрещено дисконтировать векселя сроком свыше трех месяцев.

Приведенные факты говорят о том, насколько буржуазная Эстония была подчинена иностранному финансовому капиталу, в интересах которого использовались ее ресурсы, и как иностранные финансовые магнаты и спекулянты третировали правителей буржуазной Эстонии. Выясняется также, что англо-американский финансовый капитал старался вытеснить с эстонского рынка капиталы других стран, разными способами затрудняя проведение ими торговых и финансовых сделок. Уильямсон с полномочиями комиссара на посту советника Эстонского банка (с мая 1927 года по октябрь 1930 г.) охранял английские интересы. Руководящая роль Эстонского банка была использована в этих целях. Кредиты, особенно заем Лиги Наций, укрепили не только зависимость экономики буржуазной Эстонии от Англии, но были использованы Англией как орудие борьбы против других империалистических стран.

²¹² ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 131, л. 129.

7. Рост политической зависимости

Экономическая зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран укреплялась и усиливалась сетями политической и дипломатической зависимости. Характеризуя эпоху империализма, Ленин писал: «... необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»²¹³.

При монополистическом капитализме дипломатическая зависимость слабых стран от великих держав сильно увеличивается. Государственный аппарат, находящийся в руках финансового капитала, существенно вмешивается в экономическую жизнь, обслуживая интересы монополий, и проводит выгодную им международную политику, влияя на государственный аппарат более слабых стран и заставляя их проводить угодную монополиям политику. История буржуазной Эстонии богата примерами, когда эстонская государственная власть в ущерб собственному народному хозяйству проводила политику, выгодную лишь иностранному капиталу. Ниже будут рассмотрены некоторые проявления дипломатической и политической зависимости, оказавшие влияние на экономику буржуазной Эстонии.

Ленин указывал, что империализм означает замену вывоза товаров вывозом капитала. «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала»²¹⁴. Такое

²¹³ В. И. Ленин. Соч., изд. IV, том 22, стр. 250.

²¹⁴ Там же, стр. 228.

типичное явление играло известную роль и в экономике буржуазной Эстонии, в промышленность которой, особенно в сланцевую, вывозили свои капиталы Англия, Швеция, Германия и некоторые другие страны. Также значительным был вывоз капитала в Эстонию путем займов. Но в некоторых условиях степень зависимости подчиненной страны определяется не только количеством ввозимого капитала; в известных случаях ввоз капитала уменьшается или даже прекращается, а зависимость увеличивается. Такое явление имело место и в экономике буржуазной Эстонии; в некоторых конкретных условиях с целью эксплуатации местных природных ресурсов был применен не ввоз иностранного капитала, а мобилизация местных государственного и частного капиталов путем политического нажима и дипломатического воздействия для добычи сырья и производства полуфабрикатов империалистическим странам.

Как известно, благодаря американским кредитам и поддержке Англии и Франции, Германия преодолела все препятствия на пути возрождения военной мощи и германский империализм вновь выступил во всеоружии на мировую арену. Готовясь ко второй мировой войне, германский империализм всеми силами расширял свою военную промышленность. Германскому фашизму были необходимы и сырье, и полуфабрикаты, и сельскохозяйственные продукты, а избытка капиталов не было, чтобы вкладывать их в зависимые страны и там развивать производство нужной Германии продукции.

В тридцатых годах финансовые ресурсы эстонского государства во все возрастающем объеме направлялись на производство полуфабрикатов и сырья для фашистской Германии. Так, на государственные деньги был расширен сланцеперегонный завод «Кохтла-Ярве», а сланцевое масло вывозилось преимущественно в Германию. Эстонское государство финансировало сланцеперегонный завод крупными суммами, а дешевое масло получала Германия. Шведы также построили сланцеперегонный завод, продукция которого вывозилась в Швецию и Германию. Таким образом и шведы помогали Германии в эксплуатации богатств Эстонии. Основной капитал государственного завода «Кохтла-Ярве» уже в 1932 году превышал 3,5 млн. крон, а сумма всех капитальных вложений составляла 10 млн. крон. На расширение этого завода в середине тридцатых годов государство затратило значительные средства. Как известно, продукция сланцевого масла в Эстонии в 1939 году превысила продукцию 1933 года примерно в 5 раз.

Эстония имеет крупные залежи фосфоритов, которые также привлекали внимание гитлеровской Германии. Германия предложила построить в Эстонии завод по обогащению фосфоритов, поскольку вывоз небогатых фосфоритов был бы слишком дорог.

Концерн «И. Г. Фарбениндустри», который интересовался эстонскими фосфоритами, писал 9 августа 1939 года Центральной кассе в Таллине о расширении полугосударственного акционерного предприятия «Ээсти Фосфорийт» следующее: «Мы в течение нескольких месяцев вели переговоры с вышеупомянутой фирмой об одном способе обогащения сырого фосфорита, разработанном нами совместно с «Гуте хоффнунгс хютте». Немного дней тому назад «Гуте хоффнунгс хютте» сделало «Ээсти Фосфорийту» окончательное предложение о сооружении одного такого завода в Крооди. Если заказ на постройку обогатительного завода будет прислан Вами или «Ээсти Фосфорийтом» в ближайшее время в «Гуте хоффнунгс хютте», то мы готовы заключить следующие договоры о финансировании проектированного завода и о сбыте произведенных продуктов:

1. Мы будем побуждать наших деловых друзей, Дрезденский банк в Берлине и Немецкий земельный банк в Берлине, к предоставлению Вам кредита до 2 000 000 рейхсмарок сроком на 5 лет. Этот кредит должен быть использован для уплаты заказываемых в Германии машин и аппаратов «Ээсти Фосфорийта».

2. И. Г. изъявляет свое согласие заключить с «Ээсти Фосфорийтом» договор на покупку концентрата из продукции Вашего возводимого в настоящее время завода. И. Г. соглашается покупать ежегодно в течение 5 лет по меньшей мере 80 000 тонн концентрата до того количества, которое соответствует всей продукции.

3. И. Г. принимает на себя обязательство поставлять в течение 5 лет химикаты, необходимые для обогащения сырой руды по применяемому флотационному способу, а также взрывчатые вещества, которые потребуются для ее выемки, по твердой цене на основе заключаемого по этому вопросу договора, и ставит со своей стороны заключение указанного под 1) и 2) договоров в зависимость от такого договора на поставку»²¹⁵.

Это письмо характерно в отношении тех приемов, которыми империалистические страны пользуются в обращении с

²¹⁵ ЦГАОР, ф. 969, о. 6, д. 100, л. 102.

зависимыми странами. Во-первых, туманно обещается некоторый кредит, но при условии, что на эти деньги будут приобретены машины и аппараты только из Германии. Значит, новый завод должен был иметь полностью германское оборудование с тем, чтобы монтаж и эксплуатация проводились бы немецкими специалистами. Завод должен был производить сырье и полуфабрикаты только для Германии. Во-вторых, раз уж оборудование будет закуплено в Германии, то при расширении завода и замене изношенных частей и деталей новыми необходимо будет покупать запасные части и новые машины также из Германии. В-третьих, следует учесть, что фашистская Германия продавала свои машины по более высоким ценам, чем другие индустриальные державы, и заставляла зависимые страны покупать их.

Во внешней торговле буржуазной Эстонии особые затруднения были связаны с товарообменом между Германией и Эстонией. Так, в докладе директора отдела торговли Министерства экономики от 20 января 1939 года излагалось следующее: «Сейчас Германия предлагает железо на 10% дороже, чем Франция и Бельгия... Ввоз железа и стали в 1938 году (из Бельгии) значительно уменьшился по сравнению с предыдущим годом (на 24,4%)... В настоящее время Германия по ввозу находится на первом месте (52,2%). В прошлом году была Бельгия, из которой ввозили 25,3% стали и железа, а теперь ввозят только 8,1%. Из Великобритании вместо 11,9% ввозят 10,3%. Из Советской России вместо 16,8% ввозят 0,2%»²¹⁶. И дальше: «... В прошлом году железо закупали там (в СССР) по дешевым ценам в большом количестве»²¹⁷. Следовательно, уже не приемлемая цена на товар служила импульсом импорта, а политический фактор подчинения. Фашистская Германия заставляла покупать свои дорогие товары, так как за сливочное масло и свинину она платила только рейхсмарками. По договору буржуазная Эстония должна была закупать в Германии на ту же сумму, на какую последняя закупала в буржуазной Эстонии. Валютный комитет буржуазной Эстонии разрешал производить заграничные закупки почти исключительно только в Германии, заставляя торговцев идти на невыгодные сделки, компенсируемые им поднятием цен. Таким образом, действительной жертвой убытка в конечном итоге являлся покупатель, население в целом.

²¹⁶ ЦГАОР, ф. 1938, о. 1, д. 506, л. 63.

²¹⁷ Там же, л. 64.

Каким образом империалистическая Германия заставляла покупать свои дорогие товары, причем низкого качества, показывает следующий случай. Сельскохозяйственный центральный союз «Эстония» обратился в Эстонский банк с просьбой разрешить ему закупить в Германии некоторые товары на сумму 130 тыс. крон, поступающую за вывозимое им в Германию сливочное масло. Но разрешение на закупку не было получено²¹⁸. Эстонцы должны были покупать только то, что предписывала Германия.

Например, концерн «И. Г. Фарбениндустри» согласен был дать химикалии и реагенты для флотации фосфоритов только при условии, что весь производимый продукт будет вывезен в Германию. Необходимо вновь подчеркнуть, что флотационный реагент являлся патентом Германии и при отказе вывозить фосфориты в Германию последняя прервала бы снабжение завода патентованными химикалиями. Такими методами Германия пыталась диктовать условия сбыта, цену продукции и т. д. В результате этого зависимость буржуазной Эстонии от Германии постепенно углублялась.

В 1937 году на государственные деньги был построен сульфат-целлюлозный завод в Кехра. Буржуазная Эстония вырубала и вывозила значительное количество леса, перерубы были обычным явлением. Для расширения производства целлюлозы не было, следовательно, никакого объективного оправдания. В царское время бумажные и целлюлозные фабрики, работавшие на территории Эстонии, получали в основном древесину из соседних губерний, но после установления буржуазной власти все бумажные и целлюлозные заводы перебазировались на местное сырье. Сторонники строительства нового целлюлозного завода утверждали, что Кехраский сульфат-целлюлозный завод сможет переработать все отходы древесины, которые иным способом нельзя рентабельно использовать. Во-первых, древесных отходов было мало, во-вторых, доставка их на завод обходилась столь дорого, что была реальной лишь при малых расстояниях. Новый завод в действительности стал работать главным образом на первоклассном лесном материале, и пуск его привел к ускоренному расхищению эстонских лесов. Истинной же целью организации нового завода было увеличение экспорта. Империалистические страны — Англия, США и Франция — ввозили целлюлозу и пиломатериалы. На службу империализма и были поставлены леса буржуазной Эстонии. Сульфат-целлюлозу бумажные

²¹⁸ ЦГАОР, ф. 1790, о. 1, д. 113, л. 12.

фабрики Эстонии потребляли в самых незначительных количествах; почти вся произведенная целлюлоза вывозилась преимущественно в Англию и США. А в случае войны целлюлоза могла потребоваться и Германии.

Крупными предприятиями, построенными на государственные деньги, были также «Государственный лесопильный завод» в Таллине и такой же завод в Тарту, работавшие почти исключительно на экспорт. В буржуазной Эстонии переработка леса в значительной степени превышала его ежегодный прирост. Особенно опустошались те участки, которые находились в более доступных местах, вблизи железных дорог и сплавных рек. Государственный капитал, обслуживая интересы империалистических стран, содействовал расхищению природных богатств Эстонии.

Уже в первые годы существования буржуазной Эстонии ее территория покрывалась сетью маслодельных заводов, беконных боен и холодильников. Эти предприятия вывозили в среднем примерно 90% своей продукции, а построены они были на внутренние ресурсы страны, причем немалую роль играл государственный кредит.

Все это подтверждает, что не только иностранный капитал ввозился в Эстонию для эксплуатации ее природных богатств в своих целях, но и местные капиталы, государственные и частные, были мобилизованы на поставку дешевого сырья и полуфабрикатов империалистическим странам. Предприятия, продукция которых была предназначена главным образом для Германии, испытывали нередко самый бесцеремонный нажим с ее стороны. Например, концерн «И. Г. Фарбениндустри», ввозивший в Германию сланцевое масло, в 1938 году потребовал, чтобы буржуазная Эстония продавала ему сланцевое масло ниже себестоимости.

По сохранившимся сведениям о реализации продукции государственного сланцеперегонного завода «Кохтла-Ярве», снабжавшего Германию сланцевым маслом, в 1938 году было продано всего 39 088 тонн сланцевого масла в среднем за 62,84 кроны тонна²¹⁹, а на 1939 год был заключен договор с «И. Г. Фарбениндустри», по которому было предусмотрено продать сланцевого масла 26 000 тонн по цене 48 рейхсмарок и 14 000 тонн масла по 50 рейхсмарок за тонну²²⁰. Если учесть, что себестоимость сланцевого масла в 1938 году была 48,1 кроны за тонну²²¹, а курс рейхсмарки был 81—90 эстонских крон за

²¹⁹ ЦГАОР, ф. 969, о. 3, д. 102, л. 30.

²²⁰ Там же, л. 34.

²²¹ Там же, л. 29.

100, то станет ясно, что продажа сланцевого масла Германии была убыточной операцией. В письме на имя министра экономики приводился следующий расчет: «Если мы продаем Германии сланцевое масло по 50 рейхсмарок за тонну, то для сравнения условий нельзя исходить из клиринг-курса..., а правильнее принять за основу курс регистрмарки. В таком случае цена, получаемая за сланцевое масло при максимальном курсе 90 (а сейчас курс 81), будет круглым счетом 45 крон за тонну»²²².

В своем письме от 13 января 1940 года новый министр экономики Лео Сепп дал «И. Г. Фарбениндустри» гарантию в том, что министерство экономики обеспечит вывоз в Германию всей продукции государственного сланцеперегонного завода «Кохтла-Ярве» в 1941—1944 гг.²²³

Приведенные факты говорят о чрезвычайно сильной зависимости государственных предприятий буржуазной Эстонии от гитлеровской Германии. Эта зависимость дошла до того, что продукция крупнейшего государственного предприятия целиком продавалась в Германию по цене, которая была на несколько процентов ниже ее себестоимости. Таким образом, германские фашисты захватили не только всю прибыль предприятия, но с каждой тонной продукции захватывали и часть его основного капитала. Руководители государственного сланцеперегонного завода получали крупные тантъемы вдобавок к высокой заработной плате, бесприбыльная же работа предприятия означала уменьшение их доходов, поскольку исключала возможность получения тантъем. О величине тантъем, выплаченных из прибыли предприятия за 1936—1937 гг., сохранились данные в секретном решении от 28 апреля 1938 года, по которому вся прибыль в сумме 166,13 тыс. крон была разделена следующим образом: на увеличение резервного капитала 10 тыс. крон, на улучшение положения рабочих 40 тыс. крон, на добавочное вознаграждение председателя и членов совета, председателя и членов правления, членов ревизионной комиссии и ответственных служащих предприятия 18 тыс. крон, на добавочное вознаграждение лиц, занимавшихся продажей сланцевого масла за границу, 15 тыс. крон, в распоряжение правления для благотворительных целей 2 тыс. крон и на расширение предприятия 81,13 тыс. крон²²⁴. Таким образом, на добавочное вознаграждение было выделено всего 33 тыс. крон, или 20% общей суммы прибыли. В качестве танть-

²²² ЦГАОР, ф. 969, о. 3, д. 102, л. 36

²²³ Там же, л. 77.

²²⁴ Там же, л. 18.

емы получили, например, председатель правления Мярт Рауд 2 400 крон, его заместитель Луйкмилль 1 150 крон и член правления Карл Лутс 1 350 крон. Столь внушительным тантьемам угрожала внешнеторговая политика гитлеровской Германии.

Германия потребовала, чтобы буржуазная Эстония покупала в Германии не меньше, чем она ввозила в Германию. Цены же на вывозимые из Германии товары значительно превышали цены на мировом рынке. Правители буржуазной Эстонии вопреки этому делали все для того, чтобы ввозить из Германии как можно больше товаров. Так, министр экономики Л. Сепп писал 9 февраля 1939 года одному из управляющих внешней торговлей Германии доктору Шлоттереру в Берлин: «Имея целью уменьшение высокого клиринг-сальдо, эстонское правительство решило произвести в Германии большие закупки железнодорожных материалов. Но из полученных предложений явствует, что назначенные цены значительно выше, чем обыкновенные рыночные цены»²²⁵.

Аналогично и содержание следующей телеграммы Лео Сеппа тому же Шлоттереру: «Эстонская воздушная линия желает получить два десятиместных пассажирских самолета. Американское предложение значительно выгоднее, чем предложение Юнкерса, где отсутствует соответствующий тип. Предполагая, что в отношении цен Германия окажется более конкурентоспособной, прошу телеграфировать предложение и срочно выслать представителя»²²⁶.

Со стороны Германии отношение к таким вопросам было довольно надменным. Например, 22 марта 1939 года доктор Шлоттерер писал министру экономики Эстонии Л. Сеппу: «У Эстонии нужда в экспорте некоторых сельскохозяйственных продуктов в Германию, насколько мне известно, так велика, что существенные интересы Эстонии были бы сильно затронуты, если бы здесь происходило сокращение с целью уменьшения сальдо или перемещение в пользу сланцевого масла. Поэтому само собой разумеется, что ввоз сланцевого масла в Германию, для которого нет места в рамках нормальных контингентов и других соглашений, может быть принят во внимание только при условии, что его оплата будет обеспечена дополнительным немецким экспортом в Эстонию»²²⁷.

Примечателен в этом письме диктующий тон, так же как и

²²⁵ ЦГАОР, ф. 969, о. 6, д. 100, л. 13.

²²⁶ Там же, л. 20.

²²⁷ Там же, л. 13.

плохо скрытое притворство. Известно, что гитлеровская Германия была заинтересована в ввозе сланцевого масла. Шлоттерер же делает вид, будто у Германии в отношении сланцевого масла нет особого интереса и она готова пойти навстречу эстонскому правительству при условии увеличения экспорта Германии в Эстонию.

В создавшемся положении эстонское правительство решило отменить свое предложение об увеличении контингента вывозимого в Германию сланцевого масла. Узнав об этом, представитель «И. Г. Фарбениндустри» доктор Э. Р. Фишер сообщил 30 марта 1939 года министру Л. Сеппу:

«В предпоследнем абзаце Вашего письма Вы сообщаете мне, что министерство экономики Эстонии было вынуждено не допускать дополнительного экспорта масла... Будет затруднительным, если не совсем невозможным, успешно вести переговоры о возобновлении или увеличении ввоза эстонского масла в Германию, когда в поставках уже наступил застой...»²²⁸. В письме было отмечено, что Германия может ввозить нефть из Румынии и Мексики и что в Чехословакии найдены новые источники нефти. Далее говорилось: «Все эти чрезвычайно важные для снабжения Германии новые возможности могут очень легко привести к тому, что интерес к покупке эстонского масла уменьшится... К тому же для Эстонии было бы нелегко завоевать новые рынки сбыта сланцевого масла»²²⁹.

Из цитированного письма видно, что немцы действительно были заинтересованы в получении сланцевого масла. Известно, что потребность фашистской Германии в нефти значительно превышала добычу ее Румынией и Чехословакией. Поэтому письмо и содержит умышленные угрозы, слабо маскированные неубедительной аргументацией. Оно вместе с тем свидетельствует о подчинении буржуазной Эстонии фашистской Германии политическими, экономическими и дипломатическими средствами.

Экономика буржуазной Эстонии была перестроена согласно интересам фашистской Германии. Импорт буржуазной Эстонии из Германии всячески поощрялся правительством, несмотря на то, что немецкие товары стоили значительно дороже, чем те же товары в других странах. Особый Комитет торговли не только разрешал или запрещал ввоз известных товаров, но даже давал указания, из какого государства ввоз

²²⁸ ЦГАОР, ф. 969, о. 6, д. 100, л. 6.

²²⁹ Там же.

дозволяется — независимо от того, какие цены существовали в этом государстве. Например, 7 ноября 1938 года Комитет торговли постановил: «Разрешить в текущем году беспрепятственно импортировать анилиновые краски только из Германии, принимая во внимание уже заключенный договор...»²³⁰. В протоколе заседания Комитета торговли от 28 октября 1938 года по пункту повестки дня «Распределение контингента английской шерстяной и хлопчатобумажной ткани» записано: «Ю. Яксон высказывает пожелание, чтобы текстильные товары вообще не ввозились из стран, с которыми у нас имеется пассивный торговый баланс. Следовало бы позволить ввоз только оттуда, где баланс активен, и из Германии. Х. Пуллериц предлагает принять во внимание: 1) чтобы ввоз из Германии не возрастал чрезмерно, 2) чтобы и для Англии контингент был увеличен в соответственной пропорции с Германией»²³¹.

Из приведенного видно, что еще в 1938 году в вопросах внешнеторговой политики Эстонии имелись упорные сторонники Англии. Хотя уже решительно преобладало влияние фашистской Германии, все еще слышались требования о сохранении относительного равновесия.

На следующем заседании Комитета торговли 1 ноября 1938 года ряд ходатайств промышленников и коммерсантов о ввозе товаров из других стран, кроме Германии, был отклонен. Например, торговая фирма «Б. Генс и сыновья» просила разрешения на ввоз из Швеции перламутровых пуговиц на сумму 199,8 кроны; комитет решил отклонить, разрешая ввозить из Германии на основе клиринга. На аналогичное ходатайство Пауля Фрейберга (о ввозе из Швеции перламутровых пуговиц на сумму в 124,2 кроны) комитет реагировал таким же решением. Центральный союз потребительских обществ (ЭТК) просил разрешения на импорт зубцов конных граблей из Швеции на 20 650 крон; комитет решил отклонить, так как закупку можно произвести в Германии²³².

Такие примеры не являлись исключением, а правилом, и подобные решения занимали определенное место в каждом протоколе заседания Комитета торговли. В своих действиях комитет исходил из принципа: покупать следует не в том государстве, где дешевле и выгоднее, а в том, относительно ко-

²³⁰ ЦГАОР, ф. 1112, о. 1, д. 361, л. 8—10.

²³¹ Там же, л. 44—45.

²³² Там же, л. 48—49.

торого внешнеторговый баланс Эстонии активен. В соответствии с этим принципом как можно больше товаров приходилось ввозить из Германии, так как сальдо клирингового счета Эстонии с Германией в эти годы было не только постоянно положительным, но уже возрастало до непомерных масштабов. По существу оно представляло собой кредит, который лежал тяжелым бременем на экономике Эстонии. Уменьшение сальдо клирингового счета являлось одной из главных задач Комитета торговли при Министерстве экономики Эстонии. Положение было тем более тяжелым, что гитлеровская Германия свою роль должника экономически слабых стран использовала для закабаления их разными методами вымогательства.

Таким образом, Комитет торговли своей деятельностью волей-неволей способствовал усилению зависимости буржуазной Эстонии от гитлеровской Германии. Хотя он состоял из представителей государственного аппарата и организаций промышленников, торговцев и кулачества и в его компетенцию входили только регулирование ввоза и вывоза товаров и контроль за движением внешних платежных средств, на его заседаниях отражалось и внутреннее напряжение экономики Эстонии, столкновения интересов различных группировок и разногласия по вопросам, связанным с внешней торговлей. Например, при обсуждении проекта раздачи лицензий на ввозимые товары обнаружилось, что этот проект имел целью резкое сужение круга импортеров, сосредоточение всего импорта в руках небольшого числа крупнейших предприятий. Член комитета, директор отдела внешней торговли министерства иностранных дел Х. Пуллерите отметил, что «по представленному проекту контингенты у меньших фирм в общем уменьшатся, а у отдельных наиболее крупных увеличатся, это обстоятельство поставит последних в положение монополистов»²³³. Но внутренние процессы дифференциации эстонской буржуазии только косвенно касались работы Комитета торговли.

Действовавший при Министерстве экономики в 1938—1940 гг. Комитет торговли был характерным для того времени органом. Буржуазная Эстония, которая в начале тридцатых годов все более попадала под влияние Германии, ставшее с 1935 года преобладающим, теперь окончательно начала переходить в лагерь сателлитов и полусателлитов гитлеровского рейха. Основной задачей рассмотренного выше Комитета

²³³ ЦГАОР, ф. 1112, о. 1, д. 361, л. 43.

торговли, образно говоря, было заботиться о том, чтобы этот переход протекал беспрепятственно и плавно.

Определенную возможность сойти с этого гибельного пути предоставил пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией, подписанный 28 сентября 1939 года. Буржуазное правительство, однако, отказалось использовать эту возможность, и только восстановление советской власти в Эстонии в середине 1940 года открыло новую страницу в ее истории.

Указатель транслитерированных на русский язык имен
собственных, наименований предприятий, банков и организаций.

Акель, Фр.	— Akel, Fr.
«А. Ле Кокк»	— A. Le Coq
«Алкоа» (американская алюми-
ниевая компания)	— «Alcoa» — Aluminium Company of
America
Арчер, Э. Х.	— Archer, E. H.
«Ассерин», Азериский цементный
завод	— Aseri Tsemendivabrik, официально:
A/s. Tsemendivabrik «Asserin»
«Астория», табачная фабрика	— «Astoria» tubakavabriku a/s.
Ауле, Э.	— Aule, E.
«АЭГ» (Всеобщая компания
электричества)	— «AEG» — Allgemeine Elektrici-
täts-Gesellschaft
Банг, Макс	— Bang, Max
Банг, Эрнст	— Bang, Ernst
Беккера завод (судостроительный)	— Boeckeri tehas
Берг, Г.	— Bergh, G.
Бернер, Кр.	— Berner, Chr.
Балтик траст Ко лдт.	— Baltic Trust Company Ltd.
Балтик трейд компани	— Baltic Trade Company
Брашинский, Б.	— Braschinsky, B.
Брашинский, Й.	— Braschinsky, J.
Бритиш оверзис бэнк лдт.	— The British Overseas Bank Ltd.
Брюннер, В.	— Brünner, W.
Бутте, П.	— Butte, P.
Бэрдон, Герхард	— Burdon, Gerhard
Бялик, Мозес	— Bialik, Moses
Валлен, Отто	— Wallen, Otto
«Вальдгоф», целлюлозная фабри-
ка, акц. об-во	— Tselluloosivabrik A/s «Waldhof»
Вахман, Константин	— Wachmann, Constantin
«Венеста лдт.»	— «Venesta Ltd.»
Вёрман, Й.	— Wöhrmann, J.
Вестель, Г.	— Vestel, G.
«Виганд», машиностроительный
завод	— Wiegandi masinavabrik
«Виккерс лдт.»	— «Vickers Ltd.»
Винналь, Ханс	— Vinnal, Hans
Виркгауз, Т.	— Wirkhaus, T.
«Вирумаа Электер», акц. об-во	— Virumaa Elektri A/s.
Витте, Гельмут	— Witte, Helmuth
Вишау	— Whishaw

- «Вольта», машиностроительный завод, акц. об-во
Врангель
- Гансон, Курт
«Б. Генс и сыновья»
«Гестор», акц. об-во
Голубевы М. и В.
Гольдман
Гордон, А.
Гордон, Е.
Граве, А.
Гренберг, Й.
Гринфильд, А.
Грубе, Георг
«Гуте хоффнунгс хютте»
- «Данск самвирке и Эстланд»
«Двигатель»
«Дейче банк-унд дисконтогезель-шафт»
«Дейче Ллойд ферзихерунг»
- Дехио
«Джюйш колоуниэл траст брук хаус»
«Дюпон де Немур»
Дээн
- Жирар, Б.
Жирар де Сукантон
- «Ильмарине», акц. об-во
Ицкович, Гедали
Ицкович, Хая
- Э. И. Йохансона бумажная фабрика
Йохансон, Х.
Йохансон, Эдуард
- Катлама, Абрам
Катлама, Борис Исаакович
Кёстнер, Н.
Кизерицкий, Г.
Кильгас, Оскар
«О. Кильгас», акц. об-во
Кларк, Дж.
«Т. Клейхиллс энд сан»
Кнегт, Д.
Кнооп, Андреас
Кнооп, Людвиг
«Койль», бумажная фабрика, акц. об-во
Кох, А.
- Masinaehitustehas Ä/s. «Volta»
— Wrangell
— Hanson, Kurt
— B. Genss ja Pojad
— A/B. Gestor
— M. J. Golubeva ja W. A. Golubev
— Goldmann
— Gordon, A.
— Gordon, E.
— Grave, A.
— Grönberg, J.
— Greenfield, A.
— Grube, Georg
— Gute Hoffnungs Hütte
— «Dansk Samvirke i Estland»
— Dvigatel
— Deutsche Bank- & Disconto-Gesellschaft
— «Deutscher Lloyd», Versicherungs-aktiengesellschaft
— Dehio
— The Jewish Colonial Trust Brook House
— Du Pont de Nemours & Cie
— Dehn
— Girard, B.
— Girard de Soucanton
— Ä/s. «Ilmarine»
— Itskovitš, Gedaly
— Itskovitš, Haja
— Ä/s. Tallinna Paberivabrik E. J. Johanson
— Johannson, H.
— Johanson, Eduard
— Katlama, Abram
— Katlama, Boris Isaku pg.
— Köstner, N.
— Kieseritzky, G.
— Kilgas, Oskar
— Ä/s. «O. Kilgas»
— Clarke, J.
— Thomas Clayhills & Son
— Knegt, D.
— Knoop, Andreas
— Knoop, Ludwig
— Ä/s. Paberivabrik «Koil»
— Koch, A.

- Кох, Гарри
 Кох, Герман
 Кох и Ко, акционерное общество
 эксплуатации недвижимых
 имуществ
 Крейгера трест
 «Кренбалт», акц. об-во
 «Франц Крулл», акц. об-во
 Кукк, Юхан
 «Кюттейюд», акц. об-во
 «лабуа»
 «Лаферм», акц. об-во
 Левин
 Лепп
 Леренман, Ефраим
 Либерман, Самуиль
 Лилиенфельд
 Лильеборг, О.
 «Ллойд»
 «Лондон энд норзерн трейдинг
 Ко лтд.»
 Луйкмил
 Лукк, Г.
 Лутс, Карл
 «А. М. Лютер», акц. об-во
 Лютер, М.
 Майдель
 Мак-Киббин, А.
 Маковский, Борис
 «Маниво Маатчапи, Н. В.»
 Мауриц, Конрад
 «Э. М. Мейер и Ко»
 «Мендельсон и Ко»
 Меритс, Аугуст
 «Мидлэнд бэнк»
 Миндинг, Эрнст
 Мэкрон
 Мюлен
 «Наэль», акц. об-во
 «Ноблесснер»
 Нолкен
 «Нэшнел сити бэнк»
 «Нью балтик вуд Ко лтд.»
 Ньютон
 «Осман», акц. об-во
 Пален
 Пельцер, Н.
 «перконкрустъеши»
 Петерсен, Л.
 — Koch, Harry
 — Koch, Hermann
 — Kinnisvarade Kasutamise A/s.
 — Koch & Ko, до 1929 года:
 — Eestimaa Liikumata Varanduste
 Ekspluateerimise Selts
 — Kreugeri trust
 — A/s. «Kreenbalt»
 — A/s. «Franz Krull»
 — Kukk, Juhan
 — A/s. «Küttejõud»
 — lapua
 — A/s. «Laferme»
 — Levin
 — Lepp
 — Lerenmann, Efraim
 — Liebermann, Samuel
 — Lilienfeldt
 — Lilieborg, O.
 — Lloyd
 — The London and Northern Trading
 Co. Ltd.
 — Luikmil
 — Lukk, G.
 — Luts, Karl
 — A/ü. «A. M. Luther»
 — Luther, M.
 — Maydell
 — Mc. Kibbin, A.
 — Makovski, Boris
 — N. V. Manivo Maatschappij
 — Mauritz, Konrad
 — E. M. Meyer & Co
 — Mendelssohn & Co
 — Merits, August
 — «Midland Bank»
 — Minding, Ernst
 — Macrone
 — Mühlen
 — A/s. «Nael»
 — Noblessner
 — Nolcken
 — «National City Bank»
 — «New Baltic Wood Co. Ltd.»
 — Newton
 — A/s. «Osman»
 — Pahlen
 — Feltzer, N.
 — perkonkrustieši (tuliristlased)
 — Petersenn, L.

«Поларис», акц. об-во
«Порт-Кунда», акц. об-во (Кунда-
ский цементный завод)
Пуллеритс, Х.
Пунг, М.
Пухк, Яак
Пухк, Йоаким
«Я. Пухк и сыновья»
«Пыхья Пабери-я Пуупапиваб-
рик», акц. об-во

Ранек, Л.
Расмуссен, Л.
«Рауанийт», акц. об-во
Рауд, Мярт
«Рашэн тобэкко Ко лтд.»
Резерфорд, Генри
Ренненкампф
Репенак, П.
«Ригаэр папийрфабрикен»,
акц. об-во
Ризенкампф, Александр
Рихтер, Д.
Розен, А.
«Розен и Ко»
«Ротермани Техазед», акц. об-во
Ротерман, Кристиан Абрахам
«Роял Датч Шелл Ко»
Румберг, Ю.

«Саку Ыллетехас», акц. об-во
Салливэн
Сепп, Лео
«Сименс-Шуккертверке»
«Сирена», акц. об-во
Сихвер, Йохан
«Стандарт ойл»

«Таллинна Ээсти Кирьястусюхи-
зус»
Таммер, Х.
Таубе
«Телефонактиеболагет Л. М. Эрик-
сон»
Тофер, А.
«Тюри Пабери-я Пуупапиваб-
рик», акц. об-во

Уильямсон, Уолтер
Унгern-Штернберг
Урла, Й.
Уэссон

Фале, Эмиль
«И. Г. Фарбениндустри»

— Eesti Kinnitus A/s. «Polaris»
— «Port-Kunda» Tsemendivabriku A/s.
— Pullerits, H.
— Pung, M.
— Puhk, Jaak-Johann
— Puhk, Joakim
— J. Puhk ja Pojad
— A/s. Põhja Paberi- ja Puupapivab-
rik

— Ranek, L.
— Rasmussen, L.
— A/s. «Rauaniit»
— Raud, Märt
— The Russian Tobacco Company Ltd.
— Rutherford, Henry
— Rennenkampff
— Repenack, P.
— A/G Rigaer Papierfabriken
— Riesenkampff, Alexander
— Richter, D.
— Rosen, A.
— Rosen & Ko
— A/s. «Rotermanni Tehased»
— Rotermann, Christian-Abraham
— Royal Dutch Shell Company
— Rumberg, J.

— A/s. Saku Olletehas
— Sullivan
— Sepp, Leo
— Siemens-Schuckertwerke
— A/s. «Sirena»
— Sihver, Johan
— Standard Oil Company of New
Jersey

— Tallinna Eesti Kirjastusühisus
— Tammer, H.
— Taube
— Telefonaktiebolaget L. M. Ericsson
— Tofer, A.
— Türi Paberi- ja Puupapivabriku A/s.

— Williamson, Walter
— Ungern-Sternberg
— Urla, J.
— Uesson

— Fahle, Emil
— «I. G. Farbenindustrie»

- Фельдман, В.
 «Филипс»
 Финн, Фр. Патрик
 Фишер, Э. Р., д-р
 «Форвертс»
 Форсман, Ингеборг
 Форсман, Эдуард
 Фрейберг, Пауль
- Хабихт, Й.
 «Хаванна», паевое об-во
 Ханзен, Теодор
 Харви
 Харгривс, Х.
 Хэнней, В. М.
 Хьюз, А.
- Цейдлер, Рудольф
 Цитрон, Исаак
 Цэге-Мантейфель, В.
- Шеель, Георг
 «Г. Шеель и Ко», акц. об-во
 Шеель, Клаус
 «Шийд, Томсон энд Ко лтд.»
 Шиллинг
 Шлоттерер, д-р
 «Шмидт, Г. Д.»
 Шмидт, Г. Фр.
 Шретер, Роберт
 Штиглиц, А. Л.
 Штрандман, О.
 Штуде, Г.
 Шульман, О.
 Шютт, К.
- Эйвери
 Эйкройнд, Уильям
 «ЭКА» («Эстляндское страховое
 акц. об-во»)
- Элерс
 «Эрикссон»
 «Эстониэн ойль-шейль девелоп-
 мент синдикейт лтд.»
 «Эстония», театральное общество
- «Эстония Экспорттапамаяд»
 «Ээсти Кививыли», акц. об-во
 Ээсти Линатёстусе Актсиясельте
 «Ээсти Ллойд», акц. об-во
 «Ээсти Трюкикоя, акц. об-во»
 «Ээсти Пабер», акц. об-во
 Ээсти Панк
 «Ээсти Саэвескид», акц. об-во
 «Ээсти Унион»
 «Ээсти Фосфорит», акц. об-во
 «Ээсти Филипс», акц. об-во
- Feldman, V.
 — Philips
 — Finn, Fr. Patrik
 — Fischer, E. R., dr.
 — «Vorwärts»
 — Forsmann, Ingeborg
 — Forsmann, Eduard
 — Freiberg, Paul
- Habicht, J.
 — O/ü. «Havanna»
 — Hansen, Theodor
 — Harvey
 — Hargreaves, H.
 — Hannay, W. M.
 — Hüüs, A.
- Zeidler, Rudolf
 — Citron, Isaak
 — Zoegel-Manteuffel, W.
- Scheel, Georg
 — A/s. Scheel & Co
 — Scheel, Klaus
 — Sheed, Thomson & Co. Ltd.
 — Schilling
 — Schlotterer, dr.
 — «Schmidt, H. D.»
 — Schmidt, H. Fr.
 — Schroeter, Robert
 — Stieglitz, A. L.
 — Strandman, O.
 — Stude, G.
 — Schulmann, O.
 — Schütt, C.
- Avery
 — Aykroyd, William
 — «EKA» («Eestimaa Kindlustuse
 Aktsiaselts»)
- Ehlers
 — Ericsson
 — The Estonian Oil-Shale Develop-
 ment Syndicate Ltd.
 — Tallinna Eesti Teatri O/ü. «Estonia»
 — «Estonia Eksporttapamajad»
 — A/ü. «Eesti Kiviõli»
 — Eesti Linatööstuse A/s.
 — Kindlustus-a/s. «Eesti Lloyd»
 — Eestimaa Trükikoja A/s.
 — A/s. «Eesti Paber»
 — Eesti Pank
 — A/s. «Eesti Saeveskid»
 — «Eesti Union»
 — A/s. «Eesti Fosforiit»
 — A/s. «Eesti Philips»

Юнг, Марк ван
Юнкерс

— van Jung, Mark
— Junkers

Яксон, Ю.
Янес, Мярт
Янссен, Альберт

— Jaakson, J.
— Jänes, Märt
— Janssen, Albert

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Книги

- Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. т. 22. [М.], Госполитиздат, 1949.
- Гольдштейн И. и Левина Р. Германский империализм, М., Госиздат, 1947.
- История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Под ред. Г. И. Наана. 2-е изд., Таллин, Эстгосиздат, 1958.
- Капиталистические страны. ЦУНХУ Госплана СССР, том 1, М., 1937.
- Кульбакин В. Д. Милитаризация Германии в 1928—30 гг. М., Госполитиздат, 1954.
- Фальсификаторы истории. Ист. справка. М., Госполитиздат, 1951.
- Eesti arvudes 1920—1935. Tallinn, 1937.
- Эстония в цифрах 1920—1935.
- Eesti biograafilise leksikon. Toim.: prof. A. R. Cederberg (peatoimetaja), prof. H. Koppel, prof. J. Kõpp, prof. A. Saareste, dots. P. Treiberg, F. Tuglas, R. Kleis (sekretär). Tartu 1926—1929.
- Эстонский биографический лексикон.
- Eesti Entsüklopeedia. Redaktsioonitoimkond: R. Kleis (peatoimetaja), P. Tarvel, J. V. Veski. Tartu, «Loodus», 1932—1937. 2. kd. (1933), 4. kd. (1934), 6. kd. (1936), 7. kd. (1936), 8. kd. (1937).
- Эстонская энциклопедия.
- Eesti majandustegelased. Toim.: R. Berendsen, P. Huij, A. Lahe, K. Mauritz, A. Mändvere, E. V. Saks, V. Simsimart, L. Veldi. Tallinn, Kaubandus-Tööstuskoda, 1938.
- Хозяйственные деятели Эстонии.
- Janusson, J. Eesti majanduslik areng. Tallinn, Põllumajanduslik Konjunkturbüroo, 1932.
- Януссон, Ю. Экономическое развитие Эстонии.
- Saarniit, H. Kodanlik Eesti sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924). Tallinn, ERK, 1958.
- Саарнийт, Х. Буржуазная Эстония в годы послевоенного революционного кризиса (1920—1924).
- Tööstus, 1937. a. majandusloenduse andmed. I vihik, Tallinn, 1939.
- Промышленность, данные экономической переписи 1937 г., вып. I.
- Phillips, H. W. Modern Foreign Exchange and Foreign Banking, London, 1936.

2. Ежегодники, журналы, газеты и пр. периодические издания

Известия Академии наук Эстонской ССР.

Eesu kroonika («Эстонская хроника» — ежегодное издание Эстонского литературного общества, начиная с 1932 года).

Eesti majandus («Экономика Эстонии» — ежегодник Эстонского банка).

Majandusteated (еженедельник Института конъюнктуры).

Väliskaubandus («Внешняя торговля» — ежегодник Государственного центрального статистического бюро).

Riigi Teataja (периодические государственные ведомости).

Eesti Statistika (журнал).

Konjunktuur (журнал).

Postimees (газета).

Päevaleht (газета).

Vaba Maa (газета).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Роль Англии и Германии в экономике буржуазной Эстонии	6
2. Значение американского влияния на буржуазную Эстонию	20
3. Проникновение иностранного капитала в промышленность	25
4. Внешняя задолженность промышленности	54
5. Внешняя торговля	66
6. Эстонский банк и его место в экономике Эстонии	82
7. Рост политической зависимости	102

Оскар Сепре
ЗАВИСИМОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ
ОТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

На русском языке

Редакционно-издательский совет
Академии наук Эстонской ССР
Таллин, ул. Кохту, 6

*

Редактор Н. Бузулуков.

Редактор РИСО А. Севастьянов.
Технический редактор Э. Тоомсалу.

Корректор И. Елецкая.

Сдано в набор 4 II 1960. Подписано к печати 4 V 1960. Бумага 60×92, ¹/₁₆. Печатных листов 7,75. Учетно-издательских листов 7,43. Тираж 1000. МВ-02487. Заказ № 419. Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк, 40/42.

Цена 5.70

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00902449 0

Рyb. 5.70

